

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»

В. Н. Кивель

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОГО СТАТУСА
ЛИЧНОСТИ**

Монография

Минск • МИТСО • 2017

УДК 342.7(043)

ББК 67.400.7

К38

Рекомендовано
к изданию научно-методическим советом
Международного университета «МИТСО»
(протокол № 7 от 23.03.2016)

Рецензенты:

Д. М. Демичев, доктор юридических наук, профессор;

В. М. Шабайлов, доктор юридических наук, профессор, член корреспондент НАН Беларуси

Sehr geehrte Mitarbeiter von Stiftung Alexander von Humboldt,
Max Planck Institut in Heidelberg, Professor Dr. Armin von Bogdandy!

Ich möchte meine beste herzliche Dankbarkeit für die Möglichkeit der schöpferischen Arbeit an meiner Monographie äußern. Alle deutschen Kollegen waren zu mir immer hilfsbereit und freundlich. Meinerseits wünsche ich allen deutschen Kollegen gute Gesundheit, Erfolg in der wissenschaftlichen Arbeit und viel Glück im Privatleben.

Mit freundlichen Grüßen

Wladimir Kivel

Кивель, В. Н.

К38 **Теоретические** проблемы конституционно-правового статуса личности : моногр. / В. Н. Кивель. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 316 с.

ISBN 978-985-6421-51-1.

Объектом исследования являются общественные отношения в области конституционно-правового статуса личности и правовые нормы, регулирующие данные отношения. Цель монографии – разработка теоретических и организационно-правовых основ в данной области отношений. В работе исследованы теоретические вопросы формирования конституционно-правового статуса личности. Выявлены проблемы и характерные особенности его структурных элементов. Данное исследование является комплексной монографической работой в области конституционного права, исследующей проблемы конституционно-правового статуса личности.

УДК 342.7(043)

ББК 67.400.7

ISBN 978-985-497-6421-51-1

© Кивель В. Н., 2017

© Международный университет
«МИТСО», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим направлением проводимой в Республике Беларусь реформы во всех областях общественной жизни является создание условий для всестороннего развития личности. Данное положение вытекает из смысла ст. 2 Конституции Республики Беларусь [322]. Это требует мощного экономического и социально-культурного развития страны, дальнейшего совершенствования демократических процессов, формирования правового государства и гражданского общества, что подтверждается положениями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [516], и Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [490]. Достижение этих задач возможно лишь совместными усилиями личности, общества и государства.

Исторически сложилось, что государственные интересы всегда преобладали над личными, трактовались как нечто высокое и более важное, чем интересы простого человека. Изменение отношения к интересам личности – важная общественная задача. В связи с этим возрастает роль конституционно-правового статуса личности – важнейшей теоретико-правовой категории конституционного права. Необходимо отметить, что научных исследований, посвященных правовому статусу личности как комплексному явлению, в Республике Беларусь нет. Имеются лишь исследования отдельных элементов данного института. Стержневыми элементами конституционно-правового статуса личности являются права и обязанности человека, их гарантии, защита, а также ответственность.

Исследуемая проблема находится на стыке общей теории права и государства и таких отраслевых юридических наук, как конституционное, административное, гражданское, международное публичное, уголовное право, а категория «правовой статус личности» является системообразующей категорией общей теории права и конституционного права, нормы которого детализируются и развиваются в иных отраслях права и законодательства.

Обеспечение и защита прав человека возможны лишь при огромной заинтересованности государства, формировании им специального государственно-правового механизма для эффективного решения этой важной задачи. Только демократическое государство, формируемое и контролируемое народом, может по-настоящему ценить человека, гражданина и проводить политику в их интересах, на взаимном доверии и уважении между народом и властью. Актуальны слова русского философа-правоведа И. А. Ильина: «Взаимное уважение народа и власти оказывается необходимой основой государственного бытия. Однако столь же необходимой основой общества, правопорядка и политического существования является взаимное доверие» [252, с. 262].

Конституционно-правовой статус личности относится к неотъемлемой основе демократии, так как государство учитывает интересы всех членов общества. В свою очередь жизнность демократии во многом зависит от полноты закрепления прав и свобод человека в правовой системе государства, их реальных гарантий

Мировая теория и практика прав человека и их защиты прошли долгий путь развития. В этом эволюционном процессе обогащались представления об экономических, политических, юридических и иных гарантиях прав человека, совершенствовался организационно-юридический механизм их защиты. Практика демократических государств выработала различные модели закрепления института прав человека в конституциях, текущем законодательстве исходя из особенностей исторического развития, соотношения интересов социальных групп, экономической основы общества, форм государственного устройства, характера политической системы. Имеющиеся модели, несмотря на различия, в основном сближаются с общими принципами, закрепленными в международных документах.

В теории международных прав человека важное место занимает проблема преемственности поколений прав, которая прослеживается в определенной зависимости от развития мировой политики и общественного сознания сообщества. Процесс глобализации сопровождается коренной переориентацией ценностных моделей прав человека, а мировая политика и мировая экономика дополняются глобализацией обеспечения прав личности.

Значимой проблемой на современном этапе развития общества и государства, где экономические отношения основаны на

сочетании государственных и частных интересов и инициатив, является взаимная ответственность личности и государства.

Одним из условий защиты прав человека является социально-психологический перелом в отношении прав человека не только со стороны государственных чиновников, но и со стороны всего населения республики, независимо от национальных, расовых, религиозных, социальных различий. Преодоление пренебрежительного отношения к правам человека в обществе станет большим скачком в продвижении к подлинной демократии и устойчивой жизни.

В 1940-х гг. в советской научной литературе имела место теория, согласно которой внимание к проблемам защиты прав и интересов личности рассматривалось как проявление буржуазного либерализма [780, с. 48]. Только после XX съезда КПСС появились отдельные разработки по проблемам защиты прав человека. Вопросами прав граждан в СССР занималась большая группа ученых-юристов, но защита прав граждан исследована мало. В нашей республике научными исследованиями в области защиты прав человека занимается узкий круг ученых: А. М. Абрамович, Г. А. Василевич, А. А. Головкин, В. А. Кучинский, И. И. Мартинович и др. Однако до настоящего времени фактически отсутствует цельная национальная концепция разрешения этой важной проблемы.

Большую роль в формировании национального механизма защиты прав человека может сыграть опыт зарубежных государств. Естественно, нет необходимости копировать зарубежный опыт, но возможно учесть все лучшее в странах «старой демократии», усовершенствовав его с учетом национальных особенностей и государственного строительства нашей республики. Достаточно актуальными в настоящее время являются слова русского профессора начала XX в. И. А. Покровского: «Всякий народ ищет одного и того же – осуществления правды в междулических отношениях. Эта же правда едина, и потому в “народном духе” каждой национальности важно только то, что имеет этическую ценность. Эта ценность важна одинаково для всех, и потому естественно, что раз найденная одним народом, она будет усвоена всеми другими. И счастливы те народы, которые обогатили мир наибольшим количеством таких общечеловеческих ценностей» [570, с. 31].

Настоящая монография представляет собой комплексное научное исследование конституционно-правового положения личности и является первым в отечественной юридической литературе научным трудом, обобщающим и развивающим предшествующие научные изыскания по данным проблемам.

Автор в своей позиции опирается на фундаментальные теоретические положения правовой науки. Проведенное научное исследование позволило выявить определенные политические и юридические факторы в рамках исторически обусловленных периодов, повлиявшие (и влияющие в настоящее время) на становление и развитие конституционно-правового статуса личности, и дало возможность увидеть имеющиеся в современной правовой науке проблемы, что подтверждает необходимость продолжения исследований с целью развития теоретических основ правового положения личности как одного из актуальных направлений науки общей теории права и конституционного права.

В основу построения монографии положен объем прав и свобод, обязанностей человека и гражданина, их гарантии и защита, а также ответственность личности перед обществом, государством и другими людьми, объединенных в конституционно-правовую категорию «конституционно-правовой статус личности».

Следует признать, что законодательство Республики Беларусь далеко не всегда успешно отражает суть изменений, происходящих в общественных отношениях в области конституционно-правового статуса личности. Этому, по мнению автора, препятствует отсутствие единого научного подхода к юридическому обеспечению названной области общественных отношений. На обоснование такого научного подхода, определяющего специфику правового регулирования общественных отношений в области правового статуса личности, направлены основные положения работы.

Разработка отвечающей современным условиям теоретической основы конституционно-правового регулирования общественных отношений в виде предлагаемой конституционно-правовой концепции позволяет сформировать объективно необходимый (и отсутствующий в настоящее время) единообразный подход к юридическому обеспечению общественных отношений, возникающих по поводу конституционно-правового статуса личности.

ГЛАВА 1

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование теоретических основ конституционно-правового статуса (положения) личности в общественных отношениях и прикладных проблем, имеющих место в законодательстве Республики Беларусь в связи с юридическим закреплением правоотношений по поводу реализации структурных элементов конституционно-правового статуса личности (прав и свобод человека и гражданина, обязанностей, ответственности, гарантий и защиты прав и свобод), базируется на изучении и анализе научной литературы – как юридической, так и иной (философской, исторической, политологической).

В основу данного научного исследования положена научная гипотеза о том, что *предметом правового статуса личности* являются общественные отношения, лежащие в сфере правового положения человека и его взаимоотношений с коллективом, обществом и государством. Эти отношения носят комплексный характер и регулируются нормами различных отраслей права. Основы правового статуса личности определяются нормами конституционного права, которые в свою очередь детализируются в нормах иных отраслей права, что свидетельствует о комплексности данного правового института. В рамках отрасли конституционного права конституционно-правовой статус личности выступает в качестве *системообразующей категории*, имеющей свои принципы.

Литература в настоящей главе приведена и проанализирована в логической последовательности построения материала монографии, что, по нашему мнению, позволяет определить структуру работы в целом по исследованной проблематике.

Первая глава основной части работы состоит из анализа теоретических подходов, имеющих место в науке относительно понятия, структуры и принципов конституционно-правового статуса личности, что позволяет определить общую цель исследования – правовое положение человека и его взаимоотношения с коллективом, обществом и государством.

Теоретические основы конституционно-правового статуса личности представляют собой систему научных взглядов на сущность и юридическую природу правового регулирования общественных отношений в области конституционно-правового статуса личности и включают определение: а) понятия конституционно-правового статуса личности; б) структуры конституционно-правового статуса личности; в) основных начал (принципов) конституционно-правового статуса личности.

При формулировании концепции конституционно-правового статуса личности автор принимал во внимание предшествующие научные исследования по отдельным теоретическим вопросам конституционно-правового статуса личности.

Теоретической базой для обоснования предложенной в диссертации концепции конституционно-правового статуса личности как теоретической основы правового регулирования в данной области общественных отношений являются следующие принятые в правовой науке положения: признание в качестве предмета конституционного права наиболее важных общественных отношений в области конституционно-правового статуса личности; признание в качестве объекта конституционных правоотношений в области конституционно-правового статуса личности того, что наделено признаками конституционного. При этом следует признать, что единой теоретической концепции правовой модели конституционно-правового статуса личности в науке не выработано.

Раздел 2.1 «Понятие правового статуса личности» основан на анализе взглядов отечественных и зарубежных правоведов, философов и политологов, специализирующихся на данной проблеме, в том числе на трудах: А. М. Абрамовича [6;7], С. А. Авакьяна [9; 10], С. С. Алексеева [24–27], Н. Н. Белякович [50; 51], А. Г. Бережнова [52], В. Н. Бибило [57], С. Н. Братановского [78], М. М. Бринчука [85], Г. А. Василевича [107;111], В. Н. Витрука [127], Л. Д. Воеводина [132], А. Ф. Воротникова [136], Л. Н. Галенской [142], Т. В. Гамцелидзе [145], А. А. Головки [160], Д. М. Демичева [192], С. Г. Дробязко [204–206], В. А. Зинченко [236], А. Е. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич [237], С. Н. Кожевникова [295], Б. К. Кожомбердиева [296], Е. И. Козловой и О. Е. Кутафина [299; 300], С. А. Комарова и А. В. Малько [308],

Н. М. Коркунова [330–333], В. А. Кучинского [357–359], В. В. Лазарева [366–368], И. А. Ледях, О. В. Воробьева, Н.С. Колесовой [381], О. Э. Лейста [383], А. И. Лепешкина [386], Е.А. Лукашовой [395], Т. И. Макаровой [407], В. П. Малахова [410], А. В. Малько [425; 427], Г. В. Мальцева [431], М. Н. Марченко [442], Н. И. Матузова [449; 451], А. А. Мельникова [461], А. В. Мицкевича [475], В.С. Нерсесянца [491–493], М.Ф. Орзиха [535], О.В. Орловой [536–538], В. А. Патюлина [556], А.С. Пиголкина [564], И. А. Покровского [570], М. Н. Марченко [587], Б. В. Пхаладзе [601], Л. П. Рассказова [605; 606], И. В. Ростовщикова [618; 619], Ф. М. Рудинского [623], Л.М. Рябцева [627], Р. И. Косолапова [629], В.М. Сафронова [647–649], М.Б. Смоленского [676;677], В. М. Чхиквадзе [683; 791; 792], И. Т. Тарнавского [699], А. Г. Тиковенко [718], А. В. Турлаева [734], И. Е. Фарбера [743; 744], А. Г. Хабибулина [759], А. А. Чепурнова [772], М. Ф. Чудакова [786–788], В. М. Чхиквадзе [788; 789], В. П. Шиенка [803], Б. С. Эбзеева [809; 810], И. А. Юхо [818], Г. А. Якимова [823], в которых исследуются теоретические основы понятия и структуры правового статуса личности.

В юридической науке сложились различные представления о понятии правового статуса личности. Правовой статус личности в широком контексте рассматривается как теоретическая конструкция наряду с такими понятиями, как правовая система, правоприменение и другими, входящими в предмет юридической науки [697]. Впервые теоретико-правовое обоснование правовому положению человека в Республике Беларусь как субъекту и объекту права было дано профессором С. Г. Дробязко [205]. В правовой науке высказаны различные мнения по соотношению терминов «правовое положение» и «правовой статус». По мнению ряда ученых, первое понятие шире второго [126; 708 и др.]. Некоторые исследователи исходят из того, что «правовой статус» поглощает «правовое положение» [357; 358 и др.]. Большинство авторов считают, что названные понятия равнозначны [121; 131; 451; 606; 703 и др.].

Чаще всего под юридическим положением личности (правовым статусом) в обществе и государстве понимают права, свободы и обязанности [78; 126; 296; 430; 475; 556; 606; 702 и др.]. Часть исследователей на правах структурных элементов

наряду с правами свободами и обязанностями включает в правовой статус ответственность [121; 192 и др.], гражданство [6; 160; 192; 386; 430; 648; 649 и др.], правоспособность [192; 308; 426; 451; 601 и др.], законные интересы [308; 419; 425; 426; 451; 692 и др.], принципы [132; 308; 317; 451; 823 и др.], гарантии [9; 132; 192; 237; 366; 799 и др.], защиту прав и свобод [9 и др.].

В науке конституционного права различают следующие виды правового статуса: общий, или конституционный, статус гражданина; специальный, или родовой, статус определенных категорий граждан; индивидуальный статус; статус физических и юридических лиц; статус иностранцев, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, беженцев; статус граждан, находящихся за рубежом; отраслевые статусы (гражданско-правовой, административно-правовой и др.); профессиональные и должностные статусы (статус депутата, министра, судьи) и др. [9; 237; 366; 451; 706 и др.].

В разделе 2.2 «Принципы правового статуса личности» исследуются теоретические взгляды на принципы конституционно-правового статуса личности. Этот раздел основан на трудах А. М. Абрамовича [6], С. А. Авакьяна [9;10], С. С. Алексеева [25–27], М. И. Байтина [44], Н. Л. Бондаренко [70], Г. А. Василевича [107; 111; 112], А. Е. Вашкевича [117], А. Б. Венгерова [121], В. Н. Витрука [126; 317], Л. Д. Воеводина [131;132], Г.А. Гаджиева [141], Д. М. Демичева [192], В. А. Кучинского [358], В. В. Лазарева [366], Е. А. Лукашовой [395], М. Н. Марченко [442], В. А. Патюлина [556], Л. П. Рассказова [605], М. Ф. Чудакова [786–788], В. М. Чхиквадзе [791; 792] и др.

Под принципами права большинство ученых понимает «исходные, определяющие идеи, положения, установки, основные начала, правовую модель и т. д.» [9; 25; 44;70; 107; 131; 192; 366; 697; 698; 700; 701; 704; 792 и др.]. В отношении правового статуса личности предлагаются различные принципы: сочетание личных и общественных интересов; всеобщая доступность прав и непреложных обязанностей; равноправие граждан; гуманизм [131; 792 и др.]; единство прав и обязанностей; равенство сторон; гарантированность прав и обязанностей [648]; законность; сочетание интересов государства и граждан; единство взаимных прав и обязанностей государства и граждан; ра-

венство основных прав и обязанностей граждан; расширение прав и свобод граждан, повышение их социальной активности, ответственности и самодисциплины при исполнении обязанностей [556]; свобода личности; принадлежность человеку основных прав и свобод от рождения и их неотчуждаемость; соответствие статуса личности в государстве требованиям и стандартам, сложившимся в международном сообществе; сочетание индивидуальных интересов личности и интересов других лиц, государства и общества; принцип всеобщности; юридическое равенство граждан (равноправие); соответствие конституционным основам статуса личности его регулирования в текущем законодательстве и практической реализации; гарантированность конституционного статуса личности [9; 10]; принципы гуманизма и справедливости как категории нравственного сознания [757]; уважение достоинства личности; человек, его права и свободы как высшая ценность; равенство всех перед законом и судом; признание, соблюдение и защита общепризнанных прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [317]; гарантированность прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; реализация прав, свобод и обязанностей человека и гражданина на основе равноправия; равенство всех перед законом; непосредственное действие прав и свобод [78; 605]; достоинства, свободы, равноправия [117]. Следует признать, что единого теоретического подхода к содержанию принципов конституционно-правового статуса личности в науке не выработано и дискуссионным является вопрос о вхождении принципов в структуру конституционно-правового статуса личности на правах элемента.

В главе 3 рассматриваются теоретические основы элементов конституционно-правового статуса личности.

О правах человека и гражданина как элементе конституционно-правового статуса личности возможно говорить лишь в смысле тех социальных возможностей, той социально оправданной свободы поведения человека как общественного существа, которые определены конкретными условиями его жизнедеятельности в данной общественной системе, действием объективных социальных закономерностей [25; 583 и др.].

Концепция прав человека – достаточно многоплановое явление, которое не исчерпывается только правом. Формирование ее

проходило под влиянием многих факторов жизни общества (философии, религии, морали и культуры в человеческом обществе в целом и в отдельных этносах) [408; 742; 743 и др.].

В философско-правовом плане отношение к правам человека тесно связано с двумя основными направлениями юридической мысли: естественно-правовым и позитивистским [23; 31; 146; 172; 227; 266; 268; 383; 491; 719; 767; 839; 843; 850 и др.].

В современном мире происходит слияние позитивистских и естественно-правовых теорий [23; 121; 357; 381; 383; 484; 492; 493; 570; 574; 780; 809; 819 и др.], определенное влияние оказывает и религиозный фактор [51; 149; 264; 412; 548; 573 и др.], что позволяет юридической науке по методологическому критерию оперировать тремя теориями прав человека: классической, неклассической и постнеклассической [149]. На стадии теоретической разработки сегодня находится синергийно-антропологическая концепция правового сознания, сторонники которой пытаются на восточно-христианской практике исихазма и определенных постулатах западной философии выработать новую неклассическую концепцию прав человека [546; 547; 549].

Многие ученые рассматривают взаимосвязь публичного интереса с правом как двигатель прогресса, в том числе в области прав человека [27; 424; 728 и др.].

В правовой мысли человек конкретизируется в таких понятиях, как «индивид», «личность», «гражданин» [52; 121; 132; 136; 160; 169; 295; 332; 357; 626; 629; 702; 743 и др.]. В юридической науке права личности часто называются субъективными правами. Таким наименованием обозначается принадлежность их индивиду (субъекту), проводится их отличие от объективного права – системы правовых норм, выраженных в соответствующих источниках (формах) права [132; 234; 237; 366; 368; 410; 441; 451; 494; 705 и др.].

Чаще всего под правами личности понимают меру (вид, сферу, границы) ее возможного или дозволенного поведения [24; 26; 31; 49; 80; 126; 136; 357; 395; 431; 461; 702; 706; 724; 751; 780 и др.].

В литературе неоднократно предпринимались попытки расширить определение прав личности за счет включения в содержание понятия конкретных видов правомочий его носителя [21; 251; 450 и др.] или возможности носителем прав пользоваться

соответствующими материальными и духовными благами [386; 449; 556 и др.]. Недостаток данного определения в том, что оно не охватывает права, которые опосредуют жизненные ценности, обладание и пользование зависит главным образом не от целенаправленных действий личности, а от действий иных лиц (право на отдых, на неприкосновенность личности и т. д.).

Взаимоотношения государства и личности всегда представляли собой сложную проблему. Эти модели в решающей степени зависели от характера общества, правящей элиты, типа собственности, уровня экономики, развития демократии, культуры, других объективных и субъективных условий [136; 452].

Критикуя институт прав человека в буржуазном обществе, советские ученые-юристы (А. И. Лепешкин [385], В. М. Чхиквадзе [791; 792], И. Е. Фарбер [742], И. А. Ледях [380], А. М. Каримский [272] и др.) противопоставляли ему права человека в социалистическом обществе, имеющие иную социальную природу, экономические основы и цели (выдвижение на первый план социально-экономических прав) [179, с. 15–16].

Некоторые ученые пытались найти различие между правами и свободами [132; 142; 308; 317; 357; 451; 556; 606; 619; 704 и др.].

Ряд ученых стоит на позиции того, что права и свободы в целом идентичные понятия [52; 107; 690; 796 и др.]. Права и свободы человека в обществе самым тесным образом связаны с проблемами демократии [159], социальной справедливостью [196; 432; 749; 857 и др.], с принципом сочетания стимулирования и ограничений [2; 44; 399 и др.], государственной идентичностью [759], с правовой культурой отдельного человека и всего общества в целом [69; 216; 240; 305; 392; 545; 742; 758 и др.], гражданского общества [16; 705 и др.].

Характер прав и свобод человека определяется не только природой отдельного, конкретного государства, в котором они реализуются, но и развитием человеческой цивилизации в целом [306; 484; 708; 827; 834; 844; 853 и др.].

Качественный виток в развитии института прав человека и гражданина происходит во второй половине XX в. Расширился объем уже существующих гражданских, политических и социально-экономических прав. К ним добавляются новые «поколения» прав: на жизнь, благоприятную окружающую среду, ин-

формацию и т. д. В этот период ведущую роль в развитии института прав человека и гражданина приобретает международное право [827].

Права и свободы отдельной личности непосредственно связаны с правами и свободами социальных общностей (права меньшинств). До настоящего времени отсутствует общепризнанное международным сообществом понятие меньшинства. В доктрине международного права активно ведется работа над определением данного понятия [279]. В настоящее время фигурирует лишь понятие права на этническую идентичность [488].

Проблемным является вопрос соотношения морали и прав человека, равенства и рациональности [715; 830; 850; 860].

Достаточно актуальным в современной научной мысли является соотношение политической философии утилитаризма и доктрины прав человека [102].

Права человека рассматриваются как фактор формирования политико-правовой активности личности. В данном контексте выделяют ряд функций политико-правовой активности личности: социально-преобразующую, познавательную, управленческую, регулятивную, идентификационную, нормативную, неконформистскую [343].

В настоящее время распространен термин «право цивилизованных народов», представляющий по своей общей социальной характеристике последовательно гуманистическое право, означающее приоритет и высшую юридическую значимость высокого достоинства и неотъемлемых прав и свобод человека [29].

Особое влияние на формирование взглядов диссертанта на положительные и негативные тенденции в развитии института прав человека оказали труды известного российского теоретика права А. А. Алексеева [23–31]. Достаточно актуальными являются вопросы защиты государством прав своих граждан за рубежом [347] и отчуждения неотъемлемых прав человека [175]. В Российской Федерации в настоящее время поднимается вопрос о признании прав человека комплексной отраслью российского права [153].

Понятие и общая характеристика защиты прав человека и гражданина основываются на трудах большой группы ученых: А. Х. Абашидзе и А. О. Гольяева [1], М. И. Абдулаева [3],

В. И. Абрамова [4], А. М. Абрамовича [6], К. В. Акименко [17; 18], С. С. Алексеева [27; 28], В. Н. Артемовой [36], В. В. Бойцовой [68], В. А. Брилевой [81; 82], М. М. Бринчука и М. И. Васильевой [84], Е. В. Вавилина [99], Г. А. Василевича [107;110], В. М. Ведяхина и Т. В. Шубиной [119], Д. М. Демичева [192], С. Г. Дробязко [207], А. А. Иванова [243], Е. Б. Казаковой [257], Е. М. Ковшикова и Е. В. Ковшиковой [293], В. С. Курылева [353], В. А. Кучинского [359], Е. В. Лаевской [364], А. А. Левкова [378], И. А. Ледях, О. В. Воробьева, Н. С. Колесовой [381], Д. В. Леонтьева [384], Е. А. Лукашовой [394], Франсуа Люшера [403], Н. С. Малеина [413], М. Н. Малеиной [414], А. В. Малько, В. В. Субочева, А. М. Шериева [419;420], М. В. Мархгейма [441], М. С. Матейковича [444], Н. И. Матузова [449], О. О. Миронова, В. П. Парфенова [470], В. С. Нерсисянца [491], А. С. Никитина [497], В. В. Ныркова [502], О. В. Орловой [538], В. А. Патюлина [556], Е. В. Перепелицы [558], А. А. Подупейко и М. Г. Головача [568], М. Г. Прониной и А. Н. Романович [589], Е. В. Ревинной [607], И. В. Ростовщикова [618–620], О. А. Снежко [678], А. Г. Тарасовой [698] и др.

В настоящее время в научной литературе фигурируют понятия «правозащитная политика», «правоохранительная политика», «правозащитные отношения», «механизм обеспечения прав и свобод личности» [248; 502; 558; 607; 782; 816 и др.], относящиеся к функционированию механизма обеспечения и защиты прав личности.

Достаточно проблемным в правовой науке является соотношение понятий «охрана» и «защита». Ряд исследователей придерживается такой позиции, что защита представляет собой одну из форм охраны [4; 293; 419; 449; 579; 632 и др.]. Иные ученые считают, что правовая охрана является основным назначением механизма правовой защиты прав, свобод граждан [119; 378; 384; 497 и др.]. Термины «охрана» и «защита» синонимизирует И. В. Ростовщиков [620]. Его точка зрения по данному вопросу кажется нам наиболее правильной.

Сегодня достаточно активно проводятся научные исследования понятия «самозащита прав, свобод и законных интересов личности» как форма защиты [257; 364; 378; 651 и др.], межотраслевого института права [419].

Юридические средства защиты как понятие в юридической науке раскрываются авторами в самых различных аспектах: в соотношении со способами, методами, типами и режимами правового регулирования и т. д. [28; 30; 533; 587 и др.]. Вместе с тем нет четкого разграничения в соотношении юридических средств охраны, защиты и обеспечения прав субъектов [374].

Такое же научное состояние наблюдается и в отношении понятия мер защиты субъективных прав [17; 18; 361; 378 и др.].

В юридической науке право на защиту граждан большинство авторов рассматривают как конституционное право граждан, которое служит интересам личности, выступая в качестве одной из гарантий ее законных прав и свобод [470; 581; 791 и др.]. Мы считаем право на защиту человека, граждан самостоятельным конституционным институтом, представляющим собой правовой механизм, состоящий из форм защиты, в основе классификации которых лежит связь юрисдикционного органа или общественной организации со спорящими сторонами и который соответствует всем теоретическим характеристикам [98; 132; 353; 357; 404; 415; 535; 556; 701; 806; 813 и др.].

Исторически сложилось несколько форм защиты прав и свобод личности: судебная, административная, арбитражная, нотариальная и общественная. Данной классификации придерживалось большинство ученых [353; 470; 568; 780 и др.]. При этом выделяли два вида правозащитной деятельности: внутригосударственный и международный. Российский исследователь М. В. Мархгейм определяет третий вид – самозащиту [441].

Из указанных выше пяти форм защиты права только административная и судебная были постоянными, другие формы защиты применялись по-разному на различных этапах исторического развития [780].

На современном этапе сложилось пять форм внутригосударственной защиты: судебная, административно-правовая, прокурорская, социально-правовая и общественная. Подобное многообразие форм защиты прав человека предусматривает и действующее законодательство Республики Беларусь. При таком подходе проблема разграничения форм защиты неизменно смещается в плоскость объективных обстоятельств и субъективного осмотра законодателя.

Главенствующая роль в защите прав и свобод граждан отводится государству [74; 568 и др.]. Особое место в государственной защите конституционных прав и свобод личности принадлежит Президенту Республики Беларусь, который в соответствии с ч. 1 ст. 79 Основного Закона Республики Беларусь является главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина [322]. Государственная защита личности наряду с правовой защитой [470] включает в себя также экономические и социальные меры [566].

В научном плане обязанности, в отличие от прав, достаточно мало изучены. Большинство исследователей, по-разному интерпретируя это понятие в смысловом плане, подходят к обязанности как виду, мере общественно необходимого, должного поведения человека, призванной вместе с правами и свободами обеспечивать баланс, устойчивость и динамизм правового регулирования, установленного государством [42; 78; 97; 126; 132; 216; 237; 244; 313; 357; 358; 383; 386; 447; 451; 540; 583; 606; 706; 707; 728; 817 и др.]. Позитивные (регулятивные) и негативные обязанности А. С. Пиголкин выделял [564].

Юридическая обязанность, являясь структурным элементом конституционно-правового статуса личности и важнейшим институтом конституционного права, представляет собой компонент взаимодействия государства, права и личности; это установленная законом мера и вид (линия) должного, общественно необходимого поведения, устанавливаемого и гарантируемого государственной властью в интересах человека, общества и государства.

Понятию и характеристике юридической ответственности индивида как структурного элемента правового статуса личности посвятили многие ученые-правоведы: С. А. Авакьян [8; 9; 10], М. П. Авдеенкова [10], И. А. Алексеев [22], С. С. Алексеев [23–31], Б. Т. Базылев [42], В. Н. Бибило [57], Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская [64], С. Н. Братановский [78], С. Н. Братусь [79], М. М. Бринчук [86], А. С. Булатов [94], А. Л. Бураковский [95], Г. А. Василевич [107], Н. В. Витрук [127], А. Ф. Вишневский [129], Л. Д. Воеводин [132], Д. В. Володина [134], Н. А. Горбатов [165], А. А. Греченок [170], Д. М. Демичев [192], Н. М. Добрынин [201], В. И. Ерыгина [218], И. Г. Захаров [231; 232], Т. Д. Зражевская [238], А. А. Иванов

[241–244], С. Н. Ивахненко [246], А. Д. Исхаков [254], О. А. Кожевников [294], Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин [299; 300], Е. Г. Кольцова [307], Н. М. Коркунов [330–334], А. Е. Коробов [335], В. А. Кучинский [361], Б. З. Кушхова [362], В. М. Лазарев [369], Д. А. Липинский [387], А. И. Лукашов [391], Е. А. Лукашова [395], И. И. Лукашук [396], И. В. Максимов [409], А. В. Малько [425], В. В. Мальцев [429], Л. А. Морозова [479–481], С. С. Мялковский [485], Г. А. Проккопович [588], А. М. Рябец [602], М. Б. Разгильдиева [603], Л. П. Рассказов [605], Е. В. Родионова [610], В. В. Романова [614], Э. И. Рудковский [624], М. О. Сапунова [641], Э. А. Саркисова [643], П. П. Серков [656], О. Ю. Ситкова [664], Н. А. Слободчиков [668; 669], Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский [768], В. М. Хомич [771], В. М. Ягудина [822] и др.

Большинство ученых исходят из того, что юридическая ответственность является частью социальной (позитивной) ответственности, она включена в структуру правовой системы на правах особого ее элемента [426; 588; 768; и др.] или основана на нормативных требованиях, обеспечивающихся государственным принуждением [22; 42; 79; 387; 431; 588; 624; 640 и др.]. Некоторые исследователи описывают юридическую ответственность как вид духовной ответственности [540; 612 и др.].

Белорусский теоретик права В. И. Павлов пытается рассматривать юридическую ответственность в рамках энергийно-правовой концепции [549].

Ряд авторов дифференцирует понятия правовой ответственности и юридической ответственности [57; 127 и др.]. По нашему мнению, в этом нет необходимости. Данные понятия несут одинаковую смысловую нагрузку.

В настоящее время многие ученые-юристы рассматривают юридическую ответственность в двух аспектах – негативном (ретроспективном) и позитивном (проспективном) [79; 369; 387; 431; 451; 588 и др.].

Сторонники узкого понимания юридической ответственности в негативном (ретроспективном) аспекте указывают, что добровольная ответственность не имеет ничего общего с юридической ответственностью, поскольку она лишена процессуальной формы осуществления и не обеспечена государственным принуждением [42; 133; 241; 242; 254; 350; 442; 677 и др.].

Элементом правового статуса субъектов В. А. Кучинский признает «статутную» ответственность, предусмотренную санкцией правовой нормы, и отличает от субъективной ответственности, «возникающей у конкретного лица в связи с совершением им правонарушения» [361].

Некоторые исследователи отрицают существование позитивной ответственности и заменяют это понятие моральной ответственностью [129; 165 и др.]. Сторонником одного вида юридической ответственности – позитивного – является Н. А. Слободчиков [668; 669].

На позиции единства юридической ответственности при различии лишь формы ее реализации (добровольной и государственно-принудительной) стоит Е. В. Родионова. При применении к правонарушителю правового принуждения происходит изменение ее формы: добровольная форма реализации ответственности уступает место государственно-принудительной [610]. По нашему мнению, Е. В. Родионова наиболее верно показала переход (трансформацию) позитивного аспекта юридической ответственности в негативный.

В системе (структуре) юридической ответственности Т. Д. Зражевская различает четыре уровня ответственности: юридическая ответственность в целом (сложная совокупность всех видов ответственности); ответственность на уровне отраслей права; ответственность на уровне правового института; ответственность на уровне нормы права [238]. Решение вопроса о структуре норм ответственности Б. Т. Базылев связывал со строением правовой нормы вообще [42].

Заслуживает внимания предложение А. Л. Бураковского [95], В. М. Ягудиной [822] и С. С. Мялковского [485] рассматривать юридическую ответственность с позиции деления права на публичное и частное. Вместе с тем, по мнению И. Г. Захарова, четкого разграничения частноправовой и публично-правовой ответственности по отраслям частного и публичного права не существует, поскольку в публичных отраслях реализуются меры частноправовой юридической ответственности, а в частноправовых – меры публично-правовой юридической ответственности [232].

Ретроспективная (негативная) ответственность рассматривается также в основном учеными, исследующими области адми-

нистративного [33; 391; 655 и др.], уголовного [351; 459; 478; 644; 725; 771 и др.], трудового [170; 335 и др.], экологического [86; 407 и др.], финансового [603] и семейного [664] права. В научных трудах, касающихся понятия ответственности, субъектом этих отношений выступает человек, гражданин. Лишь в ряде исследований субъектом ответственности является государство [39; 194 и др.], местное самоуправление [307; 485 и др.], политическая партия [218; 571 и др.], судья [134; 641 и др.].

Достаточно актуален вопрос о конституционной ответственности государства перед своим народом и ее соотношение с политической ответственностью [201; 726 и др.].

Ряд исследователей считает, что отношения «государство – гражданин» построены на системе взаимной ответственности [308; 425; 588 и др.]. Такой позиции придерживается и автор данного исследования.

Проблема низкой эффективности ответственности государства, его органов и должностных лиц при нарушении конституционных прав личности, возможности обжалования их действий или бездействия также весьма актуальна в наше время [220].

Под правовыми (юридическими) гарантиями как элементом конституционно-правового статуса личности большинство исследователей понимают содержащиеся в нормах права условия и средства, реально обеспечивающие человеку возможность пользоваться правами и свободами и неукоснительно исполнять возложенные на него обязанности [107; 132; 150; 237; 263; 299; 358; 386; 465; 555; 556; 568; 738; 744; 792 и др.]. Вместе с тем многие ученые пытаются расширить эту формулировку за счет включения в нее механизмов и институтов защиты прав, свобод и обязанностей (В. В. Пасынков [555], Б. А. Страшун [323], Л. П. Рассказов [606] и др.), что, по моему мнению, является не совсем верным, ибо защита прав человека и гражданина представляет собой отдельный элемент конституционно-правового статуса личности.

Гарантии классифицируются по различным основаниям: как экономические, политические, социальные, юридические, духовные, идеологические [738; 792], общие и юридические [216]. По сфере действия – на международно-правовые; гарантии в рамках региональных международных сообществ; внутригосу-

дарственные и автономные гарантии [706], а также на международные, региональные и национальные гарантии [237].

В советской правовой науке предпринимались попытки раскрыть реальное содержание юридических гарантий конституционных прав и свобод граждан через отрасли права и процессуальное право (административно-правовые гарантии, гарантии в сфере труда и социального обеспечения и т.д.) [816].

Более подробно, по нашему мнению, понятие гарантий сформулировано О. В. Орловой [539].

В главе 4 «Конституционно-правовые аспекты закрепления элементов правового статуса личности в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь» исследуются проблемные вопросы закрепления элементов правового статуса личности в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь, а также соотношение международного и национального права в данной области общественных отношений. Исследованию этих вопросов посвящены труды А. Х. Абашидзе, А. О. Гольяева [1]; М. И. Абдулаева [3]; С. А. Авакьяна [9; 10]; К. В. Акименко [17; 18]; С. С. Алексеева [23; 25]; Н. А. Ардашевой [35]; В. Н. Артемовой [36; 37]; С. И. Архипова [38]; В. Ю. Багдасарова [40]; С. В. Бахина [45]; Т. Б. Бекназар-Юзбашева [47]; Н. Н. Белякович [50; 51]; И. П. Блищенко [60; 61]; В. В. Бойцовой [68]; Н. С. Бондарь [71]; В. В. Бородина [74–76]; С. Н. Братановского [78]; В. А. Брилевой [81; 82]; М. М. Бринчука [83; 85]; Г. Е. Быстрова [97]; П. А. Ваганова [100]; Г. А. Василевича [104–111]; Ги де Веля [120]; Б. Визера [124]; Л. Вилдхабера [125]; А. Ф. Вишневого [128]; В. В. Водовозова [130]; Л. Д. Воеводина [131; 132]; В. В. Гаврилова [139]; Л. И. Глухаревой [150]; А. А. Головки [155–160]; О. А. Городова [166]; Л. Гусейнова [176]; Г. М. Даниленко [180]; С. Е. Данилюка [182; 183]; Н. Д. Дегтярева [186]; Д. М. Демичева [192; 193]; С. Г. Дробязко [206–208]; Н. П. Дружинина [209]; В. Н. Дубовицкого [210]; А. В. Дулова [211]; Л. Ф. Евменова [214]; В. С. Иваненко [239]; И. А. Ильина [251]; Р. А. Каламкаряна [258; 261]; Паоло Капителли [271]; В. А. Карташкина [276–277]; О. С. Кипинуса [284]; Е. И. Козловой и О.Е. Кутафина [299; 300]; Ю.М. Колосова [304]; Н.В. Колотовой [306]; Н. М. Коркунова [330–333]; Н. И. Костенко [337–340]; В. И. Крусса

[344–346]; Н. Б. Крылова [347]; В. Н. Кудрявцева [349]; В. С. Курылева [353]; В. А. Кучинского [357–359]; Е. В. Лаевской [365]; В. В. Лапаевой [372–373]; А. А. Левкова [378]; И. А. Ледях [382]; Д. В. Леонтьева [384]; А. И. Лепешкина [385; 386] и др.

На международном уровне сотрудничество государств в области закрепления правового статуса личности происходит в рамках ООН [277], где принят ряд важнейших документов, закрепляющих права и свободы человека, их защиту и возможности ограничения [128; 137; 164; 176; 189; 258; 259; 260; 275; 276; 337–339; 382; 456–458; 618; 800; 824 и др.].

В последнее время в научно-правовой литературе предпринимаются попытки оспорить универсальность прав человека, закрепленных в международных документах [45; 777; 839; 850 и др.]. Наиболее эффективным и гарантированным внутригосударственным правовым средством закрепления международных норм в области прав человека является конституция государства [239]. Как справедливо указывается в научной литературе, достаточно эффективная процедура гарантий и защиты прав личности, установленных международными нормами, пока еще не выработана [3; 775 и др.].

Сотрудничество государств в области закрепления правового статуса личности на региональном уровне осуществляется в рамках Совета Европы [32; 125; 215; 289; 313; 356; 397; 812; 856; 862 и др.]. Причем эффективность гарантий и защиты прав и свобод человека здесь выше [173; 311; 440; 455; 464; 828; 829 и др.].

В целом порядок развития международного права состоит в существенном разрыве между правотворчеством и правореализацией [214; 396; 851 и др.].

В нашем государстве развитие элементов правового статуса личности прошло сложный путь. Территория Беларуси до второй половины XVIII в. находилась в составе Речи Посполитой. Основным научным исследованием о правовом положении населения в тот период являются работы И. А. Юхо [818], М. Ф. Чудакова [787] и др. В течение последних двух столетий Беларусь находилась в составе России. Данный период достаточно подробно описан и исследован В. В. Водозовым [130], И. Т.Тарнавским [699], А. В.Верецагиной [122], В. Ю. Багда-

саровым [40], М. Ф. Чудаковым [786]. С 1922 по 1991 г. Белоруссия находилась в составе СССР.

В дореволюционный период на элементах правового статуса личности сказались запоздалая отмена крепостного права и утвердившиеся на его основе стереотипы отношений властей и подданных, законодательное закрепление сословных и национальных различий. На первом этапе советской власти права личность, гарантии их реализации и защиты были отеснены на последний план классовым подходом, приоритетом интересов коллектива и государства над личным [325]. Появившаяся в Конституции СССР 1936 г., а позже в Конституции БССР 1937 г. глава о правах и обязанностях граждан носила в условиях тоталитарного режима декларативный характер. В конституциях СССР 1977 г. и БССР 1978 г. положение гражданина также нашло отражение. Однако в те годы господствовала концепция, согласно которой только государство дает своим гражданам определенные права и возлагает на них обязанности. При этом приоритет отдавался социально-экономическим правам [132; 300; 449 и др.]. Идея естественных прав человека отрицалась. Незадолго до распада СССР ситуация стала меняться в лучшую сторону.

Принятию Конституции Республики Беларусь 1994 г. как конституции суверенного государства предшествовали обновление общественного строя, начало перехода экономики на рыночную систему, допущение разнообразных форм собственности, развитие плюрализма, непосредственная реализация власти народом, расширение безопасности и сотрудничества с мировым сообществом; в науке – переход от марксистской концепции к общечеловеческой концепции прав человека. Конституция Республики Беларусь представляет собой принципиально новый документ, в котором закрепляется гуманная ориентация развития нашего общества. Приоритет отдается личности и общечеловеческим ценностям. Эта черта качественно отличает новую концепцию прав человека, отказ от характерного для социалистической теории принципа приоритета государственных интересов над интересами личности [111; 211; 235; 299; 318; 393; 452; 493; 718 и др.]. Вместе с тем в научной литературе высказаны и противоположные точки зрения о недопустимости приоритета прав индивида во взаимоотношениях между личнос-

тью, коллективом, обществом и государством [183; 195]. Характерная черта современного этапа формирования гражданского общества состоит в отлаживании механизма соединения практического интереса индивида, определенной группы (коллектива) и общества в целом, обусловленного общностью политических, социальных и иных условий жизни [536].

Можно сказать, что все конституционные права являются основными правами. Отечественные обществоведы в целом исходят из тождества конституционных и основных прав [111; 160; 413; 448 и др.].

Гарантированность является одним из важнейших конституционно провозглашенных принципов, получивших правовое выражение в различных формах: как общее начало, которое свойственно реализации всего объема прав и свободы личности, так и посредством закрепления конкретных гарантий каждого права и свободы в отдельности. Субъектом, на которого в первую очередь возлагаются гарантии прав и свобод, является государство. В отличие от Конституции Российской Федерации Конституция Республики Беларусь прямо не указывает на государство как главного гаранта прав и свобод человека, но эта роль вытекает из ряда ее статей (ст. 6; 10; 60 и др.) [322].

Обязанность как элемент правового статуса личности закреплена в ст. 52–58 Конституции Республики Беларусь. Обязанность государства перед личностью содержится в ст. 59 Основного Закона [322].

В целом Конституция Республики Беларусь закрепляет все положения международно-правовых актов, касающиеся правового статуса человека. Вместе с тем имеются определенные проблемы в закреплении и реализации некоторых конституционных прав личности. В частности, право на жизнь – одно из основных неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения. Оно закреплено нормами важнейших международных документов о правах человека (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [137], ст. 6 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [457]). Это право является стержневым, так как многие другие конституционные права (например, право на благоприятную окружающую среду, охрану здоровья, личную неприкосновенность и др.) имеют своей конечной целью обеспечение реализации права на жизнь. Право на жизнь

гарантируется не только Конституцией: нормы, охраняющие жизнь человека, содержатся в уголовном (ответственность за убийство, оставление в опасности, доведение до самоубийства и т. д.), трудовом законодательстве (правила техники безопасности) и законодательных актах других отраслей.

В связи с этим естественна постановка вопроса о смертной казни как исключительной мере наказания. В последнее время ведется весьма активная дискуссия вокруг проблемы смертной казни [75; 182; 200; 281; 282; 421; 422; 428; 474; 498; 543; 609; 680 и др.]. Является ли она фактором, сдерживающим преступность? Нарушает ли она права человека? Применять ли ее в современный период развития общества или отказаться от этого? На эти и многие другие вопросы по-разному отвечают ученые, юристы-практики, общественные и политические деятели, писатели, граждане. Если в европейских государствах смертная казнь отменена практически полностью, то в США этот вид наказания применяется более чем в половине штатов.

Один из дискуссионных вопросов юридической науки – оказание медицинских услуг для безнадежно больного по его просьбе для преждевременного ненасильственного ухода из жизни (эвтаназия) [35; 199; 271; 284; 291; 835 и др.]. В мировой научной среде проходит острая дискуссия на предмет клонирования человеческого тела или отдельных человеческих органов в медицинских целях, насколько это соответствует этике, морали, религии, правам человека [186; 255; 837; 838 и др.].

Имеются определенные проблемы и в реализации иных конституционных прав: свободы совести [96; 312; 473; 567; 858 и др.]; свободы слова [185; 389 и др.]; права на информацию [124; 166; 377; 453; 534 и др.]; права на собственность [38; 97; 193; 243; 695 и др.]; права на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права [84; 100; 114; 116; 143; 365; 407; 434; 501; 811 и др.], и т.д.

Одной из проблем является ограничение конституционных прав человека и гражданина в случае возникновения чрезвычайной ситуации [557; 652; 756; 784; 821 и др.].

В доктрине международного права в настоящее время существуют две теории соотношения международного и внутригосударственного права – монистическая и дуалистическая. Иногда вопрос о возможности действия и применения международного

права на территории национального государства смешивают с вопросом о возможности действия международного права во внутригосударственной сфере [60; 61; 469 и др.].

В международных договорах, как в универсальных, так и в региональных (локальных), воплощены наиболее значимые права и свободы, в том числе в качестве международных стандартов, а также ответственность государств по их соблюдению [304; 720 и др.].

Проблема согласования внутригосударственного и международного права имеет как правовой, так и политический аспект. У каждого государства или группы государств на международной арене имеются свои геополитические интересы. Для Беларуси важно правильно выбрать конструкцию соотношения внутригосударственного и международного права, не ущемляя национальных интересов.

Воспроизведение международных норм о правах человека (самоисполняемых) во внутригосударственном праве может происходить двумя путями: 1) введением во внутреннее право международных норм в том виде, в котором они существуют в международном соглашении, посредством отсылки к последним (трансформация) или 2) отражением во внутреннем праве существования международной нормы (имплементация).

В ряде стран ратификация международно-правового акта сама по себе не вносит каких-либо изменений в национальный правопорядок, поскольку акты ратификации и придания ей силы закона разделены [327].

В других странах факт ратификации международно-правового акта автоматически делает его частью внутреннего права [324]. При этом необходимо отметить, что реализация данного положения на практике в Российской Федерации создала определенные проблемы [688].

Статья 8 Конституции Республики Беларусь [322] признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Основному Закону. С учетом общепризнанных принципов международного права должно осуществляться наполнение содержания конституционных норм [104; 106; 156; 210; 247; 688; 696; 794 и др.]. Ни одна из статей Конституции не

закрепляет прямого действия нормы международного договора, ратифицированной республикой, и не дает права судам и другим государственным органам принимать решения на основе вступившего в силу международного договора. Однако по данному вопросу между конституционным положением и действующим законодательством имеется расхождение, которое должно быть устранено.

Глава 5 монографии посвящена проблемам национальной защиты прав и свобод человека и гражданина. При изложении своих взглядов по данным вопросам автор опирался на труды В. Н. Агиевца [13], К. В. Акименко [17; 18], А. С. Александрова [19; 20], Л. Б. Алексеевой [32], С. П. Бекешко [46], У. Бернэма [53], В. Н. Бибило [55–59], С. В. Боботова [62; 63], Е. В. Богданова [65], В. В. Бойцовой [68], С. В. Борико [72; 73], С. В. Бородина [77], В. А. Брилевой [81; 82], М. М. Бринчука, М. И. Васильевой [84], Л. В. Брусницына [87–91], Е. В. Вавилина [98; 99], В. В. Вандышева [101], Г. А. Василевича [110; 113], А. А. Головки [158; 159], Р. Дворкина [185], И. Ф. Демидова [189; 190], Д. М. Демичева [194], Ю. Ф. Дмитриева [200], Л. А. Дульяновой [212], В. А. Казаковой [256], Э. А. Калининой [265], А. Н. Крамника [342], Е. В. Лаевской [364], А. М. Ларина [375; 376], И. А. Ледах [379], Ф. Люшера [403], Т. И. Макаровой [407], М. В. Мархгейма [441], М. С. Матейковича [444], Н. В. Мельникова [462], П. П. Миклашевича [467], О. В. Орловой [539], Г. Л. Осокиной [542], И. В. Пановой [551; 552], И. Л. Петрухина [563], М. Г. Прониной и А. Н. Романович [589], Г. Б. Романовского [616], Л. М. Рябцева [627; 628], А. В. Салтановича [638], Э. А. Саркисовой [643], С. М. Сивца [659], О. А. Снежко [678], Ю. Н. Старилова [685; 686], А. Г. Тиковенко [716–718], В. М. Хомича [770; 771], О. В. Чередниченко [773], Д. М. Чечота [780; 781], М. Ф. Чудакова [788], О. И. Чуприс [789], В. П. Шиенка [803], В. А. Шишановой [804] и др.

При написании работы автор использовал философскую и иную литературу – политологическую, социологическую и филологическую: Н. Н. Белякович [50; 51], Г. В. Гегеля [146], Г. Гроция [172], Л. Ф. Евменова [214], Т. Ф. Ефремовой [221–223], И. А. Ильина [250–252], И. Канта [266–270], А. Ю. Сунгурова [694] и др.

Перечисленные и иные исследования определили понимание автором сущности взаимодействия личности, общества и госу-

дарства и задач, которые стоят перед правом в связи с регулированием данных важнейших общественных отношений. Особое влияние на формирование взглядов диссертанта оказало учение известного немецкого философа И. Канта о человеке, обществе и государстве [266–270].

Анализ научной литературы показывает, что комплексного исследования конституционно-правового статуса (положения) личности, обобщающего теоретические основы правового обеспечения элементов конституционно-правового статуса, в юридической науке не проводилось.

Настоящая монографическая работа основана на приведенных выше исследованиях отечественных и зарубежных ученых и развивает научную мысль в области теоретического осмысления специфики конституционно-правового статуса (положения) личности в качестве одного из актуальных направлений науки конституционного права.

Научную основу монографии составляют идеи, взгляды и представления о предмете исследования – об общественных отношениях в сфере взаимодействия человека, общества и государства и месте человека в них. Анализ правового положения личности как человека и гражданина базируется на идеях двух основополагающих доктрин: естественно-правовой – естественного права, присущего всем людям, и позитивистской, о роли государства в правовом оформлении естественных прав человека. Теоретической базой работы также являются научные достижения отдельных отраслей юридической науки – общей теории права, конституционного, административного, гражданского, гражданско-процессуального, уголовного, уголовно-процессуального и международного публичного права.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и специальные методы научного познания. При проведении исследования применялись диалектический, логический, исторический, системный, моделирования, сравнительный и другие методы.

Правовую базу диссертационной работы составляют нормативные правовые акты Республики Беларусь, других государств (Российской Федерации, Германии, США, Франции), международные документы, которые регулируют общественные отношения в области правового статуса личности.

ГЛАВА 2 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

2.1. ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В юридической науке сложились различные представления о понятии правового статуса личности. В широком контексте он рассматривается как теоретическая конструкция наряду с такими понятиями, как правовая система, правоприменение и другими входящими в предмет юридической науки, «создаваемыми в ходе научного познания социальной действительности соответствующими методами» [697, с. 25]. Впервые теоретико-правовое обоснование правовому положению человека в Республике Беларусь как субъекту и объекту права было дано известным теоретиком права профессором С. Г. Дробязко [205, с. 14–20]. Прежде чем перейти к понятию правового статуса человека, необходимо обратить внимание на соотношение терминов «правовое положение» и «правовой статус» личности. По мнению ряда ученых, первое понятие шире второго. Правовое положение конкретной личности включает (наряду с распространяющимися на нее статутными правами и обязанностями) и субъективные правовые элементы – гражданство, правосубъектность, субъективные права, обязанности, ответственность за возможно совершенное правонарушение [708, с. 224].

Другие авторы считают, что понятия «правовое положение» и «правовой статус» личности равнозначны. Во всяком случае законодательство, юридическая практика, печать, а также международные акты о правах человека не проводят между ними какого-либо различия, употребляют в одном и том же смысле [703, с. 232].

По мнению советского исследователя Б. В. Пхаладзе, «определяя основы правового положения гражданина, государство неизбежно отвлекается от конкретных правоотношений между гражданами, между ними и организациями, выступающими в качестве субъектов правоотношений. В этом всеобщем, отвле-

ченном виде и выступает правовое положение граждан в обществе или их правовой статус, относящиеся к каждому гражданину» [601, с. 14]. А. В. Зинченко говорил о том, что «правовой статус, или правовое положение гражданина в обществе, наиболее ярко характеризует уровень демократии в стране, так как он определяет полноту прав и свобод граждан, юридические гарантии их защиты, возможность участия народа в решении государственных задач, а также обязанности граждан перед обществом и государством» [236, с. 3].

Слово «статус» в переводе с латинского означает положение, состояние кого-либо или чего-либо. В данном случае речь идет о статусе личности, человека, гражданина. Этимологически указанные термины совпадают, это слова-синонимы. Они вполне взаимозаменяемы. Исходя из контекста стилистической предпочтительности, используется то или другое выражение. Тем не менее в литературе были высказаны предположения (Н. В. Витрук, В. А. Кучинский) о разграничении понятий правового статуса и правового положения индивида, так как, по их мнению, первое выступает частью (ядром) второго.

Считаем, что в таком разделении нет особой необходимости, поскольку смысловое удвоение термина не способствует восприятию и анализу одной из ключевых категорий правоведения. Мы солидарны с мнением о том, что различие следует проводить не между правовым статусом и правовым положением одного и того же лица, а между правовым статусом (положением) различных лиц или организаций [703, с. 233].

Современный толковый словарь русского языка под термином «статус» понимает совокупность прав и обязанностей, определяющих юридическое положение лица, организации, учреждения и т.п.; правовое положение, состояние [221, с. 405]. Известный советский исследователь В. А. Патюлин считал, что «среди норм социалистического права, регулирующих поведение граждан, основное место занимает институт основных прав и обязанностей граждан, определяющий основы правового положения личности в социалистическом обществе» [556, с. 124]. Под правовым статусом личности Н. В. Витрук понимал «систему гарантированных социалистическим государством прав, свобод и обязанностей личности. Правовой статус – это социально допустимые и необходимые возможности, потенциал личности

не просто как индивида, а как гражданина государства» [126, с. 8].

Чаще всего под юридическим положением личности (правовым статусом) в обществе и государстве понимают права, свободы и обязанности [702, с. 189]. Основы правового статуса личности закрепляют нормы ряда отраслей права, среди которых главным является конституционное право, закрепляющее конституционный статус личности [216, с. 277]. Основы правового статуса личности как конституционно-правовой институт, нормы которого «отражают наиболее существенные, исходные начала, определяющие положение человека в обществе и государстве», относятся к предмету конституционного права, провозглашаются в Конституции и защищаются государством. Причем нормы данного конституционно-правового института Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин классифицируют на три группы, тесно взаимосвязанные с нормами других конституционно-правовых институтов. В первой группе они объединяют нормы, закрепляющие общие принципы правового статуса личности (равноправие, гарантированность, неотъемлемость прав и свобод и др.). Ко второй группе относят нормы, «определяющие такой важнейший фактор статуса лица, как принадлежность его к гражданству Российской Федерации, основания приобретения и прекращения гражданства. Нормы данной группы определяют и особенности статуса иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев, лиц, получивших политическое убежище, и др.». К третьей группе ученые причисляют нормы, устанавливающие конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина (неотделимы от человека), принадлежащие всякому лицу как субъекту права, независимо от реализации им своей правоспособности, составляющие «ядро, сердцевину правового статуса личности, определяемого совокупностью норм всех без исключения отраслей российского права» [299, с. 167–169].

Известный российский теоретик права А. Б. Венгеров под правовым статусом понимает совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности личности, устанавливающих ее правовое положение в обществе [121, с. 585]. Белорусский теоретик права А. М. Абрамович считает, что «наряду с такими элементами, как гражданство и правоспособность, правовое положение (статус) гражданина определяется наиболее полно со-

вокупностью всех его прав, свобод и обязанностей» [6, с. 7]. Советский исследователь Б. В. Пхаладзе под правовым статусом (положением) понимал единство основных прав, обязанности и правоспособности [601, с. 29]. В правовом статусе А. В. Мицкевич видел содержание правосубъектности: «Совокупность общих прав и обязанностей (правоспособности), а также определенных по содержанию прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из действия советских законов, составляют, по нашему мнению, содержание правосубъектности или правовой статус гражданина, или организации в советском обществе» [475, с. 30]. Известный русский философ-юрист И. А. Ильин писал, что правовой статус – это «определенный круг правовых полномочий, обязанностей и запретностей» [250, с. 35]. Г. В. Мальцев полагал, что «субъективные права вместе с юридическими обязанностями образуют правовой статус личности, являющийся существенной чертой ее свободы» [430, с. 27; 431, с. 5].

По мнению Н. И. Матузова, в самом кратком виде правовой статус определяется в науке как «юридически закрепленное положение личности в обществе», а в основе правового статуса лежит фактический социальный статус, при этом он считает, что понятия «правовой статус» и «правовое положение» личности равнозначны и вполне взаимозаменяемы. Сердцевину правового статуса личности составляют ее права, свободы и обязанности, закрепленные в конституции и других важнейших законодательных актах. Он также говорит о том, что правовой статус объективно отражает как достоинства, так и недостатки реально существующей политико-юридической системы, принципов демократии, государственных основ данного общества. По этой причине его нельзя правильно понять и раскрыть, не обращаясь к сущности того социального уклада, в условиях которого он складывается и функционирует.

Н. И. Матузов различает следующие виды правового статуса: общий, или конституционный, статус гражданина; специальный, или родовой, статус определенных категорий граждан; индивидуальный статус; статус физических и юридических лиц; статус иностранцев, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, беженцев; статус российских граждан, находящихся за рубежом; отраслевые статусы (гражданско-правовой, административно-правовой и др.); профессиональные и должностные

статусы (статус депутата, министра, судьи); статус лиц, работающих в различных экстремальных условиях или особых регионах страны [451, с. 181–187].

Российский исследователь-конституционалист Л. А. Нудненко говорит о дискуссионности вопроса о структурных элементах конституционно-правового статуса личности, считая, что каждый из них дает представление о какой-то одной ее стороне. При этом ядром или основным элементом являются конституционные права, свободы и обязанности. Содержание конституционно-правового статуса личности зависит от наличия или отсутствия гражданства у лиц, находящихся на территории государства, правосубъектности, включающей правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, а реальность конституционно-правового статуса личности определяется гарантиями. Особое место среди элементов конституционно-правового статуса личности занимают принципы, так как они определяют и понижают содержание остальных элементов статуса [317, с. 216–219].

Правовое положение личности в СССР В. М. Сафронов определял характером правовой связи между государством и отдельным индивидуумом: «Совокупность прав и обязанностей, которые приобретает та или иная личность в результате правовой связи с государством, определяет правоспособность этой личности» [648, с. 8]. «Правовое положение советских граждан, или их правовой статус, определяется главным образом двумя государственно-правовыми институтами: институтом советского гражданства и институтом основных прав и обязанностей граждан» [649, с.7].

На несколько иных позициях стоял другой исследователь того времени А. И. Лепешкин: «Правовой статус советских граждан – это совокупность их прав и обязанностей, а также и гарантии этих прав... Социально-юридической основой правового статуса граждан СССР является советское гражданство» [386, с. 3].

Под правовым статусом В. В. Лазарев и С. В. Липень подразумевают «всю совокупность прав» и выделяют общий (конституционный), отраслевой, специальный, индивидуальный статус физических и юридических лиц, статус граждан, иностранцев и лиц без гражданства, статус федеральный и региональный [366, с. 572].

Правовой статус личности Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич рассматривают как категорию, отражающую взаимоотношения личности и государства, наделенных соответствующими правами и обязанностями. Элементами правового статуса наряду с субъективными правами и юридическими обязанностями выступают гарантии их реализации и др. При этом авторы выделяют общий правовой статус (единый и неделимый для всех и представляющий собой совокупность прав и обязанностей, закрепленных прежде всего на конституционном уровне), специальный (родовой) статус (особенности правового положения отдельных категорий лиц) и индивидуальный статус (совокупность персонифицированных прав человека, обусловленных возрастом, полом, профессией и т. д.) [237, с. 288–289].

Правовой статус личности В. Д. Перевалов определяет как «положение человека, отражающего фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством», причем эта категория имеет собирательный универсальный характер, передает индивидуальные особенности человека и указывает реальное положение его в системе многообразных общественных отношений. Ученый выделяет следующие правовые статусы личности: общий (международный), конституционный (базовый), отраслевой, родовой (специальный) и индивидуальный [706, с. 324–326].

Профессор М. Ф. Чудаков считает, что «правовое положение (статус) гражданина в любой стране включает много элементов, но это прежде всего комплекс прав и обязанностей» [788, с. 3].

Белорусский исследователь В. А. Кучинский писал о том, что «если правовой статус и отдельные его элементы – статутные (прежде всего конституционные) права и обязанности – уравнивают граждан в их возможностях, поскольку устанавливают общие для всех (и для каждого) пределы возможного и дозволенного поведения, то с помощью субъективных прав и обязанностей, сочетание которых неповторимо, создается совершенно особое (индивидуально-определенное) правовое положение определенной личности (разумеется, в пределах правового статуса)» [357, с. 40]. Как мы видим, В. А. Кучинский определял правовой статус понятием более широким, чем правовое положение, которое поглощается первым.

Российский теоретик права Л. П. Рассказов считает, что правовой статус личности представляет собой совокупность ее прав и свобод, признаваемых и гарантированных государством, и устанавливаемых им обязанностей. Понятия «правовой статус» и «правовое положение» равнозначны, а в их основе лежит фактический социальный статус, т. е. реальное положение человека в обществе. Социальный и правовой статусы соотносятся как содержание и форма [606, с. 167].

Кыргызский исследователь Б. К. Кожомбердиев под правовым статусом понимает категорию, затрагивающую интересы каждого человека и коллектива, каждой организации и учреждения, которые должны заниматься своим делом, выполнять свои функции, обязанности. Она отражает взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими людьми. Под конституционно-правовым статусом личности он понимает права, свободы и обязанности индивида [296, с. 8]. Данной позиции придерживается и ряд других ученых: Т. В. Гамцемлидзе [145, с. 7], С. Н. Братановский [78, с. 77], А. В. Турлаев [734, с. 15].

Российский исследователь Г. А. Якимов приходит к выводу, что «конструкция конституционного статуса человека, включающая основные права и конституционные обязанности человека, а также конституционные (правовые) принципы позволяет глубже понять содержание и особенности этого правового института, а иные возможные элементы могут включаться в состав одного из трех элементов конституционного статуса человека (прав, обязанностей, принципов) без ущерба для уяснения содержания последнего» [823, с. 3].

Л. Д. Воеводин говорит о том, что «под правовым положением человека понимаются его основы, говоря другими словами, “конституционный статус”, “конституционное положение”. Все они покрываются понятием “основы правового положения (статуса) личности”» [131, с. 28]. Исследователь также считает, что «основы правового положения советских граждан как государственно-правовая категория выражаются в следующих институтах советского государственного права: в гражданстве, в общей правоспособности, в принципах правового положения, в основных (конституционных) правах и обязанностях граждан, в гарантиях правового положения и прав, и обязанностей в особенности» [132, с. 7].

По мнению российского исследователя В. О. Лучина, «конституционные нормы имеют своей целью общую, универсальную регламентацию статуса личности. Они касаются не какой-либо одной его стороны, а всех наиболее важных его сторон. Однако не в полном объеме, не в деталях, а лишь в обобщенном виде, выражающем самые существенные черты правового положения личности в целом» [400, с. 122].

Известный российский ученый-конституционалист С. А. Авакьян включает в состав конституционного статуса личности в Российской Федерации следующие элементы: принципы конституционно-правового положения человека и гражданина; гражданство; основные права, свободы и обязанности человека и гражданина; гарантии и защиту статуса личности. Далее он указывает, что в целом категория конституционного статуса человека и гражданина применима к любой личности, находящейся на территории России, однако объем прав, свобод и обязанностей зависит от того, является ли конкретное лицо гражданином страны, иностранным гражданином либо лицом без гражданства. Наряду с этим для любого человека набор и объем прав, свобод и обязанностей зависят от таких категорий, как правоспособность и дееспособность [9, с. 582].

О таких элементах структуры правового статуса личности, как права и обязанности, законные интересы, правосубъектность, гражданство, юридическая ответственность, правовые принципы говорит Н. И. Матузов [451, с. 186]. На аналогичной позиции стоят С. А. Комаров [308, с. 274–275], А. В. Малько [425, с. 127–128], В. В. Нырков и К. В. Шундилов [426, с. 153–154].

Белорусский конституционалист Д. М. Демичев в структуру конституционного статуса личности как интегрированного понятия включает следующие компоненты: гражданство; правосубъектность, учитывая правоспособность и дееспособность; основные права, свободы, законные интересы и обязанности; правовые принципы; гарантии правового статуса, в числе которых особое значение имеет юридическая ответственность [192, с. 174–177].

Российские теоретики права А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев [419, с. 24; 692, с. 198–216] в правовой статус личности на правах его элементов наряду с правами и обязанно-

стями включают законные интересы. По нашему мнению, правосубъектность (правоееспособность), состоящая в способности лица иметь права и нести обязанности, в целом является составной частью правового статуса личности, но не может быть отдельным элементом структуры правового статуса личности, ибо она вытекает из понятия гражданства в полной мере. Только граждане государства обладают полной правосубъектностью. Человек, находящийся на территории государства и не имеющий статуса гражданина, обладает общей правоспособностью.

Гражданство – исходное начало формирования как правового положения человека в целом, так и конституционных основ его статуса в частности.

Институт гражданства устанавливает первичную политико-правовую связь государства, с одной стороны, и конкретного индивида – с другой, с их взаимными правами, обязанностями и ответственностью [160, с. 18; 386, с. 3–4; 430, с. 8; 647, с. 10–11; 743, с. 39; 744, с. 163–164; 817, с. 31].

В отличие от цитируемых выше авторов мы не можем отнести гражданство к элементам правового статуса личности. По нашему мнению, гражданство является фактором, «усиливающим» все иные элементы правового статуса личности.

Что касается законного интереса как структурного элемента конституционно-правового статуса личности, то хотя ряд статей Конституции Республики Беларусь и содержит термин «законный интерес», он не расшифровывается. В частности, ст. 22 закрепляет следующее положение: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов»; ст. 53 определяет: «Каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц»; ч. 6 ст. 44 указывает: «Осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц». Конституция Республики Беларусь в ч. 3 ст. 41 закрепляет положение: «Граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку» [322].

Законные интересы личности, по мнению А. Г. Бережнова, тесно связаны с ее правами и свободами, но в отличие от них представляют собой «юридически значимые и юридически оправданные притязания человека на социальные блага, не охватываемые непосредственным содержанием прав и свобод» [702, с. 191–192]. На похожих позициях стоял Н. В. Витрук [126, с. 10–11]. А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шариев заключают, что «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, что в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из общего смысла объективного права» [419, с. 19]. «Законные интересы – это возможность, гарантированная в меньшей степени, чем дозволенное поведение в рамках субъективного права» [419, с. 22].

В науке гражданского права употребляется понятие «личные неимущественные интересы», которые в юридической литературе еще обозначают как «законные». Законные интересы, по мнению А. В. Малько, в отличие от субъективных прав, представляют собой правовую дозволенность, которая либо не имеет, либо не нуждается в юридически необходимом поведении других лиц. Это простая дозволенность определенного поведения, некое «усеченное право», которому корреспондирует лишь общая обязанность уважать его и не нарушать [418, с. 204–205].

Согласно мнению В. В. Субочева, «законные интересы – это также возможность, но гарантированная в меньшей степени, чем дозволенное поведение, в рамках субъективного права. Законный интерес – всего лишь дозволенность, разрешенность, незапрещенность, предоставленная государством и в определенной мере поддерживаемая им» [692, с. 118]. Группа российских исследователей выделяет три основных этапа развития интереса: «а) возникновение интереса под влиянием определенных объективных причин; б) отражение интереса в сознании его носителя; в) реализация интереса в практической деятельности субъекта» [579, с. 34].

Мы солидарны с мнением В. Н. Бибило о том, что «если интерес к материальным или духовным ценностям поселился в душе индивида, принят им, пронизывает его душевно-духовный

мир, в конечном итоге он получает свое выражение в поступках, деятельности, поведении его субъекта, одним словом, объективируется» [57, с. 72].

По нашему мнению, законные интересы в целом являются составной частью правового статуса личности, но они не могут выступать отдельным элементом структуры правового статуса личности. Об этом косвенно указывают и исследователи законных интересов А. В. Малько и В. В. Субочев [418, с. 39–40].

Права и гарантии – это два самостоятельных элемента правового статуса граждан, говорит Л. Д. Воеводин. Каждый из них имеет свое собственное содержание [817, с. 8]. В противовес ему А. А. Чепурнов считает, что «к числу элементов структуры правового статуса личности относятся основные права, свободы, обязанности и юридически закрепленные общие принципы статуса личности. Гарантии не являются самостоятельным элементом правового статуса личности, а выступают лишь в качестве одного из основных принципов правового статуса личности» [772, с. 9–11].

Можно согласиться с мнением А. Г. Тарасовой, высказанным в научной литературе, о том, что юридический механизм реализации прав человека и их гарантии тесно связанные, но неоднозначные понятия, отражающие различные стороны процесса осуществления прав человека [698, с. 9–18].

Первым понятие «эколого-правовой статус человека» разработал российский исследователь М. М. Бринчук. В основу его содержания он заложил экологические права человека как самостоятельную разновидность в системе прав. Под экологическими правами он понимает «признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой». По уровню правового регулирования эти права ученый подразделяет на основные и иные права в области окружающей среды [85, с. 9–11].

В дальнейшем исследования в области эколого-правового статуса человека были проведены белорусским профессором права Т. И. Макаровой, которая сделала вывод, что эколого-правовой статус человека (гражданина, физического лица) – это системообразующая для экологического права категория, представляющая собой комплексный институт экологического

права, «который объединяет установленные законодательством правомочия (права и обязанности) человека как физического лица и гражданина по отношению к окружающей среде с целью обеспечения своих экономических (природопользование) и экологических (обеспечение экологической безопасности) интересов» [407, с. 64].

Выше мы изложили различные научные взгляды на понимание предмета, понятия и структуры конституционно-правового положения личности. При всем различии подходов к определению оптимального круга общественных отношений, включаемых в сферу конституционно-правового статуса личности, исследователи едины в определении признаков, которые позволяют выделять общественные отношения в особую группу:

- конституционные права человека и его обязанности как основа конституционно-правового статуса личности;
- нахождение объекта правоотношения в тесных взаимоотношениях с коллективом, обществом и государством;
- выполнение объектом жизнеобеспечивающих функций человека, общества и государства.

Гражданство относится к элементам правового статуса личности. Представляется, что такая характеристика объекта может быть признана частично правильной, не учитывающей всех особенностей и взаимосвязей конституционно-правового статуса личности как системообразующей правовой категории.

По нашему мнению, конституционно-правовой статус личности как системообразующую правовую категорию необходимо рассматривать через призму основ конституционного строя и народовластия.

2.2. ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Российский исследователь М. И. Байтин говорил о том, что сущность и социальное назначение права раскрываются и конкретизируются прежде всего в его принципах и функциях. Под принципами права он понимал «исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права. <...> С одной стороны, принципы права отражают

его объективные свойства, обусловленные закономерностями развития данного общества, всей гаммой исторически присущих ему интересов, потребностей, противоречий и компромиссов различных классов, групп и слоев населения. С другой стороны, в принципах права воплощается его субъективное восприятие членами общества, их нравственные и правовые взгляды, чувства, требования, выражаемые в различных учениях, теориях, направлениях правопонимания» [44, с. 4].

Известный советский исследователь права В. М. Чхиквадзе под принципами права понимал идеальную модель, определяющую общий смысл и общее направление правового регулирования социальных отношений в настоящем и будущем, поэтому нельзя противопоставлять политические руководящие принципы функционирования общества правовой форме их выражения, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Причем просматривается тесная взаимосвязь правовых и политических принципов с принципами морали, особенно при рассмотрении таких категорий (социальных ценностей), как справедливость, свобода, равенство, человечность [791, с. 91–92].

В отношении правового статуса гражданина Л. Д. Воеводин писал следующее: «К разряду основных принципов правового статуса советских граждан (их прав и обязанностей) следует отнести те записанные в Конституции и других ведущих законодательных актах руководящие идеи, которые в общем плане фиксируют место человека в обществе и государстве» [131, с. 118]. При этом он сформулировал следующие основные принципы: «1. Сочетание личных и общественных интересов. 2. Всеобщая доступность прав и непреложных обязанностей. 3. Равноправие граждан. 4. Социалистический гуманизм» [131, с. 122].

Как считает В. М. Чхиквадзе, гуманизм представляет собой сложное и многостороннее явление с множеством функций. Для правовой науки наиболее важное значение имеют органически связанные между собой функции социальной регуляции (организации), социальной ориентации и воспитания [791, с. 41]. Далее автор показывает тесную взаимосвязь правовых и нравственных норм в структуре гуманизма и трудности их дифференциации, «поскольку объектом их регулирования выступает личность в полном объеме ее интересов и во всех аспектах ее развития» [791, с. 43].

Вместе с тем, по мнению В. М. Чхиквадзе, «эффективность функций социальной организации и социальной ориентации тем выше, чем более обоснованный и объективно точный характер имеют социальные ценности, чем более точно они отражают интересы личности, назревшие общественные потребности» [791, с. 46].

Советский исследователь правового положения личности в СССР В. М. Сафронов полагал, что в основе конституционных прав и обязанностей граждан лежат три принципа: единство прав и обязанностей (вытекающее из самой природы социалистического государства, не знающего деления общества на людей, на стороне которых только одни права или только одни обязанности); равенство сторон (под ним понимается равноправие граждан СССР пользоваться всеми правами и нести все обязанности, закрепленные Конституцией СССР); гарантированность прав и обязанностей (обеспечение основных прав советских граждан политическими, материальными, юридическими и идеологическими гарантиями) [648, с. 34–36].

Принципы В. А. Патюлин рассматривал не в рамках правового положения личности, а в рамках взаимоотношения государства и личности. Под принципами взаимоотношений государства и личности он понимал «исходные начала, которыми на основе и во исполнение законов обязаны руководствоваться социалистическое государство и граждане в сфере своих взаимных прав и обязанностей, закрепленных в праве». Ученый выделял следующие принципы: социалистическая законность; сочетание интересов государства и граждан; единство взаимных прав и обязанностей государства и граждан; равенство основных прав и обязанностей граждан; расширение прав и свобод граждан, повышение их социальной активности, ответственности и самодисциплины при исполнении обязанностей [556, с. 16].

С.А. Авакьян выделяет следующие принципы конституционно-правового статуса личности и трактует их как исходные начала статуса личности, ее места в обществе и государстве:

- 1) свобода личности – это самостоятельность поведения, выбора поступков и действий, положения в системе межличностных, групповых, общественно-государственных отношений;
- 2) принадлежность человеку основных прав и свобод от рождения и их неотчуждаемость (основными правами и свободами

являются те, которые наиболее полно соответствуют природе человека и гражданина, выражают его положение в системе социально-общественных связей и закреплены в Конституции (Основном Законе) государства);

- 3) соответствие статуса личности в Российском государстве требованиям и стандартам, сложившимся в международном сообществе;
- 4) сочетание индивидуальных интересов личности и интересов других лиц, государства и общества;
- 5) принцип всеобщности;
- 6) юридическое равенство граждан (равноправие);
- 7) соответствие конституционным основам статуса личности его регулирования в текущем законодательстве и практической реализации;
- 8) гарантированность конституционного статуса личности (принцип выражается в необходимости материального обеспечения осуществления прав и свобод, исполнения обязанностей, создания процессуальных механизмов их реализации, защиты интересов личности) [9, с. 583–593; 10, с. 56].

Отдельно, по мнению В. В. Фролова, необходимо выделить принцип законности как особое состояние деятельности, выражающееся в свойствах ее юридической правомерности, а также принципы гуманизма и справедливости как категории нравственного сознания. Эти оба принципа «воплощают в себе требования общего критерия нравственности – требования о соответствии поведения как личным, так и общественным интересам, а также интересам развития общества по пути прогресса» [757, с.12].

Только четыре общих принципа конституционно-правового статуса личности выделяет Л. А. Нудненко:

- уважение достоинства личности;
- человек, его права и свободы как высшая ценность;
- равенство всех перед законом и судом;
- признание, соблюдение и защита общепризнанных прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Специальных принципов конституционного статуса личности он выделяет десять:

- полнота основных прав, свобод и обязанностей граждан;

- недопустимость отмены или умаления прав и свобод человека и гражданина;
- непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина;
- допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь в целях, установленных Конституцией;
- запрет злоупотребления правом и свободами;
- гарантированность государственной защиты прав и свобод человека;
- гарантированность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина;
- признание за каждым, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом;
- гарантированное возмещение государством потерпевшему причиненного ему вреда (ущерба);
- признание международно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина [317, с. 226–248].

Конституционные принципы, на которых строится правовое регулирование в области прав и свобод человека и гражданина, считает С. Н. Братановский, являются основой правового статуса личности и носят универсальный характер, определяя главные черты всех членов общества. Он выделяет следующие принципы: гарантированность прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; реализация прав, свобод и обязанностей человека и гражданина на основе равноправия; равенство всех перед законом; непосредственное действие прав и свобод [78, с. 77–84].

Лишь шесть принципов правового статуса личности указывает Л. П. Рассказов: неотчуждаемость основных прав и свобод человека; равенство прав и свобод человека и гражданина; единство прав и обязанностей граждан; признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; равенство обязанностей; уважение прав и свобод других лиц [605, с. 84].

Конституция Польши, например, определяет три базовых фундаментальных принципа, которые решающим образом влияют не только на закрепление основных прав и свобод личнос-

ти, но и на их применение и толкование: принцип достоинства, свободы, равноправия [117, с. 28–34].

По нашему мнению, базовыми фундаментальными принципами всех структурных элементов конституционно-правового статуса личности могут стать три основополагающих принципа: свобода; равенство; солидарность.

Принцип свободы – свобода выбора в рамках закона.

Принцип равенства – все имеют равные возможности в своих правах, свободах, обязанностях, ответственности, гарантиях и защите прав и свобод.

Принцип солидарности – общность интересов и взаимное согласие всех.

Достаточно актуальным является вопрос соблюдения правовых принципов. Мы поддерживаем мнение белорусского исследователя права Н. Л. Бондаренко о том, что нарушение принципов права со стороны государства порождает недоверие к нему населения и снижает его престиж на мировом уровне [70].

Таким образом, *предметом конституционно-правового статуса личности* являются общественные отношения, лежащие в сфере правового положения человека и его взаимоотношений с коллективом, обществом и государством. Эти отношения носят комплексный характер и регулируются нормами различных отраслей права. Основы правового статуса личности определяются нормами конституционного права, которые в свою очередь детализируются в нормах иных отраслей права, что свидетельствует о комплексности данного правового института. Конституционно-правовой статус личности выступает в качестве *системообразующей категории* конституционного права, имеющей свои принципы, и представляет собой комплексный конституционно-правовой институт. Конституционно-правовой статус личности как системообразующая правовая категория рассматривается через призму основ конституционного строя и народовластия.

Структурно конституционно-правовой статус личности состоит из следующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, на правах которых выступают отдельные конституционно-правовые институты: прав и свобод человека и гражданина; обязанностей; ответственности; гарантий и защиты прав и свобод.

Гражданство как политико-правовая связь человека с государством не относится к элементам конституционно-правового статуса личности. Вместе с тем гражданство является фактором, усиливающим все иные элементы правового статуса личности и придающим им особое качество.

Принципы правового статуса личности – основные начала, не входящие в структуру правового статуса, но составляющие организационную и нравственную основу, определяющие сущность и правовую природу юридического обеспечения общественных отношений в области правового статуса личности и распространяющиеся на все статутные элементы. К ним относятся свобода, равенство и солидарность.

Принцип свободы – свобода выбора в рамках закона.

Принцип равенства – все имеют равные возможности в своих правах, свободах, обязанностях, ответственности, гарантиях и защите прав и свобод.

Принцип солидарности – общность интересов и взаимное согласие всех.

ГЛАВА 3

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТОВ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

3.1. ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека, его интересы, честь и достоинство, их охрана и гарантированность – важнейшие принципы демократического государства. Права человека в нашем государстве исследованы на уровне учебно-методических пособий и курсов лекций [67; 662; 776 и др.], реже – на уровне диссертационных и монографических исследований [17; 18; 407 и др.].

Термин «право» многозначен. Как правило, при рассмотрении этой многозначности такие понятия, как «право», «правовое» – с одной стороны, «юридическое» – с другой, отождествляются и внимание концентрируется на различиях между объективным правом (институциональным образованием, близким к тому, что понимается под термином «закон») и субъективным правом – юридическими возможностями, свободой поведения, принадлежащими конкретному субъекту [25, с. 66]. Достаточно проблематично в ряде случаев соотношение понятий «право» и «закон» [403]. О правах человека можно говорить лишь в смысле тех социальных возможностей, той социально оправданной свободы поведения человека как общественного существа, которые определены конкретными условиями его жизнедеятельности в данной общественной системе, действием объективных социальных закономерностей [25, с. 147]. «Каждый человек имеет притязания на определенный объем благ и условий жизни (материальных и духовных), получению которых должны содействовать общество и государство. Объем этих благ и условий исторически всегда определялся положением индивида в классовой структуре общества, в системе материального производства. Эти блага условно могут быть названы правами человека» [583, с. 24].

Концепция прав человека – достаточно многоплановое явление, не ограничивающееся только правом. Формирование ее происходило под влиянием многих факторов жизни общества (философии, религии, морали и культуры, в человеческом обществе в целом и в отдельных этносах) [408, с. 4–14]. Мы поддерживаем мнение известного советского теоретика права И. Е. Фарбера о том, что «в правосознании складываются нормативные представления о правах и обязанностях личности, о правомерности или неправомерности поведения, о преступлении и наказании еще до того, как эти представления возводятся законодателем в закон» [742, с. 58]. Вместе с тем И. Е. Фарбер считал, что права человека – это общесоциологическая, а не юридическая категория [743, с. 35–38].

В философско-правовом плане отношение к правам человека тесно связано с двумя основными направлениями юридической мысли: естественно-правовым и позитивистским. Если естественно-правовые теории рассматривают права человека как естественные, неотъемлемые, вытекающие либо из разума, либо из божественной воли [839, s. 168; 848, s. 505], либо из неизменной природы самого человека, то позитивистское направление подходит к ним как к категории, установленной государством. Если теоретики юридического позитивизма понимали под правами личности государственные дозволения, то представители социологического позитивизма определяли их как объективные и закономерные установления общественного развития, обосновывая при этом обусловленность субъективных прав общественными отношениями [843, s. 23]. По мнению англоязычного исследователя права Г. Харта, «доктрина естественного права есть часть более древнего понимания природы, в котором наблюдаемый мир не просто место действия подобных повторяющихся процессов и знание природы не просто знание их» [767, с. 191].

Теория естественного права, начиная с Г. Гроция и Б. Спинозы, достигает высшего развития в философии права И. Канта, который говорил о наказании и награде согласно божественной воле [268, с. 431–432]. «Всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, своеобразной со всеобщим законом.< ... > Понятие права можно усматривать непосредственно в возможности сочетать всеобщее взаимное при-

нуждение со свободой каждого» [266, с. 254, 255]. От естественного права Г. Гроций отличал право волеустановленное, источником которого может быть либо воля бога, либо воля людей, отсюда возникает деление данного права на право божественное и право человеческое. В свою очередь право человеческое подразделяется на право внутргосударственное и право народов [172, с. 73–75]. Кантовские идеи существенно влияли на представителей отечественной естественно-правовой школы. Естественное право И. Кант понимал не как присущее человеку от природы, а как неотъемлемо присущее ему в силу социальной общности [719, с. 10].

В сочинениях Бердяева, Новгородцева, Струве, Франка, Трубецкого талантливо развивается кантовская идея о самоценности личности, о необходимости подчинения человека и государства моральному закону и установления пределов государственной власти [227, с. 12]. Белорусский первопечатник Франциск Скорина стоял на позиции того, что «для ўсіх павінна быць роўная свабода і ўсе павінны карыстацца аднолькавымі дабротамі» [665, с. 176] По мнению И. А. Ильина, «ценность, лежащая в основании естественного права, есть достойная, внутренне самостоятельная и внешне свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество» [250, с. 53]. Великий немецкий философ Г. В. Гегель говорит о том, что право вообще позитивно [146, с. 61], но почвой права является духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна [146, с. 67]. История развития естественных прав была достаточно сложной и неоднозначной в интерпретации [383, с. 242–251]. Идеи общественного договора и неотчуждаемых естественных прав человека взяли на вооружение такие идеологи освободительной борьбы американского народа против английской колонизации, как С. Адамс, Т. Джефферсон, Т. Пейн, А. Гамильтон и др. Эти идеи были отражены в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки 1776 г., составленной Т. Джефферсоном [491, с. 41–42].

Известный российский теоретик права С. С. Алексеев считал, что если в условиях цивилизации позитивное право занимает центральное место в инфраструктуре социального регулирования, то ее исходным элементом, активным фактором, преломляющим требования экономики, другие объективно обу-

словленные требования общества, являются естественные права [31, с. 119]. При этом автор различает четыре основные ступени позитивного права, возникшие в процессе эволюционного развития человеческого общества: право сильного, кулачное право, право власти, право гражданского общества. Первые три ступени характеризуются как неразвитое право, и лишь последняя ступень позитивного права – право гражданского общества, являясь высшей стадией развития цивилизации, наиболее сближается с естественным правом [31, с. 126–131]. По мнению О. Э. Лейста, нельзя отождествлять теорию естественного права с доктриной прав и свобод человека по той причине, что правосознание содержит представления не только о содержании прав и свобод, но и о способах их осуществления [383, с.251]. «Цель законодателя – обеспечить перевод категорий “естественного права” в позитивное право, выраженное в текстах нормативных актов» [383, с. 326]. «Следует необходимость признания права человека не только в качестве субъективного, но и объективного права – нормативного институционального образования». Такое преобразование, резко меняющее социальный и юридический статус рассматриваемой категории, означает прямое действие прав человека в качестве юридически исходного и непосредственного признания правосудными учреждениями [23, с.668–671].

В современном мире вряд ли можно встретить в чистом виде как позитивистские, так и естественно-правовые теории. Еще великий голландский мыслитель и юрист Г. Гроций в своем подходе к международному праву пытался соединить эти два начала [484, с. 5].

По мнению В. С. Нерсесянца, каждый из этих двух подходов имеет «свой типобразующий принцип правоприменения, отрицающий все остальное» [492, с. 6]. Вместе с тем В. С. Нерсесянец считает, что «в философско-правовом плане различение естественного права и позитивного права свидетельствует о поисках (правда, теоретически недостаточно осознанных) объективной сущности права, которая отлична от официально установленного правового явления (позитивного права). < ... > В целом в собственно-теоретическом отношении различения (а по сути дела – противопоставление) естественного права и позитивного права представляет собой весьма условную, неразвитую и внутренне противоречивую концепцию правопонимания» [493, с. 21–22].

В конституционной и судебной практике современных государств наблюдается смягчение противостояния естественно-правовых и позитивистских подходов. Развитие конституционализма сегодня показывает, что государства, признающие естественно-правовую доктрину, не отвергают оформления прав и свобод человека в позитивном законодательстве. Это относится и к международно-правовым документам по правам человека. Как пишет А. В. Поляков, необходимо отказаться от противопоставления естественного и позитивного права, так как всякое право по своей природе позитивно [574, с. 9]. По мнению Л. С. Явича, «право представляет собой прежде всего диалектическое единство субъективного и объективного права, правоотношений и норм права» [819, с. 5]. Деление прав и свобод на естественные и позитивные, как считает А. Б. Венгерова, теряет ныне свой юридический смысл. «Происходит сращивание всех прав и свобод в единый комплекс правообеспечения нормальной жизни человека» [121, с. 582].

Категорией «современное естественное право» оперирует С. С. Алексеев, говоря о важности данной категории для развития современной концепции прав человека и современной юридической науки в целом [23, с. 142–147]. Известный российский теоретик права О. Э. Лейст пишет о том, что «суть естественного права как в его классическом, так и в возрождаемом вариантах в том и состоит, что дает возможность выявить массовые в данном обществе социальные ожидания, возлагаемые на право» [383, с. 57–58].

Однако смягчение антагонизма указанных выше доктрин не исчерпывает многообразия и разноречий, возникающих в подходе к правам человека. Заслуживает пристального внимания мнение белорусского ученого В. А. Кучинского, который говорит о третьем важном с методологической точки зрения подходе к трактовке прав человека: эти права не продукт природы или божественной воли, не дарованные государством, а своеобразный продукт развития общества, прежде всего общественного производства и способа распределения материальных благ [357, с. 8–12]. Автором вносятся достаточно важные и обоснованные предложения в законодательство и практику нашего государственного строительства в области прав человека и формирования

ния правового, социального государства [359, с. 28–46]. Вместе с тем, по нашему мнению, указанные В. А. Кучинским условия могут влиять на экономические и социально-психологические возможности приобретения субъективных прав, но они не в силах автоматически изменить содержание как правовой возможности приобретения субъективного права, так и самого субъективного права. Условия жизни общества могут потребовать изменения (в ту или иную сторону) содержания правоспособности или субъективного права, но в этом случае нужно будет прежде всего изменить объективное право. Из этого следует, что то или иное изменение содержания правоспособности или субъективного права может произойти лишь в результате изменения норм объективного права, а не в результате изменения условий самой жизни. Материальные условия жизни общества сами по себе не могут создать ни правоспособности, ни субъективного права. Можно согласиться с мнением Д. М. Чечота, что наделение лица качеством субъекта права, определение содержания его правоспособности, определение условий, при которых возникает субъективное право и т. д., происходит лишь на основе нормы объективного права, содержание которой определяется потребностями общественного развития [780, с. 17–18].

Определенного внимания заслуживают предложения по совершенствованию современной доктрины прав человека с позиций традиционализма [548] и русской православной церкви [264].

По мнению российского исследователя Л. И. Глухаревой, в настоящее время юридическая наука по методологическому критерию оперирует тремя теориями прав человека: классической, неклассической и постнеклассической. Каждая теория возникла на определенном историческом этапе и самоопределилась в процессе критики своей предшественницы [149, с. 25–31].

Необходимо отметить, что право органично включено в социальный контекст, в систему общественных отношений, где оно взаимодействует, противодействует, взаимодополняет либо снижает эффективность иных элементов социокультурной нормативной системы – норм морали, политических, религиозных, корпоративных норм, обычаев, традиций и т.п. Представить правовые нормы вне этого контекста, вне такого взаимодействия весьма затруднительно [492, с. 10]. Мы согласны с мнением

В. Е. Чиркина о том, что дискуссия о правах человека и гражданина, их соотношение с правами общества, государства, коллективов отражает новую постановку вопроса: не о разделенных правах человека и гражданина, а о целостном подходе к человеческой личности [783, с. 9]. Значимость идей конфуцианства в мировой политике и традиционной философии Ю. И. Малевич показывает в связи с проблемой «азиатского выбора пути» прав человека. Это сопряжено прежде всего с повышением роли Китая в геополитике. Особая роль в области прав человека на мировом уровне в настоящее время принадлежит США [412, с. 16–20]. В исламском мире права человека более тесно связаны с религией, чем с правовыми нормами [51, с.126–133; 630].

Как справедливо отмечено в научно-правовой литературе, право не единственный социальный регулятор в обществе. Однако среди иных регуляторов оно, несомненно, является одним из наиболее действенных [682, с. 37].

Для исследования проблемы мотивации поведения личности, полагает А. В. Малько, необходимо прежде всего рассмотреть правовые средства в информационно-психологическом аспекте. Такими правовыми средствами выступают не сами нормы права, договоры или правоприменительные акты, а те конкретные меры информационно-психологического воздействия, которые в них содержатся [423, с. 134].

Вместе с тем можно согласиться с мнением, высказанным в научно-юридической литературе, что «в зависимости от содержания, направленности, соответствия юридических предписаний потребностям правового регулирования, условиям общественного сознания и других факторов изменения в обществе могут носить как позитивный, так и негативный характер» [681, с. 6].

Как считает В. В. Лапаева, для моделирования процесса выработки права можно воспользоваться логической конструкцией общественного договора [373, с. 65]. К постановке проблемы российский теоретик права А. В. Поляков предлагает антрополого-коммуникативное обоснование прав человека в рамках постнеклассической науки [573].

Многие ученые рассматривают взаимосвязь публичного интереса с правом как двигатель прогресса, в том числе в области прав человека [27, с. 16–17; 424, с. 58–57; 728, с. 19–25 и др.].

«В правовой мысли понятие “человек” конкретизируется в таких понятиях, как “индивид”, “личность”, “гражданин» [626, с. 36]. Для характеристики прав личности необходимо обсудить соотношение понятий «права человека», «права гражданина» и «права личности». В юридической литературе данному вопросу уделено большое внимание. По мнению ряда ученых, каждый человек, будучи членом общества, обладает известными неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами и свободами, которые существуют независимо от их государственного признания, являются результатом общественного развития [487, с. 35–36; 619, с. 9–10; 743, с. 35–40 и др.]. Такое понимание прав человека близко к позиции естественных прав, которыми человек обладает в силу своего рождения и «которые не могут быть отчуждены в пользу государства, а следовательно, не “даруются” государственным законодателем» [779, с. 11].

Концепция естественных прав впервые была воплощена английским парламентом в Билле о правах 1689 г. Примеру Англии последовал съезд народных представителей бывшей английской колонии Вирджинии, который принял в июне 1776 г. Билль о правах. Естественными, неотъемлемыми правами людей в ней признавались право на жизнь, свобода и стремление к счастью. В Конституции США 1789 г. вместе с десятью поправками, составляющими Билль о правах, эти права определяются более подробно. Провозглашаются свобода слова и печати, неприкосновенность личности и жилища, запрещаются незаконные обыски и изъятия. Признается право исповедовать любую религию, право сопротивляться произволу и т. д. [381, с. 4]. Теория естественных прав на протяжении длительного времени была чужда советской науке и считалась чисто буржуазным направлением. Только в недалеком прошлом теория естественных прав была принята учеными постсоветских государств. Белорусский исследователь Л. Ф. Евменов считает, что исходя из естественных потребностей и естественных моральных требований «права человека на жизнь, свободу, самоопределение, на собственность, труд, достойную оплату труда, свободу от голода, на информацию, свободу мысли, убеждения, мнения, на уважение достоинства личности имеют все основания быть определены сегодня как естественные (неотъемлемые, неотчуждаемые, элементарные и фундаментальные одновременно) универсальные

права человека во всех смыслах и значениях этого понятия и слов, составляющих его» [214, с. 35].

В советской юридической литературе существовали различные определения права (свободы) личности из-за сложности и многоаспектности рассматриваемого социально-правового феномена. Основной чертой личности считает И. Э. Ильенков, является неповторимость: «Неповторимость свойственна каждой отдельной личности настолько органически, что если ее отнять, то исчезнет сама личность» [629, с. 323]. Понятие личности И. Е. Фарбер определял через общественные отношения, в первую очередь через экономические [743, с. 18–19]. По мнению А. А. Головки, «личность – это социальное понятие, она складывается в определенной социальной среде» [160, с. 13]. Под личностью В. А. Кучинский понимал «человека, обладающего неповторимой совокупностью психофизиологических, интеллектуальных, социальных черт, позволяющей ему быть активным субъектом общественных отношений, в том числе и государственно-правовых» [357, с. 21]. По мнению российского теоретика права А. Б. Венгерова, личность – это социальная характеристика человека на определенном этапе общественного развития, это член общества, наделенный правовым статусом, правосубъектностью, адресат правового воздействия, участник многообразных общественных отношений... [121, с. 574–579]. «... понятие личности отражает формирующееся под влиянием общих закономерностей устойчивое единство ее существенных социальных признаков, свойств, качеств, материализующихся в предметной, социальной активной деятельности в социально-экономической, общественно-политической, правовой сферах», считает С. Н. Кожевников [295, с. 12].

В юридической литературе высказано мнение, что такие понятия, как «индивид», «человек», «личность», «гражданин», характеризуют человеческое существо определенным образом. Причем соотношение этих понятий в праве и психологии, в праве и философии различно [136, с. 27]. Л. Д. Воеводин говорит о том, что совокупность общественных отношений составляет сущность личности, а для характеристики конкретного человека подходит больше термин «индивид». «Если индивид отражает конкретную определенность человека, его “идентичность”, то личность выражает персонализацию общественных связей человека, их обусловленность» [132, с. 55].

В то же время А. Г. Бережнов подчеркивал, что попытки проследить определенные различия между понятиями «человек» и «личность» в рамках любого человеческого общежития в принципе лишены научных оснований. Общество и личность – всегда парные категории. «Если есть минимум социальности, то в той же мере возможна и необходима соответствующая личностная характеристика этой социальности в целом и каждого индивида в отдельности» [52, с. 17]. При этом личность, по мнению А. Г. Бережнова, понимается как «индивидуально определенная совокупность социальнозначимых свойств человека, выявляющихся в отношениях между людьми» [702, с. 187].

Заслуживает внимания мысль, высказанная Г. В. Гребеньковым о том, что «каждый человек в процессе социализации и персонализации как двух взаимосвязанных процессов становится личностью, как аксиологического феномена бытия – приобретает для него имеющие центральное значение потребности» [169, с. 155]. Профессор Санкт-Петербургского университета Н. М. Коркунов, рассматривая личность во взаимоотношениях с обществом, говорил о том, что «личность как особое, самостоятельное начало всегда оказывает в отношениях к данному обществу некоторое трение, стремится всегда несколько его изменить и в силу этого служит источником жизни и является прогрессивным фактором общественной жизни» [332, с. 225].

В юридической науке часто права личности называются субъективными правами. Таким наименованием обозначается принадлежность их индивиду (субъекту), проводится их отличие от объективного права – системы правовых норм, выраженных в соответствующих источниках (формах) права [132, с. 92–93; 366, с. 184–186; 441, с.142; 451, с. 143–149; 705, с. 222–223 и др.]. Причем к понятию объективного права имеется два основных подхода (в широком и узком смысле) [368, с. 195–199]. По этой причине не являются субъективными (юридическими) правами другие виды социальных прав личности – моральные, корпоративные (вытекающие из норм общественных организаций), обычные (вытекающие из обычаев).

Субъективные права, считают Е. А. Зорченко, Н. А. Поляшук и Н. М. Юрашевич, «это охраняемая законом мера возможного поведения человека, направленная на удовлетворение его интересов» [237, с. 290].

Современный российский теоретик права В. П. Малахов различает понятия индивидуального права и права человека: «Право человека есть понятие, охватывающее собой и то, что порождается самим человеком, и то, что создается обществом и приписывается человеку, предоставляется ему, т. е. оно является результатом всех форм правовой жизни – не только индивидуальной, но и групповой, и общественной, и международной; оно культурный феномен. <...> Индивидуальное право, ситуативное «одноразовое», установленное только самим индивидом – право конкретного индивида является субъективным, так как его реализует отдельный субъект» [410, с. 68–69].

Ряд ученых – представителей науки гражданского права – понимали и понимают под субъективными правами только наличные права, которыми гражданин обладает фактически, т.е. приобретенные и реализуемые лицом лишь при наличии юридических фактов, с которыми связано возникновение конкретных правоотношений [494, с. 30 и др.]. На позиции того, что объективное право наделяет лицо субъективными правами, «дает в руки субъекта правовые средства для удовлетворения его интересов» стоял Д. М. Чечот. При этом интерес является целью существования субъективного права [780, с. 34–35]. Права и обязанности юридические и субъективные различал В. А. Кучинский: «В отличие от юридических прав и обязанностей, закрепленных в правовых актах, субъективные права и обязанности представляют собой не границы возможного поведения, а конкретную его меру, и в частности не право на труд вообще, а право на работу в конкретном учреждении, по конкретной специальности и в конкретных условиях» [357, с. 26].

Еще русский ученый Н. М. Коркунов писал: «Выяснение понятия права в субъективном смысле или правомочия составляет самый трудный и самый спорный вопрос во всем учении об юридических отношениях [332, с. 148]. Причем «право непременно предполагает соответствующую обязанность. Если нет соответствующей обязанности, будет просто дозволение, а не правомочие». «Мы определили правомочие как возможность осуществления интереса, прямо обусловленную соответствующей обязанностью» [332, с. 151].

Чаще всего под правами личности понимают меру (вид, сферу, границы) ее возможного или дозволенного поведения [26,

с. 114; 357, с. 121–123; 431, с. 5; 461, с. 59; 780, с. 25–27 и др.]. Данная идея была предложена в конце 1940-х гг. С. Н. Братусем. Он определил субъективное право как «обеспеченную законом меру возможного поведения управомоченного лица» [80, с. 31–34]. Субъективное право, считал Е. А. Флейшиц, возникает на основе правоспособности и имеет определенное содержание, «закрепляет за носителем права возможность определенного поведения, меру этого определенного поведения» [751, с. 258]. На похожих позициях в тот период времени стоял и С. С. Алексеев. Он писал: «Субъективное право – это всегда определенная правовая возможность, предоставленная лицу объективным правопорядком» [24, с. 288]. Права личности А. Г. Бережнов определяет как «формально-определенные, юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами, официальная мера возможного поведения человека в государственно-организованном обществе». При этом права и свободы личности являются частью объективного права и одновременно это субъективные права, «поскольку они принадлежат отдельным гражданам как субъектам права» [702, с. 189–190]. Как считал Н. В. Витрук, «права и свободы личности есть материально обусловленные, юридически закрепленные и гарантированные возможности индивида обладать и пользоваться конкретными социальными благами: социально-экономическими, духовными, политическими и личными» [126, с. 9].

Неоднократно в литературе предпринимались попытки расширить определение права личности за счет включения в его содержание конкретных видов правомочий его носителя [21, с. 225; 450, с. 32 и др.]. Это научное положение в те годы оспаривалось. Некоторые ученые отвергали необходимость дополнения к общему определению субъективного права, так как возможность требовать известного поведения от обязанного лица – это тоже мера дозволенного поведения самого управомоченного, «субъективное право как право на действия самого управомоченного лица» [26, с. 117 и др.].

Предпринимались также попытки увеличить число правомочий в содержании прав личности за счет выделения возможностей носителем прав пользоваться соответствующими материальными и духовными благами. В частности, по мнению Н. И. Матузова, право должно включать четыре возможных

правила поведения субъекта: «а) вести себя определенным образом; б) требовать соответствующего поведения от других лиц; в) пользоваться определенным социальным благом; г) прибегнуть в необходимых случаях к мерам государственного принуждения. Иными словами, субъективное право рассматривается одновременно как право поведения, право-требование, право-притязание и право-пользование» [449, с. 80]. В целом мы поддерживаем такое понимание содержания права личности.

Русский философ-юрист И. А. Ильин под правом в субъективном смысле с юридической точки зрения понимал «полномочие, установленное в содержании правовой нормы». В более широком смысле в понимание этого термина «может быть привлечена в качестве коррелята и всякая обязанность, установленная в содержании правовых норм, хотя терминологически идея обязанности не покрывается представлением о праве в субъективном смысле» [251, с. 880–885].

Следующее определение дает субъективному праву В. А. Паюлин: «...материально обусловленная и обеспеченная государством и правом возможность определенного поведения субъекта (лица) в целях обладания социальным благом» [556, с. 188]. Недостаток данного определения в том, что оно не охватывает прав, которые опосредуют жизненные ценности, обладание и пользование зависит главным образом не от целенаправленных действий личности, а от действий иных лиц (право на отдых, на неприкосновенность личности и т.д.). Несколько шире субъективные права определял А. И. Лепешкин: «это их возможности, а в отдельных случаях и общественно необходимые действия, закрепленные нормами права в целях пользования материальными и духовными благами для удовлетворения личных потребностей в соответствии с интересами общества и государства» [386, с. 6].

Под правами В. Г. Беляев понимает фактически и юридически гарантированные субъекту (в едином комплексе с его обязанностями) статутные и функциональные возможности, т. е. возможность стать и быть самим собой – субъектом своей свободы и ответственности перед обществом, государством и другими субъектами права в условиях их ответственности перед ним [49, с. 317]. Считаем, что данная формулировка несколько упрощена.

Права личности – это ее социальные возможности, детерминированные экономическими, политическими условиями жизни общества и законодательно закрепленные государством [395, с. 48]. На наш взгляд, это наиболее точная формулировка, высказанная Е. А. Лукашовой и выражающая меру свободы, которая объективно возможна для личности на конкретном историческом этапе развития общества. Однако и она требует дополнения в том смысле, что права личности детерминированы не только экономическими и политическими условиями жизни общества, но и социальными, юридическими. В пределах этой свободы осуществляется самоопределение личности, устанавливаются условия реального пользования социальными благами в различных сферах жизни общества. Вместе с тем в отношениях между обществом и личностью свобода личности относительна. По словам Г. В. Гегеля, «личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц» [146, с. 98]. Естественное право, в том числе права человека, – это еще не претворенная в жизнь реальность, не сама по себе дозволенность определенного поведения, а скорее требования о дозволенности поведения, считает С. С. Алексеев [31, с. 132]. Под правами человека С. А. Комаров и А. В. Малько понимают охраняемую законом меру возможного поведения, направленную на удовлетворение интересов человека. Права гражданина – «это охраняемая законом мера возможного поведения, направленная на удовлетворение интересов не всякого человека, а лишь того, который находится в устойчивой правовой связи с конкретным государством» [308, с. 271–272].

Можно согласиться с Е. А. Лукашовой в том, что права личности, или субъективные права, это не потенциальные, а реальные социальные возможности индивида, вытекающие непосредственно из закона [395, с. 63]. Данное положение следует подчеркнуть, поскольку в юридической науке широко утвердилось понимание субъективного права как элемента конкретного правоотношения, возникающего при наличии юридического факта, который порождает данное отношение.

Российский исследователь А. Б. Зеленцов под общим субъективным правом понимает статутное субъективное право и дифференцирует все субъективные права на «две группы:

а) статутные субъективные права, прямо вытекающие из закона, провозглашающего эти права;

б) субъективные индивидуализированные права, возникающие в рамках конкретных правоотношений» [234, с. 16].

Права личности многообразны по содержанию, объему, способам реализации. Закрепление того или иного субъективного права в законодательстве должно означать возможность человека свободно пользоваться определенным благом в границах и порядке, обозначенных в законе. Права человека В. Д. Перевалов понимает как «естественные возможности индивида, обеспечивающие его жизнь, человеческое достоинство и свободу деятельности во всех сферах общественной жизни», а права гражданина – как «совокупность естественных правомочий, получивших отражение в нормативно-правовых актах государства, и приобретенных правомочий, выработанных в ходе развития человека, общества и государства» [706, с. 313].

Субъективное право – форма законодательного выражения прав человека во внутригосударственных отношениях [683, с. 11]. В теории государства и права субъективное право в самом общем виде определяется большинством авторов как установленные и охраняемые государством вид и мера возможного поведения лица (субъекта). В отличие от объективного права субъективное приурочено к конкретному субъекту в конкретном правоотношении [136, с. 30].

Известный русский ученый И. А. Покровский еще в начале 1917 г. писал о том, что неуклонный рост личности имеет две стороны. «В общем ходе экономического и культурного развития неизбежно повышается общий уровень требований личности в данной среде. Растут самосознание и самооценка среднего, типичного человека, в соответствии с этим расширяется общая система субъективных прав. Право объективное неизбежно должно поспевать за этим возрастающим общим самосознанием и давать ему надлежащее удовлетворение» [570, с. 99].

Юридическая энциклопедия под термином «субъективное право» понимает предусмотренную и гарантированную законом меру возможного поведения субъекта права, включающую как возможность самостоятельно совершать определенные действия, так и возможность требовать возможных действий (или воздержания от действий) от другого лица». Предпосылкой субъек-

тивного права является правоспособность как потенциальная способность иметь права. Субъективное право подразделяется на абсолютные и относительные права [724, с. 828]. По мнению В. Н. Кудрявцева, в современной юридической литературе этот вопрос не находит ясного решения, поэтому нужно четко определить, что является субъективным правом. «Альтернатива здесь такова: либо субъективное право – это не запрещенная законом возможность действовать (бездействовать) по собственной воле, но без поддержки государства. Либо – действовать на базе начальных (стартовых) возможностей, которые должны быть обеспечены любому лицу, вступающему в правоотношения, да и результаты гарантированы» [349, с. 45]. Представители отрасли гражданского права суживают понятие субъективного права рамками данной отрасли права [433, с. 317–322 и др.].

Первоначально Б. С. Эбзеев говорил о том, что «права человека в обществе выступают в правовой оболочке и служат критерием правоустановительной деятельности государства. А признание прав человека государством, их законодательное провозглашение придает этим правам качество прав гражданина» [809, с. 30]. Позже под термином «права человека» Б. С. Эбзеев понимает те права, «которые государства обязаны предоставить на их территории лицам независимо от их гражданской принадлежности. Права же гражданина – это такие права, которые предоставляются лишь лицам, находящимся с государством в отношении гражданства» [810, с. 40–41]. По мнению профессора А. М. Абрамовича, «личность обнаруживает статус гражданина лишь в ее отношении к государству» [6, с. 7].

О важности права «превратиться из возможного в наличное, из потенциальной возможности, каким является всякое предоставленное законом право, в конкретное притязание» говорил Л. Д. Воеводин [817, с. 8].

Вместе с тем, по словам Н. И. Матузова, «поиск оптимальных моделей взаимоотношений государства и личности всегда представлял собой сложную проблему. Эти модели в решающей степени зависели от характера общества, типа собственности, уровня экономики, развития демократии, культуры, других объективных условий. Но во многом они определялись также властью, законами, правящими элитами, т. е. субъективными факторами в сочетании с действующими закономерностями» [452, с. 23].

Можно согласиться с мнением А. А. Воротникова о том, что характер отношений между государством и личностью зависит от той направленности, на которой базируется эта взаимосвязь.

Прежде всего это «государственническое» направление, отдающее приоритет государству в отношениях с личностью. Деформационные процессы, происходящие здесь, в основном принято связывать с периодом сталинизма.

«Отношения между аппаратом управления государства, с одной стороны, и личностью – с другой, строятся на основе неукоснительного, бездумного исполнения директив Центра» [136, с. 28–29].

Критикуя институт прав человека в буржуазном обществе, советские юристы (А. И. Лепешкин [385], В. М. Чхиквадзе [683], И. Е. Фарбер [743], И. А. Ледях [380], А. М. Каримский [272] и др.) противопоставляли ему права человека в социалистическом обществе, имеющие иную социальную природу, экономические основы и цели (выдвижение на первый план социально-экономических прав). Мы поддерживаем мнение российского исследователя В. Р. Давтян, что в целом социалистическая (советская) концепция прав человека содержала следующие основные положения: права и основные свободы человека представляют собой набор общедемократических дозволений, которые государства обязуются предоставить всем лицам, находящимся в пределах их юрисдикции; основой (ядром) прав человека являются социально-экономические права, способствующие осуществлению остальных прав; защита прав человека должна осуществляться через сотрудничество государств в форме межгосударственных соглашений; международное сотрудничество в области прав человека увязывается прежде всего с вопросами поддержания безопасности во всем мире [179, с. 15–16]. В научной литературе высказано мнение, что идея прав человека в ее западноевропейской трактовке не получила социальной адаптации в России по следующим причинам: «а) чувство коллективизма ближе российским гражданам, чем чувство индивидуализма; б) права человека не обладают достаточными нравственными началами. Эти причины являются следствием национального восприятия прав человека» [226, с.10]. Мы не согласны с этой точкой зрения по той причине, что социальная адаптация как в России, так и в иных постсоветских государ-

ствах – процесс не одного десятилетия и для его ускорения необходимо определенное усилие со стороны государства в пропаганде этих идей.

В национальных законодательствах, как и в международно-правовых документах о правах человека, наряду с правами граждан указываются и их свободы.

Некоторые ученые пытаются найти различия между правами и свободами [142, с. 26–27; 703, с. 173 и др.]. И. Кант говорил о том, что «свобода, к которой имеют отношение юридические законы, может быть лишь свободой во внешнем применении» [266, с. 235]. По мнению И. В. Ростовщикова, «различие понятий «права» и «свободы» имеет историческое объяснение. Институт гражданских свобод (свобода слова, печати, собраний, ассоциаций и демонстраций) выражал сущность буржуазного конституционализма – защиту индивидуальной свободы путем ограничения правительственной власти» [619, с.17]. Свобода, по словам Н. И. Матузова, – одно из наиболее емких, сложных и многогранных понятий, проявляющихся в различных аспектах (экономическом, политическом, юридическом, нравственном, духовном и др.). Свобода индивида реализуется во всех сферах его жизнедеятельности – социальной, экономической, политической, духовной [451, с. 196–200].

В. А. Кучинский писал, что «юридические права и обязанности граждан, разумеется, при всех обстоятельствах оказывают определенное (положительное или отрицательное) влияние на развитие свободы личности. Однако свобода личности отнюдь не является производной от юридических прав и обязанностей, как и общественные отношения вообще не создаются правом» [357, с. 31]. Например, по мнению В. А. Патюлина, в правах на первый план выступает притязание гражданина на определенное социальное благо, а в свободах – его возможность совершить беспрепятственно соответствующий поступок [556, с. 188]. На наш взгляд, такое разграничение неточно, поскольку всякий поступок, дозволяемый свободой, направлен на объект его совершения – то или иное социальное благо, лежащее в основе соответствующей свободы личности. Совершенно справедливо многие авторы подчеркивают также, что свобода личности – это прежде всего деятельность, основанная на познании объективной необходимости предмета и условий осуществления

и в соответствии с собственным желанием личности [126, с. 9; 336, с. 14; 624, с. 12].

Французский ученый и государственный деятель Ф. Люшер под свободой понимает право индивида вести подобающий ему образ жизни, имеющее соответствующее подкрепление в конституционных положениях и законах [403, с. 89].

Свободу личности С. А. Комаров и А. В. Малько определяют «как право гражданина, которое выражает лишь отсутствие каких-либо препятствий, стеснений в чем-то» [308, с. 272]. Л. Д. Воеводин считает, что свободу личности как фактическое состояние нельзя отрывать от юридических прав и обязанностей и вместе с тем не следует ее отождествлять с ними. «Юридические права, в том числе конституционные, являются одной, но не единственной формой проявления свободы личности. Свобода связана с правом в целом как одной из форм общественного сознания, но она не менее близко соприкасается и с другими формами общественного сознания: моралью, философией, наукой, религией и пр.» [132, с. 39–40]. В данном случае можно частично согласиться с Л. Д. Воеводиным, однако, по нашему мнению, автор расширяет понятие свободы и выходит за рамки прав и свобод личности.

Различие между правами и свободами также проводит Л. А. Нудненко. «Конституционное (основное) право – это закрепленная в Конституции РФ возможность, позволяющая гражданину избирать определенный вид и меру поведения, пользоваться предоставленными ему благами как в личных, так и общественных интересах. Свобода, так же как и право, определяется через категорию «возможность». Она означает возможность избирать определенный вид и меру поведения и предполагает большую степень автономии от государства (свобода мысли, слова, совести)» [317, с. 220]. На похожих позициях стоят Л. П. Рассказов [606, с. 167–168], И. В. Ростовщиков и О. В. Ростовщикова [621, с. 9].

Вместе с тем всякое право личности предполагает ее свободные действия. Каждая свобода есть в то же время и право личности. Так, свобода слова – это есть право гражданина свободно выражать свои мысли, мнения и убеждения. Профессор Г. А. Василевич считает, что «права и свободы – в целом идентичные понятия. Права и свободы – это возможности индивида

пользоваться определенными благами в политической, экономической, социальной, духовной сферах. Свободы – это те же права, но для которых (в отличие от непосредственно прав) характерна большая автономия личности, это та сфера человека, в которую государство, устанавливая ее границы, не должно вмешиваться. Свобода – это возможность человека избежать воздействия со стороны государства, это независимость от него. Право – это возможность получения определенных благ...» [107, с. 273].

По мнению российского исследователя Н. А. Баиевой, «правовое «оформление» свободы людей осуществляется посредством дозволения и запретов, которые выступают в качестве границы между свободой и несвободой на определенной ступени развития общества» [43, с. 14].

Как отмечает М. С. Строгович, «в Конституции говорится о правах и свободах не для того, чтобы отличить права от свобод, а тем более противопоставлять их, а для того, чтобы подчеркнуть специфические свойства этого вида прав: право свободно совершать не запрещенные законом действия, поступки, беспрепятственно развешивать в пределах закона свою деятельность» [690, с. 121].

Историческое развитие понятия «свобода» подробно описано немецким ученым Я. Шаппом [796, с. 85–92]. Интересно мнение по этому вопросу И. Канта: «Так как всякое право заключается только в ограничении свободы всех других тем условием, что она совместима по некоторому общему закону с моей свободой, а публичное право (в обществе) есть не что иное, как существующее в действительности сообразное с этим принципом и связанное с властью законодательства, в силу которого все принадлежащие к одному народу как подданные находятся в определенном правовом состоянии... вообще, а именно в состоянии равенства действия и противодействия взаимно ограничивающего произволения людей сообразно со всеобщим законом свободы» [269, с. 179]. Белорусский теоретик права профессор А. Г. Тиковенко писал следующее: «Во-первых, границы свободы определяются правами и законными интересами других людей, во-вторых, если попираешь свободу других, вряд ли сохранишь собственную уверенность в силу возможного обратного аналогичного посягательства» [716, с. 20].

Можно согласиться с А. Г. Бережновым, что «соответствующий перечень – это, безусловно, очень важные для человека права и свободы, без которых немислим, по сути, и сам человек» [52, с. 47].

При таком подходе не просматривается характер всех видов прав и свобод, их обусловленность конкретно-историческими условиями, их зависимость от непрерывно развивающихся потребностей и интересов людей.

Основной закон ФРГ в абз. 1 ст. 1 под правами человека понимает достоинство человека: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти». Причем гарантии человеческого достоинства впервые были закреплены именно в Конституции Германии [836, с. 4].

В международных документах под термином «права человека» следует понимать права личности. Подтверждением сказанному служит положение Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению: «Правовое государство означает не просто формальную законность... но и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности...» [203, с. 94]. Равенству и защите прав личности посвящена ст. 7 Декларации: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» [137]. Смысл этой нормы международного права следует понимать как защиту права любого члена общества на достойное человеческое существование, как требование видеть в каждом человеке личность.

Следовательно, искусственными выглядят попытки провести различие между правами и свободами. Мы тоже вкладываем в понятие «права человека» и «свободы человека» один и тот же смысл.

Права и свободы человека в обществе самым тесным образом связаны с проблемами демократии. Жизненность демократии во многом зависит от полноты прав и свобод личности, а их развитие одновременно означает прочность демократии. «Народ судит о демократии не по тому, что о ней пишут и говорят, а по тому, что она дает на деле – в материальной, политической и социально-духовной жизни», – отмечает А. А. Головкин [159, с. 17].

Свободное развитие личности, ее социально-политическая активность реализуются только в условиях справедливости, где интересы общества, государства, коллектива и личности максимально приближены, а основной задачей является всестороннее развитие личности [566, с. 148–158].

Как точно отметил в книге «Изменчивость и постоянство» английский историк А. Тойнби, «...коммунизм ошибся не потому, что требовал справедливости, а потому, что ради нее пожертвовал свободой... индивидуализм ошибся не потому, что настаивал на неприкосновенности человеческой личности, а потому, что ради нее пожертвовал социальной справедливостью» [857, р. 12]. Необходимо также отметить, что справедливость как социальное явление тесно связана с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. «Справедливого как устоявшегося явления (а следовательно, и равного) не существует в природе. Это явление, как и другие социальные феномены, внутренне противоречиво. Разрешают данные противоречия в процессе развития, зависящего от конкретной исторической комбинации объективных и субъективных факторов» [196, с. 5]. Социальную справедливость Г. В. Мальцев понимал как «средство интеграции политики, морали и права в единой плоскости действия, в единой, хотя и противоречивой, системе оценки людей и вытекающего отсюда способа обращения с ними» [432, с. 84–85]. Справедливость, как и гуманизм, В. Д. Филимонов относит к принципам права [749, с. 6].

По мнению М. И. Байтина, тесно связан с понятием прав человека и гражданина принцип сочетания стимулирования и ограничений. «Этот принцип ориентирует на парное использование для обеспечения действий (“работы”) права, достижения целей правового регулирования специфических юридических средств: с одной стороны, правомочия, дозволения, охраняемые законом интересы, льготы и другие виды поощрения и т. д., с другой – ограничения, запреты, приостановления, наказания и другие виды юридической ответственности» [44, с. 9]. В целом свобода без ограничений приводит к хаосу. Мы поддерживаем мнение В. В. Лунеева о том, что «есть три взаимосвязанные латинские пословицы, которые помогают понять слагаемые законности: *Ubi periculum, ibi lex* («Где опасность, там и законы»); *Ubi jus, ibi remedium* («Где право, там и защита»); *Ubi lex, ibi poena* («Где законы, там и наказание») [399, с. 21].

Проблема взаимодействия индивида и государства на протяжении человеческой истории всегда была важной в научном плане. Например, главную цель учения о государстве и праве И. Кант видел в том, чтобы поднять, возвысить право из мерзости окружающего его бесправия. Он считал, что необходимо возвысить право над государством. Государство должно быть органом защиты прав личности. Личность может потребовать от государства того же, что и государство от личности [2, с. 149]. И. Кант обосновывает сущность идеи правовой государственности в целях охраны индивидуальных прав личности. Актуализация данной проблемы в современном мире обусловлена как развитием человеческой индивидуальности и возрастанием личностного фактора в политических процессах, так и демократическими переменами в ряде государств, в том числе в постсоциалистических странах.

Чтобы более четко и детально обозначить связь гражданина с государством, статусность для отдельного индивида института гражданства, по мнению ряда ученых, которое поддерживаем и мы, представляется необходимым введение в категориальный аппарат теории права и государства термина «государственная идентичность». Хотя в ряде исследований, посвященных проблемам правовой и политической культуры, правовой социализации, правовому положению личности в государстве, при анализе взаимоотношений индивида и государства затрагиваются отдельные аспекты государственной идентичности личности, теоретико-концептуальный анализ данной проблемы в литературе практически отсутствует. Теоретическая же ее разработка способствовала бы более глубокому пониманию сущности государства, анализу механизмов его взаимодействия с личностью [757, с. 11].

В юридической научной литературе выделяют и обособляют группу таких прав человека, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом, – так называемые соматические права человека [346, с. 43–50].

Особое значение имеет общественная деятельность каждого человека, активное использование им юридически закрепленных и реально обеспеченных прав и свобод для всестороннего развития и самосовершенствования, широкого участия в управлении делами общества и государства.

Можно согласиться с тезисом М. В. Чхиквадзе об использовании членами общества своих прав и свобод в качестве одного из важных условий нормального функционирования всего общественного организма, упорядочения общественных отношений, обеспечения организованности и дисциплины. В этом смысле правовой статус личности, его элементы выходят за пределы чисто юридической характеристики и раскрываются как один из движущих факторов развития общественных отношений [586, с. 79].

В настоящее время, как справедливо указывает А. А. Головкин, «мы еще не достигли того состояния общества, оно еще не созрело для поглощения им государства и взятия на себя функций управления народом. Этот процесс длителен и сложен. Реальной ситуацией современности является сочетание самоуправления народа с государственным управлением» [157, с. 4].

Очевидно также, что отказ нашего государства от узкокласового подхода практически ко всем явлениям общественной жизни, обращение к общечеловеческим ценностям, важнейшими среди которых являются основные права и свободы человека, предоставляет совершенно новые возможности как для развития международно-правовых принципов и норм, так и для их реализации в практике национальных государств.

Таким образом, характер прав и свобод человека определяется не только природой отдельного, конкретного государства, в котором они реализуются, но и развитием человеческой цивилизации в целом, уровнем и степенью интегрированности международного сообщества. Чем целостнее мир, тем значительнее влияние, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. Это, по словам Р. А. Мюллерсона, «происходит как непрерывными способами, т. е. путем распространения знаний о правах и свободах в других странах, общения людей из разных стран, народов в целом, так и через целенаправленное создание международных механизмов и процедур сотрудничества в области защиты прав человека» [484, с. 11]. В зарубежной литературе поднимается вопрос о глобализации прав человека [844, с. 56].

Права человека непосредственно связаны с правовой культурой отдельного человека и всего общества в целом. Существуют две общепринятые трактовки понятия правовой культуры.

В соответствии с первой это элемент одной из подсистем юридической надстройки, элемент правового сознания, часть правового воспитания. Согласно второй правовая культура отождествляется с правовой надстройкой [216, с. 524–531]. Под правовой культурой также понимают «выражение государственного опыта конкретных социальных общностей и индивидов в материальных и духовных продуктах жизнедеятельности, в навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение» [240, с. 13]. «Правовая культура есть правовое свойство субъектов права» [69, с. 27]. По нашему мнению, более полную формулировку данного понятия предлагает Р. К. Русинов: «Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания в целом, в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [707, с. 341].

На стадии теоретической разработки сегодня находится синергийно-антропологическая концепция правового сознания [546; 547; 549, с. 18–32], сторонники которой пытаются на восточнохристианской практике исихазма и определенных постулатах западной философии выработать новую неклассическую концепцию прав человека. Вместе с тем мы поддерживаем мнение белорусского теоретика права В. П. Шиенка, что «ввиду многоконфессиональности нашего общества и наличия в нем атеистов нельзя признать обоснованными прямые и завуалированные попытки внедрить присущие конкретной религии нормы и правила в качестве основы методологии юриспруденции, поскольку это неизбежно будет создавать предпосылки для дестабилизации и дезинтеграции общества на межконфессиональной основе» [803, с. 167].

Новой в правовой науке также видится концепция конституционного правосознания как высшей формы правового сознания личности и как важнейшего показателя уровня правовой культуры и культуры прав человека общества [545, с. 6]. Мы поддерживаем высказанное в научной литературе мнение о том, что право относится к динамичным компонентам культуры, меж-

ду которыми происходит непрерывное взаимодействие и взаимообогащение на уровне правовых систем [305, с. 45–52; 392, с. 37–45]. В целом достаточно полно о правосознании высказался известный советский теоретик права И. Е. Фарбер: «Правосознание как сумма правовых идей, определяясь экономикой общества, предшествует и непосредственно определяет всю ту практическую деятельность, которая имеет юридическое значение. С другой стороны, правосознание отражает юридическую практику, ее результаты, отражает нормы права, правоотношения, законность и т. п.» [743, с. 40]. Белорусский ученый В. П. Шиенок считает, что правосознание является одним из видов общественного либо индивидуального сознания, представляющим собой «совокупность, систему взглядов, представлений, идей и чувств, отражающих отношение индивида (социальной группы, социума) к действующей и оптимальной (с позиций индивида) системе права» [802, с. 39].

В юридической науке бытует термин «злоупотребление правом», под которым понимаются злоупотребления, в большинстве своем связанные не с правами человека как таковыми, а с их казуальными интерпретациями [344, с. 46]. Г. А. Гаджиев связывает между собой конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами [141, с. 54].

На первом этапе развития института прав человека и гражданина, начало которому положила французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., складывался первоначальный каталог гражданских и политических прав (свобода и равноправие, неприкосновенность личности, право собственности, избирательное право, урезанное многими имущественными цензами по признаку пола и др.). Права человека первого поколения направлены на признание и защиту ценностей свободы посредством реализации принципа формального правового равенства [834, с. 28].

На следующем этапе под сильным воздействием социалистических движений к гражданским и политическим правам добавляются социально-экономические права (на труд, отдых, социальную помощь и др.). В основе социально-экономических прав лежит признание необходимости осуществления государством особых социальных функций по социальной защите отдельных

категорий населения путем перераспределения национального дохода, «выравнивания» социальных неравенств. Однако значение выраженной в них модели справедливости гораздо шире возможностей действия этих прав в качестве правовых регуляторов. В экономически благополучных странах постоянно идут дискуссии о поиске равновесия между эффективной экономикой и социальной защищенностью профессиональных, территориальных, демографических и иных групп; между необходимостью инвестирования экономической активности и направлением средств на выравнивание конечного потребления [853, с. 410–412].

Представляется правильной точка зрения, высказанная в научной литературе, что благородная интенция социально-экономических прав человека – создание условий, при которых люди были бы «свободны от страха и нужды» – ограничивается скромными юридическими возможностями их защиты [306, с. 99].

Однако решающий качественный скачок в развитии института прав человека и гражданина происходит во второй половине XX в. в немалой мере как реакция на трагический опыт тоталитарных режимов. Существенно расширился уже сложившийся каталог гражданских, политических и социально-экономических прав. К ним добавляются новые «поколения прав»: на жизнь, благоприятную окружающую среду, информацию и др. В этот период ведущую роль в развитии института прав человека и гражданина приобретает международное право [827, с. 16], такие его основополагающие документы, принятые Организацией Объединенных Наций, как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) [137], Пакт об экономических, социальных и культурных правах [458] и Пакт о гражданских и политических правах [457] (1966 г.). Хельсинкский заключительный Акт Сопровождающих документов по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) и последующие документы создали масштабный стандарт каталога прав человека и гражданина и гарантии обеспечения этих прав, воспринятые конституционным правом государств-участников [325, с. 169].

Права и свободы отдельной личности непосредственно связаны с правами и свободами социальных общностей (права меньшинств). До сегодняшнего дня отсутствует общепризнанное меж-

дународным сообществом понятие меньшинства. В доктрине международного права активно ведется работа над определением данного понятия [279, с. 6]. В настоящее время фигурирует понятие права на этническую идентичность [488, с. 20–25]. Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, о том, что без признания коллективных прав не может идти речи об эффективной защите меньшинств, ибо сутью ее является защита коллективных прав группы быть самими собой, иметь свою собственную культуру, самосознание, язык, религию [278, с. 33].

В настоящее время все большее значение приобретает проблема соотношения морали и прав человека, равенства и рациональности [850, s. 66; 860, s. 31]. Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что «проблему соотношения “весов” морали и права можно рассматривать в русле третьей цивилизационной революции» [715, с. 15]. Это проявляется в разнице между «качеством жизни» в разных странах и регионах мира и в «давлении» человека на окружающую среду [830, p. 134]. Достаточно важным в этом вопросе выступает правосознание, основанное на общезначимых принципах. Мы поддерживаем мнение Е. А. Фроловой о том, что «правовое сознание всех уровней основывается на единых общезначимых положениях, которые одновременно образуют фундамент правовой культуры народа и являются регулятивной идеей в обществе» [758, с. 15–16].

Достаточно актуальным в современной научной мысли является соотношение политической философии утилитаризма и доктрины прав человека. Мы поддерживаем мнение Н. В. Варламовой о том, что практическая реализация требований утилитаризма (максимальное счастье каждого, удовлетворение всех рациональных предпочтений) в целом несовместима с доктриной прав человека [102, с. 93–97].

Права человека рассматриваются как фактор формирования политико-правовой активности личности. В данном контексте выделяют ряд функций политико-правовой активности личности: социально-преобразующую, познавательную, управленческую, регулятивную, идентификационную, нормативную, неконформистскую [343, с. 13–16].

Часть первая ст. 1 Конституции Республики Беларусь определяет Республику Беларусь как унитарное демократическое со-

циальное правовое государство [322]. К этому перечню можно добавить открытость как способность государства к адекватному восприятию влияния общества.

Концепция открытого государства основывается на механизмах демократического взаимодействия государства и общества исходя из того, что контрагентом государства является деятельное плюралистическое гражданское общество, при этом государство способно к восприятию активности общества, а общество – к пониманию роли государства как особого инструмента для своего функционирования и развития [16, с. 60].

Права человека тесно связаны с понятием гражданского общества. Само гражданское общество понимается как правовое, демократическое сообщество свободных индивидов, обладающих собственностью, не обязательно принадлежащих к определенной социальной общности (семья, клан, класс, нация), не зависящих от государства [705, с. 90–93].

И. Кант говорил: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть, существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других» [269, с. 17–18]. В настоящее время получил распространение термин «право цивилизованных народов», представляющий собой по своей общей социальной характеристике последовательно гуманистическое право, означающее приоритет и высшую юридическую значимость высокого достоинства и неотъемлемых прав и свобод человека [29, с. 153–154].

На наш взгляд, А. А. Алексеев достаточно объективно описывает как положительные, так и негативные тенденции в развитии института прав человека. К положительным он относит неуклонную правовую институализацию рассматриваемой категории, обретение ею все большей юридической значимости. К негативным – нарастающую утрату этой основополагающей гуманитарной и демократической категорией своего истинного и высокого социального и юридического значения [23, с. 645–646]. Достаточно актуальными являются вопросы защиты государством прав своих граждан за рубежом [347] и отчуждения

неотъемлемых прав человека [175, с. 105; 69-А]. В Российской Федерации в настоящее время поднимается вопрос о признании прав человека комплексной отраслью российского права [153].

3.2. ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Наша история содержит многочисленные факты неустойчивости отношений в обществе. Во многом это связано со сменой социально-экономических формаций и следовавшим за ними глубоким социально-экономическим и политическим кризисом. Такие процессы самым непосредственным образом повлияли на снижение защищенности прав граждан, усилили недоверие к государственным реформам в области экономики и к самому государству. Первостепенное значение приобретает стабильность правового регулирования новых экономических отношений, являющихся необходимой основой в первую очередь социальной защищенности граждан. Народ сам решает свою судьбу, определяет свой строй, уклад государства и другие стороны жизни, поэтому творца (человека) нужно защищать, чтобы он больше и эффективнее участвовал в общественной жизни. Мы можем говорить о неприкосновенности личности, под которой понимается состояние защищенности от каких бы то ни было посягательств со стороны [355, с. 9]. Достаточно важным представляется субъективный фактор защиты права. Еще в 1906 г. П. Г. Мижуев говорил о том, что «посягательства на наши права, на нашу жизнь и свободу можно ожидать, главным образом, с двух сторон – со стороны обыкновенных наших сограждан, действующих под влиянием злобы, корысти или других каких-либо побуждений, и со стороны лиц, облеченных разного рода официальными полномочиями в качестве агентов правительства, центрального или местного» [466, с. 2]. По мнению Рудольфа Йеринга, «при всяком нарушении права перед субъектом последнего возникает вопрос, должен ли он отстаивать это право, оказать противнику сопротивление, следовательно, бороться или же, примирившись с претерпленной несправедливостью, тем самым избежать борьбы: то или другое решение ему непременно надо принять. Каково бы решение это ни оказалось, в обоих случаях оно связано с жертвой: в одном право приносится в жертву миру, в другом – мир праву» [249, с. 13–14].

В настоящее время в научной литературе фигурируют понятия «правозащитная политика», «правоохранительная политика». По мнению российского исследователя В. В. Ныркова, «правозащитную политику можно определить как научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по дальнейшему развитию правозащитной системы, совершенствованию средств защиты права, установлению режима «правовой защищенности» отдельной личности и общества в целом. <...> Правоохранительная политика – понятие более широкое, в отличие от понятия “правозащитная политика”, которая является составной частью первого понятия, цель которого – “повышение иммунитета права против всевозможных правонарушений, действенное осуществление ее охранительной функции, результативная работа правоохранительной системы, а не только ее подсистемы – защиты права”» [502, с. 70–71].

Правозащитные отношения классифицированы по различным основаниям: исходя из основных функций права (регулятивные и охранительные); по структуре их юридического содержания (простые и сложные); по характеру правозащитных норм (материальные и процессуальные); по форме их проявления (двусторонние и многосторонние); по способу индивидуализации субъектов (общие и конкретные); в зависимости от вида участия государства, государственных органов, международных организаций, общественных организаций (профессиональные и непрофессиональные); в зависимости от акцента в конкретном правозащитном отношении (правомочия и обязанности (активные и пассивные)) [607, с. 11].

По мнению Е. В. Перепелицы, механизм обеспечения прав и свобод личности представляет собой систему, т.е. организованную совокупность взаимосвязанных, функционально различных основных и дополнительных составляющих элементов. В качестве иерархических уровней данной системы выступают законодательная, исполнительная и судебная ветви власти. При этом необходимым условием согласованного функционирования данной системы является максимальная степень конкретизации, исчерпывающая полнота компетенции каждого государственного органа, включая государственные органы, которые не укладываются в классическую триаду власти [558, с. 5]. По нашему

мнению, автор недооценивает в данной системе главу государства – Президента Республики Беларусь, который в соответствии со ст. 79 Конституции Республики Беларусь является гарантом Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина. При этом Президент призван осуществлять посредничество между органами государственной власти. Вместе с тем нельзя сводить всю проблему лишь к эффективной деятельности правоохранительных и иных органов государства. Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, что сегодня значимыми являются только две составляющие:

- насколько детализированы и всеобъемлюще юридически зафиксированы нормы о правах человека и насколько эффективны способы защиты прав в случае их нарушения в данном государстве (географическом регионе, континенте);

- насколько данное государство (географический регион, континент) видит угрозу собственной безопасности и возможности искоренения нарушений этих прав человека [782, с. 8].

Под механизмом обеспечения прав и свобод личности А. А. Юнусов понимает систему, состоящую из институтов (государственных и общественных), норм (юридических, этических, моральных, политических), отношений (общественных, правовых) и идеологии (мировоззренческой основы), а в качестве основного принципа такой системы автор предлагает признать одну из норм, составляющих основу конституционного строя: «Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства» [816, с. 13].

Актуален и важен вопрос о соотношении понятий «защита прав и свобод человека и гражданина», «охрана прав и свобод человека и гражданина», определение границ данных понятий и выяснение трансформации их содержания в процессе развития научной правовой мысли. По данной проблеме в научной юридической литературе высказываются различные мнения. Например, И. В. Игонин под охраной прав понимает составляющую часть их обеспечения, которое включает в себя адекватное законодательное закрепление правомочий субъектов права, процессуальный порядок реализации правомочий. Защита прав предполагает: меры по выявлению, пресечению, раскрытию правонарушений, посягающих на права личности; юридическую

ответственность за их совершение; компенсационно-восстановительные меры, связанные с возмещением имущественного, морального вреда, причиненного субъекту в результате посягательства на его права [248, с. 13–14]. По словам Н. И. Матузова, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Причем защита есть суть момента охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают» [449, с. 130–131].

На схожих позициях по данному вопросу стоят А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев [419, с. 34–83]. Они [579, с. 93; 632, с. 6–7], а также Д. В. Леонтьев, в отличие от Н. И. Матузова, считают, что «правовая охрана является основным назначением механизма правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан» [384, с. 8].

Интерпретационный анализ понятий «охрана» и «защита» в их юридическом терминологическом значении позволяет обнаружить следующие составляющие: очевидно общее начало толкования понятий – охрана трактуется как явление постоянное, непрерывное, тогда как защита – дискретное, ограниченное спецификой ситуации нарушения права, кратковременное и конечное [293, с. 43].

Под охраной В. И. Абрамов понимает «совокупность законодательных актов и систему государственных, муниципальных и общественных мероприятий, направленных на создание условий для реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов», а под защитой – «комплексную систему мер, применяемую для обеспечения субъективных прав (средства, мероприятия и самозащита)» [4, с. 70].

Понятия «меры юридической ответственности», «меры защиты», «меры безопасности» различают В. М. Ведяхин и Т. В. Шубина [119, с. 70] и считают, что они должны охватываться правовой категорией «защита права». Такого же мнения придерживаются А. С. Никитин [497, с. 26], А. А. Левков [378, с. 6].

Несколько на иной позиции по данному вопросу стоит И. В. Ростовщиков, определяя, что «потребность в защите (охране) прав и свобод личности возникает, как правило, в случаях их нарушений (или реальной угрозы таковой)» и синоними-

зирует термины «охрана» и «защита» [619, с. 83]. Его точка зрения по данному вопросу кажется нам наиболее правильной.

В гражданском, экологическом праве также существует понятие самозащиты гражданских прав [364, с. 130–143; 651, с. 17–24 и др.]. Понятие «самозащита», как утверждает А. А. Левков, относится к материально-правовой (а не процессуальной) категории, включающей в себя «как фактические, так и юридические действия, направленные на защиту права, причем такие, которые нельзя облечь заранее в какие-то процедурные рамки» [378, с. 21–22]. В настоящее время пробуждается научный интерес к исследованию понятия «самозащита». В частности, А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев считают, что «самозащита прав, свобод и законных интересов – межотраслевой институт права, не предусматривающий исчерпывающего перечня фактических деяний, его составляющих» [419, с. 158], определяют ее как «особое юридическое средство, которым любой участник правоотношения может воспользоваться для защиты своих прав, свобод и законных интересов без обращения за помощью к компетентным органам» [419, с. 167].

По мнению Е. Б. Казаковой, «самозащита прав по своей юридической природе представляет собой форму защиты» [257, с. 8]. Ученый разграничивает понятия «форма защиты», «порядок защиты», «способ защиты», «средство защиты». Автор считает, что форма защиты является наиболее широким понятием, включающим все иные перечисленные понятия и представляющим собой комплекс мероприятий по восстановлению и защите прав и законных интересов. Под порядком защиты понимается категория процессуального права, отвечающая на вопрос, «каким образом лицо желает защитить свои права (самостоятельно или путем обращения к компетентным органам)». Способы защиты (категория материального права) «представляют собой конкретные действия, предпринимаемые для защиты своих прав. <...> Средства защиты – это конкретный предмет или объект, с помощью которого осуществляется защита» [257, с. 13].

В юридической науке понятие «юридические средства» раскрывается авторами в самых различных аспектах: в соотношении со способами, методами, типами и режимами правового регулирования [28, с. 12–19; 533, с. 15–16; 587, с. 321–339 и др.].

По данному вопросу более правильной нам представляется позиция С. С. Алексеева: «Юридические средства – это сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний, создающих специальную направленность правового регулирования» [30, с. 170]. По мнению М. В. Лапчинского, «анализ действующего законодательства дает основание для вывода о том, что нет четкого разграничения в соотношении юридических средств охраны, защиты и обеспечения прав субъектов» [374, с. 89].

Меры защиты субъективных прав граждан, пишет В. А. Кучинский, представляют собой «меры правового воздействия, служащие защите и восстановлению нарушенных субъективных прав, побуждению субъектов права к выполнению наложенных на них или приобретенных ими обязанностей» [361, с. 15]. А. А. Левков считает, что «меры защиты – это правовые средства, не относящиеся к мерам юридической ответственности и мерам безопасности, установленные в законодательстве и направленные на восстановление права, обеспечение его исполнения, на предупреждение и пресечение правонарушения.<...> Выделяются меры защиты, носящие общеправовой, межотраслевой, отраслевой и иной специфический характер». При этом А. А. Левков выделяет функции мер защиты, вытекающие из функций права и базирующиеся на охранительной функции права (восстановительная, превентивная, правообеспечительная) [378, с. 6–7].

Как полагает К. В. Акименко, «конституционно-правовыми основами защиты гражданских прав и свобод человека, закрепленных конституционными нормами, являются также формы, методы и гарантии их реализации в законодательстве Республики Беларусь» [17, с. 11]. Под государственно-правовым механизмом защиты прав он понимает «деятельность государственных органов Республики Беларусь, направленную на обеспечение прав личности на основе норм Конституции, международного права и иных нормативных правовых актов» [18, с. 127].

В современных условиях защита прав человека и граждани-на приобретает особый характер в деятельности государства, которое должно взять на себя обязанности перед личностью. В соответствии со ст. 59 Конституции Республики Беларусь «государственные органы, должностные лица и иные лица, кото-

рым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности» [322]. В юридической науке право на защиту граждан большинство авторов рассматривают как конституционное право граждан, которое служит интересам личности, выступая в качестве одной из гарантий ее законных прав и свобод [470, с. 5; 581, с. 51; 791, с. 100 и др.]. Мы считаем право на защиту человека, граждан самостоятельным конституционным институтом, который соответствует всем теоретическим характеристикам [701, с. 279–281].

Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что механизм правового регулирования общественных отношений в целом способен эффективно выполнять свою роль только в случае, когда он, условно говоря, укомплектован всеми необходимыми элементами, в число которых входят: а) правовые средства воздействия на субъектов права; б) правовые средства, обеспечивающие действие права; в) правовые средства реализации права; г) правовые средства обеспечения поведения субъектов права [404, с. 216]. Как справедливо отмечает российский исследователь К. В. Шундикова, «правовой механизм является таковым только при его включении (теоретическом или практическом) в структуру соответствующей практики, а также при его постановке в определенное соотношение с целью этой практики» [806, с. 16].

Процесс непосредственной реализации права отличен от процесса его развития и проявления. Вопрос о динамике его проявления решается в науке неоднозначно. Мы разделяем точку зрения, что право может выступать для личности в следующих стадиях: в стадии общего состояния, стадии обладания, стадии использования (непосредственная реализация) [357, с. 107–108; 535, с. 107–109; 556, с. 197–244 и др.].

Процесс непосредственного использования субъективного права протекает на третьей стадии, которая связана с конкретными правоотношениями, вызываемыми, как правило, действиями управомоченного лица. Это «системное явление, которое непосредственно либо опосредованно связано с иными видами правовых механизмов» [98, с. 230]. На данной стадии при нарушении прав личности возникает возможность воспользоваться

ся правом на защиту. Вместе с тем при характеристике механизма защиты права нельзя не учитывать и первые две стадии проявления права, прежде всего в плане осмысления социально-психологических аспектов его реализации.

Эта стадия в необходимых случаях может сопровождаться организационной и юридической деятельностью государственных органов, иных организаций и граждан. Как справедливо указывалось в научной литературе, «при осуществлении права каждым из уполномоченных субъектов может возникнуть коллизия интересов. Возникает вопрос: чем должен руководствоваться юрисдикционный орган, если осуществление субъективного права одного субъекта препятствует или ограничивает осуществление субъективного права другого субъекта» [415, с. 20]. «Проложить точно определенную грань между свободой пользования своим правом и обязанностью уважать право соседа теоретически нельзя; грань эта в каждом спорном случае должна быть определена судом» [174, с. 133].

Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что вообще в «правовой сфере преобладают в основном юридически закрепленные возможности, а не реальности. <...> И далеко не всегда граждане используют эти возможности: в одних случаях по объективным причинам, в других – по собственной воле» [446, с. 19]. Даже прибегнув к защите своего права, личность может столкнуться с конкурирующим правом другого или других субъектов правоотношений, что в обществе происходит достаточно часто. По мнению исследователя права из США Р. Дворкина, когда государство разрешает подобный конфликт, «... у государства есть основания для того, чтобы ограничить некоторые права, если конкурирующие права обоснованно считаются более важными» [185, с. 265].

Известный российский исследователь Л. Д. Воеводин проанализировал и описал в общем плане процедурно-правовые формы защиты прав и свобод граждан и их объединений, основанные на организационном, правовом, материально-техническом и психологическом началах [132, с. 279–286].

В зависимости от политической, социально-экономической среды социально-правовой механизм защиты прав человека может снижать или усиливать эффективность правозащитных мер.

Институт защиты появился в далеком прошлом и носил классовый характер [624, с. 5–7]. С его помощью соответствующий класс или социальный слой стремился создать для себя наиболее благоприятные условия, оградив себя от возможного произвола верховной власти [316, с. 122].

На территории нашей страны во второй половине XVI в. защищались права крупных магнатов, только на них распространялось правило о недопустимости тюремного заключения без суда. Над мелкими шляхтичами могли осуществлять суд не выборные суды, а паны [818, с. 17]. Только к концу XVIII в. появились законодательно закрепленные принципы, имевшие ярко выраженный буржуазный характер, которые согласовывались с провозглашаемой естественно-правовой теорией свободы личности. Законодатель предусматривал равенство перед законом «всех обывателей сословия шляхетского и всякого иного общественного положения, а также иностранцев, что в равной степени касается и короля, и правительства».

Однако после присоединения территории нынешней Беларуси к России в результате раздела Речи Посполитой в конце XVIII в. Беларусь утратила статус самостоятельного государственного образования и стала частью Российской империи. В связи с этим нет необходимости говорить о правах человека и их защите практически на протяжении столетия в условиях абсолютизма и крепостного права для основной массы населения. Известный российский государствовед того времени Н. М. Коркунов писал: «Вообще постановления русского законодательства о правах гражданской свободы представляются крайне устарелыми и неудовлетворительными» [330, с. 456].

Свержение капиталистического общественного строя и слом государственно-правовой машины, осуществленные в ходе Октябрьской революции, ликвидировали все существующие в до-революционном обществе формы защиты права. Новое социалистическое право создавалось одновременно с возникновением новых различных форм его защиты. За более чем 70-летнее развитие Советского государства сложилось несколько форм защиты прав и свобод личности: судебная, административная, арбитражная, нотариальная и общественная. Данной классификации придерживалось большинство ученых [353, с. 153; 470, с. 12–13; 780, с. 52 и др.].

Российский исследователь М. В. Мархгейм указывает на существование трех типов конституционной правозащитной деятельности: внутригосударственной, международной и самозащиты [441, с. 24–34].

Наиболее полную классификацию разработал В. С. Курылев, избрав основным критерием разграничения форм защиты характер связи юрисдикционного органа со спорящими сторонами, хотя и не отрицал возможности использования других критериев [353, с. 162–168]. Мы, как и большинство ученых, в своей классификации исходим из природы юрисдикционного органа.

Создание нескольких форм защиты ставило перед законодателем проблему разграничения их использования. Этот вопрос всегда относился к числу наиболее сложных в теории. Еще Н. М. Коркунов в 1909 г. говорил: «Частные права – это те, которые охраняются по инициативе субъекта нарушенного права, публичные – по инициативе общественной власти, независимо от желания потерпевшего» [333, с. 176].

Из указанных выше пяти форм защиты права только административная и судебная формы были постоянными, другие формы защиты, по мнению Д. М. Чечота, применялись по-разному на различных этапах исторического развития [780, с. 54]. Можно согласиться с данной точкой зрения и на современном этапе выделить пять форм защиты: судебную, административно-правовую, прокурорскую, социально-правовую и общественную. Подобное многообразие форм защиты прав человека предусматривает и текущее законодательство Республики Беларусь. При разграничении форм защиты прав личности в научной литературе высказывалось также мнение, что «отнесение дел к подведомственности судебных или иных органов зависит от особенности политики государства на данном этапе его развития, а в некоторой степени диктуется практическими соображениями» [813, с. 182]. При таком подходе проблема разграничения форм защиты неизменно смещается в плоскость субъективного усмотрения законодателя. Между тем представляется очевидным, что имеются определенные объективные обстоятельства, которые препятствуют законодателю использовать любую форму для защиты любых прав. Например, форма защиты негосударственными общественными организациями не может быть использо-

вана для защиты личности от преступного посягательства. Однако было бы ошибкой пытаться найти исчерпывающий объективный критерий, игнорируя политические и иные факторы (как объективные, так и субъективные).

Мы поддерживаем мнение, высказанное в юридической литературе, о том, что «в любом современном государстве особая роль в защите прав и свобод граждан отводится самому государству. Государственная защита прав исходит из соответствующих конституционных норм и положений действующего законодательства, которые в той или иной мере отражают степень участия государственной власти в правовой защите» [568, с. 203].

Практически все органы государства призваны осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина в рамках ч. 2 ст. 59 Конституции Республики Беларусь. Тем не менее ее характер, направление, объем неодинаковы для различных видов государственных органов. Для некоторых из них защита субъективных прав – основная, важнейшая функция, для других – одно из направлений их деятельности. Например, обеспечение парламентом (Национальным собранием) реализации и защиты прав и свобод граждан проходит через всю разностороннюю его деятельность, хотя Конституция Республики Беларусь прямо не наделяет парламент функцией защиты прав и свобод человека. Он издает законы в этом направлении и контролирует их реализацию. Часть 2 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» детализирует это положение, говорит о том, что депутат Палаты представителей, член Совета Республики принимают меры по обеспечению прав, свобод и законных интересов своих избирателей, населения соответствующей административно-территориальной единицы: рассматривают поступившие от них предложения, заявления и жалобы, способствуют в пределах своих полномочий своевременному решению содержащихся в них вопросов; ведут прием граждан; изучают общественное мнение и при необходимости вносят предложения в соответствующие государственные органы, органы территориального общественного самоуправления и общественные объединения [525].

В соответствии с ч. 1 ст. 79 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь является Главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина [322].

Часть 5 ст. 107 Конституции Республики Беларусь закрепляет положение, что Правительство Республики Беларусь принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, государственной безопасности и обороноспособности, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью [322].

На основании п. 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [508] Советы первичного уровня в пределах своей компетенции в порядке, установленном законодательством, вносят в Совет и исполком базового уровня предложения по социальной защите граждан. В целом Советы в пределах своей компетенции осуществляют реализацию прав граждан в рамках утверждения региональных программ [508, ст. 17]. Исполнительные комитеты принимают решения по удовлетворению прав и законных интересов граждан в большем объеме [508, ст. 41].

Задача органов внутренних дел – защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечение их личной и имущественной безопасности независимо от их гражданства, социального, имущественного и иного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, возраста, образования и языка, отношения к религии, политических и иных убеждений, а также от других обстоятельств (ст. 2, 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь») [530]. Ограничение сотрудниками органов внутренних дел граждан в их правах и свободах допускается только в случаях, предусмотренных указанным Законом (ст. 6) и иными законодательными актами Республики Беларусь.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» [521] одной из приоритетных задач прокуратуры является защита прав и свобод граждан.

Одной из сложных проблем в области защиты прав и свобод личности является деятельность органов управления, охватывающая регулирование и охрану прав и интересов граждан. Много говорилось о большом количестве ведомственных нормативных актов, ущемляющих права человека и гражданина. Такое положение дел противоречит принципам правового государства. Обеспечение законности управленческой деятельности – неперемное условие защиты прав личности. Вся деятельность органов управления в сфере охраны прав граждан должна строиться на признании верховенства Конституции Республики Беларусь. Создание нормативных юридических актов и принятие конкретных решений необходимо основывать на законе. Действия, противоречащие данному принципу, дестабилизируют правовую ситуацию в Республике Беларусь и порождают недоверие к закону в целом.

Расхождение между управленческими актами и законом – один из наиболее распространенных негативных факторов, который получил широкое развитие в период нахождения Беларуси в составе СССР в так называемый период застоя и трудно преодолевается в настоящий период. Сложившееся положение о прямом действии Конституции усугубляется укоренившейся в практике позицией, отвергающей его. Считается, что для реализации того или иного конституционного права граждан необходима конкретизация процедур в подзаконных нормативных актах, а иногда и просто в инструкциях.

Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что, с одной стороны, человек становится как бы «носителем» провозглашаемых обществом демократических свобод, а с другой – оказывается абсолютно незащищенным как гражданин перед различными ограничениями и препятствиями, создаваемыми государством [820, с. 22].

Конституция Республики Беларусь широко трактует понятие «защита». В ней можно выделить следующую категорию – «государственная защита». В ст. 32 Основного Закона сказано, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства; в ст. 13 государство гарантирует равную защиту; ст. 10 гарантирует гражданину Республики Беларусь защиту и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами. В соответствии со ст. 60 каж-

дому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Государственная защита – категория более широкая, нежели правовая защита. Она включает в себя последнюю, но не сводится к ней и с нею не отождествляется. По мнению О. О. Миронова и В. П. Парфенова, правовая защита – одна из форм, в которую облакаются меры государства по защите прав и законных интересов граждан [470, с. 13]. С данным положением нельзя не согласиться.

Государственная защита личности включает в себя наряду с правовой защитой экономические и социальные меры. Под социальной защитой населения понимается система (совокупность) мер правового, социально-экономического, организационно-технического, медицинского и экологического характера, направленных на удовлетворение материальных, культурных и духовных потребностей людей для обеспечения их достойной жизни.

Правовая защита включает судебную защиту и защиту человека иными органами государства. Мы поддерживаем мнение, высказанное в правовой литературе, что, например, административная юрисдикция зависит от особенностей субъекта, уполномоченного на ее осуществление. Существует два основных способа разрешения административно-правовых споров, находящихся в тесной взаимосвязи, – административный и судебный. Большая часть административно-правовых споров разрешается во внесудебном порядке и не выходит за рамки сферы исполнительной ветви власти. Суть его – в принятии полномочным на то органом (должностным лицом) юридически властного решения по предмету спора, каковым является законность оспариваемого решения или действия, породивших спорную ситуацию [33, с. 282–283].

В немецкой научной литературе имеется высказывание об определении относительности в области основных прав. Относительность в данной области, по утверждению автора, имеет целью ограничить государственную деятельность для наиболее эффективной защиты основных свобод [833, s. 72].

Власть традиционно рассматривается как сложное и многоаспектное явление, что находит отражение в различных ее характеристиках [298, с. 24]. Важно, чтобы государственная власть в основе имела помимо правовых норм и нормы нравственности.

Она должна ориентироваться при ее осуществлении, функционировании на общечеловеческие ценности [581, с. 51]. Вместе с тем «государство должно найти цивилизованный заслон злоупотреблению правами и свободами» [74, с. 38].

Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что «если законодательную базу, провозглашающую широкие гражданские права и их защиту, можно создать сравнительно быстро, обращаясь к накопленному богатейшему отечественному и зарубежному правовому опыту, то все элементы механизма защиты гражданских прав могут быть сформированы лишь за довольно продолжительный срок кропотливой работы: научной, законотворческой, просветительской, правоприменительной, организационной» [99, с. 178].

Статья 62 Конституции Республики Беларусь дает возможность каждому иметь право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод. Под юридической помощью в правовой литературе понимают «профессиональную и организованную (институционализированную) правовую деятельность» [553, с. 6]. Вместе с тем «демократический потенциал Конституции реализуется дозированно, с отступлениями от ее требований. Конституционной практике по многим позициям пока не удается выйти на уровень нормативных установлений Основного Закона» [401, с. 5].

3.3. ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЯЗАННОСТИ

В научном плане обязанности, в отличие от прав, мало изучены. Согласно «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой термин «обязанность» имеет два значения: 1) то, что подлежит безусловному выполнению кем-л. (по общественным требованиям или по внутренним побуждениям); 2) служба, круг действий, связанных с исполнением какой-л. должности [222, с. 421]. И. Кант различал два вида обязанности: «Закон, который дает только основание для обязательности, отличают от того закона, который действительно обязателен... (как, например, закон того, чего требует от меня потребность человека, в противоположность закону того, что требует от меня право человека; последний закон предписывает существенные обязанности, а первый – несущественные)» [270,

с. 560]. «Согласно правовому законодательству обязанности могут быть только внешними, ибо это законодательство не требует, чтобы идея внутреннего долга сама по себе была определяющим основанием произволения действующего лица, и так как правовое законодательство все же нуждается в подходящем для закона мотиве, то оно может связать с законом лишь внешние обязанности» [266, с. 240].

Б. А. Осипян считает, что «на каждом человеке лежит бремя определенных обязанностей, которые соответствуют характеру и способам реализации меры его призвания и долга» [540, с. 237].

В противовес этому С. Н. Братусь говорил о том, что «если норма не обеспечена санкцией, реализация которой означает возможность привести в действие аппарат государственного принуждения в случае неисполнения предусмотренной нормой обязанности, если принудительным способом вопреки воле обязанного лица нельзя осуществить принадлежащее другому лицу субъективное право, то такая норма является неполноценной. Обязанность без ответственности – юридическое ничто, лишь благое пожелание» [79, с. 75].

Обязанность как меру общественно необходимого поведения человека, призванную вместе с правами и свободами обеспечивать баланс, устойчивость и динамизм правового регулирования понимает В. Д. Перевалов. Обязанности подразделяются на естественно-правовые (носителями которых выступают человек и общество) и юридические (носителями которых являются гражданин, государство, его органы и которые отражены в позитивном праве) [706, с. 233–235; 707, с. 544].

По мнению Н. В. Витрука, «юридическая обязанность личности есть социально возможная необходимость определенного поведения личности, установленная государством» [126, с. 10].

Известный белорусский теоретик права В. А. Кучинский указывал на то, что «в юридическом плане быть свободным и в то же время ответственным – значит обладать наряду с правами и свободами также обязанностями и осуществлять их» [357, с. 43]. «Вытекающая из конституционных обязанностей юридическая ответственность предусматривается санкциями норм текущего законодательства» [358, с. 36–37].

По определению Н. И. Матузова, юридическая обязанность – это вид и мера государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно обусловленного поведения, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь, она является законной преградой на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, всего деструктивного и мешающего нормальному развитию общества [451, с. 191–192].

Термин «юридическая обязанность» похоже формулируют белорусские исследователи Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич: «это вид и мера должного, разумного и полезного поведения в обществе. Обязанность – это обратная сторона субъективных прав, способ их обеспечения» [237, с. 290].

О том, что «если право в рамках предписываемого нормой должного поведения означает для лица возможность действовать, то обязанность – необходимость действовать», писал Л. Д. Воеводин [817, с. 15]. Под юридической обязанностью В. К. Бабаев понимает необходимое поведение субъекта правоотношения, установленное для удовлетворения интересов носителя субъективного права [704, с. 424]. Как меру должного поведения человека рассматривают юридическую обязанность Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов [216, с. 281–282]. На похожих позициях в определении юридической обязанности стоял и А. И. Лепешкин: «Обязанность – это мера общественно необходимого поведения лица, устанавливаемого и гарантируемого государственной властью в интересах граждан и общества». И если осуществление прав граждан зависит от их воли, то юридические обязанности должны исполняться независимо от личного желания людей в точном соответствии с законом [386, с. 7].

Под обязанностью В. С. Нерсисянц понимал «объективно необходимое, должное поведение человека» и говорил о том, что, «принимая на себя обязательства по обеспечению прав человека, государство имеет право требовать от него поведения, которое соответствовало бы эталонам, зафиксированным в юридических нормах. Поэтому государство формулирует свои требования к индивидам в системе обязанностей, устанавливает меры юридической ответственности за их невыполнение» [493, с. 106].

Обязанность человека как меру должного поведения по отношению к другому человеку, а также государству и его органам трактует С. Н. Братановский. Он различает конституцион-

ные обязанности (основные обязанности, непосредственно зафиксированные Конституцией), которые разделяются на универсальные – распространяемые на все правоотношения (соблюдать законы) и специальные – действующие в определенной области (уплата законно установленных налогов и сборов). Обязанности могут делиться на обязанности гражданина (защита отечества) и обязанности человека (охрана природы и окружающей среды) [78, с. 156–157].

Рассматривая формы регулирования общественных отношений правом, А. С. Пиголкин выделял позитивные (регулятивные) обязанности (платить налоги, исполнять служебные обязанности, воинский долг и т. д.) и негативные обязанности в виде запрета определенных деяний (хулиганство, служебный подлог, нарушение правил дорожного движения и др.) [564, с. 427–428].

Под конституционной обязанностью Л. А. Нудненко видит закрепленную в конституции необходимость, долженствование каждого гражданина следовать определенному виду и мере поведения и нести ответственность в случае ее неисполнения. Причем обязанности, как и права, имеют естественный, неотъемлемый характер. Это обусловлено тем, что обеспечение прав одного человека невозможно без выполнения обязанностей другим человеком [317, с. 120–121]. По И. А. Ильину, обязанность – это установленное нормами и определенное по субъекту долженствование, будь оно положительное или отрицательное по смыслу [251, с. 881].

Под юридической обязанностью Д. А. Липинский понимает вид и меру должного или требуемого поведения, в основе которой лежит юридически закрепленная необходимость [387, с. 33]. Б. Т. Базылев говорит о том, что юридические обязанности, непосредственно связанные с правами, представляют по существу корреляты этих прав, удовлетворяют потребности в чужих действиях, в которых нуждается данный индивид. Конституционные и иные общие обязанности на основании юридических фактов гражданства или проживания на территории государства порождают общие (абсолютные) правовые связи, одним из видов которых являются отношения юридической ответственности [42, с. 28].

Корреляция прав и обязанностей призвана создавать уравновешенное общественное состояние и режим наибольшего благоприятствования для повседневной жизнедеятельности людей, при этом выступать в качестве средства гармонизации интересов государства и личности. Тесная взаимосвязь прав и обязанностей прослеживается прежде всего в функциональном назначении юридических обязанностей в корреспондировании субъективным правам выполнять свою часть работы в общем механизме правового регулирования. Социальное назначение юридических обязанностей – формировать должное правосознание и правовую культуру граждан, служить дисциплинирующим фактором, упрочнять законность и правопорядок в обществе. Все эти функции тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, осуществляются одновременно. Любые субъективные права практически могут быть реализованы только через чьи-то то обязанности, и наоборот, обязанности предполагают чье-то право требовать их исполнения. Обязанность – обратная сторона права [451, с. 192]. Известный советский исследователь государственного права И. Е. Фарбер также стоял на позиции единства прав и обязанностей. При этом он говорил, что «недопустимо отрывать обязанности граждан от обязанностей государственных органов, учитывая, что и те и другие определяются Основным Законом как конституционные» [744, с. 175].

Обязанность закреплена важнейшими международными документами. В частности, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека закрепляет положение о том, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [137]. Международный пакт о гражданских и политических правах фиксирует положение, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит» [457].

Согласно мнению Л. Д. Воеводина, конституционные обязанности включают в себя не только ответственность, что составляет их главную особенность, но и свободу, так как каждая конституционная обязанность для своего претворения в жизнь требует активности и инициативы граждан (свободной, сознательной их деятельности) [132, с. 43].

По мысли Л. П. Рассказова, «если права и свободы – это сфера власти и свободы индивида, то юридическая обязанность – область необходимости и подчинения», представляющая собой установленную законом меру должного, общественно-необходимого поведения. В свою очередь, обязанности подразделяются на «естественно-правовые, носителями которых выступает как человек, так и общество, и юридические, носителями которых являются гражданин, государство, его органы и которые отражены в позитивном праве» [606, с. 179–180].

Таким образом, можно сделать вывод, что, являясь важнейшим компонентом взаимодействия государства и личности, юридическая обязанность есть установленное и гарантированное законом должное, общественно необходимое поведение в интересах человека, общества и государства.

3.4. ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой представлены четыре аспекта ответственности: 1) возлагаемое на кого-л., или взятое кем-л. обязательство отчитываться в каких-л. своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия; обязанность отвечать за свои поступки; 2) наделенность необходимыми возможностями, правами и обязанностями для выполнения какого-л. дела, для решения какой-л. задачи; 3) высокоразвитое чувство долга, добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей; 4) серьезность, важность чего-л. [222, с. 508].

По нашему мнению, В. М. Чхиквадзе справедливо писал о том, что «социальная ответственность (политическая, моральная, правовая) органически связана со свободой; ответственность есть определенная мера соответствия свободной деятельности лица тем социальным условиям, в которых она протекает; их единство выражается в том, что они одинаково предполагают детерминированную осознанную деятельность в интересах всего общества и каждого его члена» [792, с. 217]. Юридическая ответственность, считал Н. С. Малеин, является частью социальной (позитивной) ответственности, входя в структуру правовой системы на правах особого его элемента, и «выступает обеспечивающим фактором правомерного поведения, блокируя

правонарушения». При этом эта ответственность характеризуется тремя признаками (государственно-правовым принуждением, осуждением правонарушения и его субъекта, наличием неблагоприятных последствий для правонарушителя) [585, с. 195–228]. По мнению российского исследователя С. И. Ивановой, принцип социальной ответственности, являясь общим принципом права, пронизывает всю область взаимоотношений между обществом, государством и личностью [245, с. 19–21].

Юридическая ответственность является составной частью социальной ответственности, относится к одной из фундаментальных категорий правовой науки. Как ответственность личности, так и ответственность общества и государства имеет социальную природу [768, с. 16]. По утверждению Г. А. Прокоповича, структурно социальная ответственность не отличается от структуры любой другой ответственности. Особенностью юридической ответственности является то, что она «основана на нормативных требованиях, обеспечивающихся государственным принуждением» и ей «присуще единство позитивных и ретроспективных аспектов» [588, с. 17]. На похожей позиции по данному вопросу стоит и И. А. Алексеев [22, с. 83–84].

По мнению Э. И. Рудковского, «рассматривая содержание категории «ответственность», мы исходим прежде всего из того, что это – социологическая категория. Социальную ответственность ни в коей мере нельзя сводить (а это иногда делается) к одной из ее разновидностей: нравственной, юридической и т. д., проявляющейся в зависимости от специфики и вида общественных отношений. Можно и нужно говорить об ответственности нравственной, юридической, экономической и т. д.» [624, с. 24]. Социальная ответственность понимается Э. И. Рудковским в негативном и позитивном аспектах [624, с. 30–31].

Юридическая ответственность, по мнению Б. Т. Базылева, отличается от иных форм социальной ответственности (нравственной, политической) формальной определенностью, регламентацией нормами материального и процессуального права [42, с. 57].

Известный советский исследователь права С. Н. Братусь делает вывод о том, что «нравственная ответственность, равно как и всякая иная, связанная с нарушением других, неюридических социальных норм, ответственность (если она не отожд-

дествляется с сознанием обязанности, долга, а выступает как ретроспективная ответственность), – это, как и юридическая ответственность, та же обязанность, но исполненная под воздействием принуждения» [79, с. 50]. Под социальной ответственностью личности Б. Т. Базылев понимал «обязанность индивида действовать в интересах общества, обусловленную правом общества требовать соблюдения общих интересов, выраженных в социальных нормах». При нарушении социальной ответственности индивидом возникает моральное осуждение антисоциального поступка личности со стороны общества [42, с. 26]. Советский исследователь права Г. В. Мальцев считал, что «нельзя регулировать поведение людей, не устанавливая ответственности за их поступки, не вменяя им действий и решений, принятых со знанием дела. С другой стороны, возложение юридической ответственности на индивидов средствами права было бы лишено всякого смысла, если бы оно не вызывалось потребностями упорядочения общественной жизни» [431, с. 52].

Под юридической ответственностью И. С. Самощенко понимал «реализацию правовых санкций и, как правило, государственное принуждение к исполнению требований советского права» [640, с. 346]. Социальную ответственность А. В. Малько, В. В. Нырков, К. В. Шундилов представляют как сложное многоаспектное явление, имеющее две составляющие: «1) ответственность личности за совершенные деяния перед другими индивидами, социальными группами, государством и обществом в целом; 2) ответственность общества и государства перед отдельной личностью или социальной группой». Причем они различают позитивную (установление и применение обществом мер поощрения за совершение лицом значимых социально полезных деяний) и негативную (установление и применение обществом различных мер наказания за совершение субъектом общественно опасных деяний, нарушающих предписания социальных норм) социальную ответственность. Под юридической ответственностью данный коллектив авторов понимает «необходимость лица подвергнуться мерам государственного принуждения за совершенное правонарушение. Меры эти могут быть: личного характера (лишение свободы); имущественного характера (штраф); организационного характера (увольнение)» [426, с. 304–306].

Юридическую ответственность А. А. Иванов рассматривает в негативном (ретроспективном) аспекте, исследуя ее индиви-

дуализацию [241; 242]. Похожей позиции придерживаются Б. Т. Базылев [42, с. 49–55], В. В. Лазарев [366, с. 518–528], А. С. Пиголкин [564, с. 661–666], А. С. Булатов [94, с. 10] и др.

Некоторые исследователи описывают юридическую ответственность как вид духовной ответственности [540, с. 239–243; 612, с. 317–399 и др.].

Белорусский теоретик права В. И. Павлов пытается рассматривать юридическую ответственность в рамках энергийно-правовой концепции [549, с. 32–39]. По утверждению Л. Д. Воеводина, «ответственность и является тем социально-правовым фактором, который, с одной стороны, связывает обязанного субъекта существующим правовым порядком, а с другой – стимулирует его активность, обеспечивает строгое и неуклонное исполнение обязанности» [817, с. 18].

Понятия «правовой ответственности» и «юридической ответственности» дифференцирует В. Н. Бибило [57, с. 116]. Похожей позиции придерживался известный российский исследователь Н. В. Витрук [127, с. 21]. Вместе с тем в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой между понятиями «юридический» и «правовой» стоит знак равенства [221, с. 927]. По нашему мнению, нет необходимости в дифференциации понятий правовой и юридической ответственности. Они несут одинаковую смысловую нагрузку.

Мы поддерживаем мнение Д. А. Липинского о том, что «функции, принципы, цели, задачи юридической ответственности относятся к категориям, в которых раскрываются сущность, социальное назначение и роль юридической ответственности в формировании правового государства и гражданского общества» [387, с. 6]. Анализируя проявления государственно-правовой формы реализации юридической ответственности – обязанность, осуждение, реализацию санкций правовой нормы, Д. А. Липинский приходит к выводу о том, что сущностным признаком государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности выступает обязанность [387, с. 60].

Сторонники узкого понимания юридической ответственности указывают, что добровольная ответственность не имеет ничего общего с юридической ответственностью, поскольку она лишена процессуальной формы осуществления и не обеспечена государственным принуждением [133, с. 36–37; 768, с. 149 и др.].

Являясь сторонником узкого понимания юридической ответственности, М. Б. Смоленский считает, что «юридическая ответственность – это одна из форм или разновидностей общесоциальной ответственности, которая применяется лишь к тем, кто совершил правонарушение, т. е. нарушил норму права, преступил закон». К целям юридической ответственности относятся: обеспечение прав и свобод субъектов; охрана и защита общественного порядка. Кроме того, вышеуказанный автор выделяет охранительную цель как основную, воспитательную и предупредительную. Цели юридической ответственности конкретизируются в функциях юридической ответственности, к которым относятся: штрафная; правовосстановительная; воспитательная [677, с. 290–294]. На подобных позициях стоят и иные исследователи [254, с. 12; 307, с. 13; 402, с. 624–650; 442, с. 708–714; 485, с. 5; 606, с. 242–235].

В данном случае можно согласиться с мнением В. М. Хомица о том, что «конфликтное охранительное правоотношение действительно возникает по поводу возможной ответственности за совершенное преступление. Однако оно выражает в себе (в своем содержании) не ответственность как таковую, а правоустанавливающий и правообеспечивающий механизм ее определения, возложения и осуществления» [771, с. 9].

Элементом правового статуса субъектов В. А. Кучинский признает «статутную» ответственность, предусмотренную санкцией правовой нормы, и отличает от субъективной ответственности, «возникающей у конкретного лица в связи с совершением им правонарушения» [361, с. 9–11]. Мы поддерживаем мнение, высказанное В. А. Кучинским, что «юридическая ответственность как субъективная обязанность претерпеть карающие последствия за совершение виновно противоправного деяния в правовом государстве не может и не должна возникать ни у граждан, ни у организаций и их должностных лиц без прямого указания на то в законе» [360, с. 71].

Сторонником позитивной ответственности был В. М. Чхиквадзе: «Позитивная (активная, положительная) ответственность связана с оценкой поведения личности с точки зрения ее общественно значимого поведения. Примером такой ответственности может служить предусмотренная в ст. 3 Конституции СССР “ответственность каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело”» [792, с. 215].

Вывод о целостном характере юридической ответственности, который образуется в результате диалектического единства ее позитивного и негативного аспектов делает В. М. Лазарев. Он говорит о том, что только в качестве целостного явления ответственность должна браться для анализа в соотношении с социальной справедливостью. В целом В. М. Лазарев понимает юридическую ответственность как «надлежащее выполнение, в том числе и путем претерпевания физическими и юридическими лицами правовых велений, вытекающих из правовых запретов и юридических обязанностей, снабженных штрафными санкциями, применяемыми к виновным в совершении общественно-опасного, противоправного и наказуемого деяния» [369, с. 44]. По нашему мнению, данная формулировка больше соответствует проявлению юридической ответственности в негативном (ретроспективном) аспекте, чем в целом понятию юридической ответственности.

Единую ответственность Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский понимают как «объективно закрепленную в нормах права целевую установку, ориентир должного поведения субъекта права и критерий его оценки как ответственного или безответственного, позволяющий субъекту, еще не совершившему юридически значимого деяния, заранее знать о своей ответственности, тем самым дисциплинируя и сосредотачивая его на выполнении общих законодательных правил» [768, с. 43]. В целом, по нашему мнению, данная формулировка соответствует понятию единой юридической ответственности. Что касается последствий, эта черта характеризует в большей мере юридическую ответственность в негативном (ретроспективном) ракурсе, да и принципы индивидуализации и неотвратимости вызывают у нас сомнение.

На позиции того, что не нужно вообще стремиться объединить в одно понятие два вида юридической ответственности, поскольку каждый из них имеет особое юридическое содержание и выполняет различные функции в механизме правового регулирования стоит В. А. Кучинский [361, с. 7–8].

Рассматривая концепцию позитивной ответственности, И. В. Максимов считает, что административно-правовой запрет в рамках статуса и административное наказание характеризуются не просто как однопорядковые меры административной ответственности, но и как определенные выразители, показате-

ли соответственно ее перспективности и ретроспективности, чем обуславливается диалектическая взаимосвязь их несовместимости и взаимосогласованности» [409, с. 37]. Некоторые исследователи отрицают существование позитивной ответственности с заменой этого понятия моральной ответственностью [129, с. 164; 165, с. 20–21 и др.]. В то же время Н. А. Слободчиков является сторонником одного вида юридической ответственности – позитивного [668, с. 28–34; 669, с. 181–186].

Как считает Е. В. Родионова, «юридическая ответственность так же едина, как и любая разновидность социальной ответственности. Различаются лишь формы ее реализации: добровольная и государственно-принудительная». При этом автор делает вывод о том, «что осуждение правонарушителя и применение к нему правового принуждения свидетельствуют не о возникновении юридической ответственности, а об изменении ее формы: добровольная форма реализации ответственности уступает место государственно-принудительной» [610, с. 16]. По нашему мнению, Е. В. Родионова наиболее верно показала переход (трансформацию) позитивного аспекта юридической ответственности в негативный.

В настоящее время большинство ученых-юристов рассматривают юридическую ответственность в двух аспектах – негативном (ретроспективном) и позитивном (проспективном). По словам Н. И. Матузова, для нормального функционирования правовой системы и поведения личности важны оба эти аспекта [451, с. 202–204]. Законодательство государств мира широко употребляет как негативную, так и позитивную юридическую ответственность.

Под юридической ответственностью О. А. Кожевников понимает «правовое образование в системе права России, опосредованное объективными и субъективными факторами, посредством которого государство в лице своих органов обеспечивает функцию управления обществом путем правовой регламентации действий субъектов права в регулятивных правоотношениях по исполнению ими своих обязанностей, а также через угрозу применения либо реального применения мер принуждения к лицам, совершившим правонарушение» [294, с. 10–11]. Таким образом, автор пытается раскрыть юридическую ответственность как юридическую обязанность субъекта права; правовой инст-

румент реализации государственного принуждения; правовое образование в системе права, опосредованное объективными и субъективными факторами.

По словам Л. Д. Воеводина, ответственность выступает как средство контроля социального объединения (общества, государства, класса, нации и пр.) за деятельностью его членов, как реакция (негативная или позитивная) на их поступки [132, с. 41–42].

Прямое соединение прав и свобод человека с социальной ответственностью индивида за свое поведение, его последствия (во многом вытекающей из идеи и принципа социальной солидарности) видит С. С. Алексеев [23, с. 142–143]. Исходя из того, что социальный статус человека не только находится в одном ряду с государством как единым и верховным сувереном на данной территории, но и имеет по отношению к государству в целом приоритет, вследствие этого ответственность за нарушение прав человека и за отсутствие условий и механизмов их полной реализации и надлежащей защиты несет не только тот или иной государственный орган или должностное лицо, а прежде всего государство в целом [23, с. 660–661].

Интересна мысль об ответственности русского философа-юриста И. А. Ильина: «Что может быть более жалкое, чем безответственный чиновник или политик, имеющий полномочия, призванный действовать, обязанный решать – мечтающий об одном: завести себе “на приход” свои жизненные успехи и уклониться от “расплаты” по закону об ответственности» [251, с. 696]. При этом он выделяет два вида ответственности – предварительную и последующую [251, с. 696–698].

Систему юридической ответственности Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский понимают как совокупность и взаимодействие норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок [768, с. 625–626].

В системе (структуре) юридической ответственности Т. Д. Зражевская различает четыре уровня ответственности:

- 1) юридическая ответственность в целом (сложная совокупность всех видов ответственности);
- 2) ответственность на уровне отраслей права;

- 3) ответственность на уровне правового института;
- 4) ответственность на уровне нормы права [238, с. 36].

Решение вопроса о структуре норм ответственности Б. Т. Базылев связывал со строением правовой нормы вообще [42, с. 35–44].

В общем плане конституционно-правовой ответственности позитивный аспект превалирует и выступает в виде активной позиции государства, всех ветвей публичной государственной и муниципальной власти, их органов и должностных лиц по соблюдению конституции. Впервые о данной важнейшей особенности государственно-правовой ответственности – перенесении центра тяжести с ретроспективного аспекта на позитивный – было сказано Т. Д. Зражевской [238, с. 24]. Однако первые исследователи государственно-правовой ответственности говорили больше о социальной ответственности [8, с. 17–18; 238, с. 28 и др.].

В последующих исследованиях, например А. Л. Бураковского, рассмотревшего юридическую ответственность политических партий в России, мы видим оба аспекта юридической ответственности [95, с. 15–16].

Заслуживает внимания предложение А. Л. Бураковского [95, с. 16], В. М. Ягудиной [822, с. 27] и других рассматривать юридическую ответственность с позиции деления права на публичное и частное. По мнению С. С. Мялковского, «публично-правовая ответственность включает в себя конституционную, административную и уголовную; частноправовая – гражданско-правовую, материальную и дисциплинарную ответственность» [485, с. 6]. Юридическую ответственность в частном праве И. Г. Захаров определяет как «основанную на нормах частного права и индивидуально-правовых актах, обеспеченную государственным принуждением юридическую обязанность лица, ответственного за правонарушение, восстановить такое положение, какое существовало до нарушения его права, а при невозможности сделать это – допустимости замены неисполненной обязанности денежным эквивалентом» [231, с. 7]. Вместе с тем, по мнению И. Г. Захарова, четкого разграничения частноправовой и публично-правовой ответственности по отраслям частного и публичного права не существует, поскольку в публичных отраслях реализуются меры частноправовой юридической ответственности.

ности, а частноправовых – меры публично-правовой юридической ответственности [232, с. 8].

Государственно-правовую ответственность Н. А. Боброва и Т. Д. Зражевская определяли как «предусмотренную государственно-правовыми нормами и реализуемую в системе государственно-правовых отношений необходимость отвечать за свое юридически значимое поведение. Она выражается, с одной стороны, в ответственном за что-либо перед кем-либо состоянии субъекта (позитивный аспект), с другой – в объективно принудительном претерпевании мер воздействия в случае безответственного поведения (ретроспективный аспект)» [64, с. 49].

В свою очередь, ретроспективная (негативная) конституционная ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, имеет особую надстроечную природу и подразделяется на восстановительно-компенсационную (отмена неконституционного нормативного правового акта) и репрессивно-карательную (штрафную, наказательную) (импичмент главы государства) [317, с. 129–133]. Ретроспективная (негативная) ответственность также рассматривается в основном учеными, осуществляющими исследования в области административного [33, с. 239–265; 391, с. 78–89; 655, с. 89–93; 657, с. 26–35 и др.], уголовного [351, с. 71–78; 459, с. 48–51; 478, с. 59–65; 644, с. 40–48; 725, с. 65–71; 771 и др.], трудового [170, с. 52–59; 335 и др.], экологического [86, с. 38–39], финансового [603, с. 5–14], семейного права [664, с. 222–228]. В научных трудах, посвященных изучению понятия ответственности, субъектом этих отношений выступает человек, гражданин. Лишь в ряде исследований субъектом ответственности являются государство [39, с. 100–107], местное самоуправление [307; 485], политическая партия [218, с. 37–44], судья [134; 641].

Относительно самостоятельным блоком Д. М. Демичев выделяет конституционно-правовую ответственность [192, с. 30]. Российские теоретики права С. А. Комаров и А. В. Малько исходят из того, что «взаимная ответственность государства и личности – самостоятельный принцип правового государства» [308, с. 279–280; 425, с. 143 и др.]. Достаточно актуальным является вопрос о конституционной ответственности государства перед своим народом и ее соотношение с политической ответственностью [201, с. 17–26].

Как считает Г. А. Прокопович, в области теории права при рассмотрении регулятивных и охранительных отношений юридическая ответственность является процессом, состоящим из стадий карательной и праввосстановительной ответственности [588, с. 11–13].

Еще в 1986 г. А. Е. Лукашова и В. М. Чхиквадзе писали о том, что отношения «государство – гражданин» построены на «системе взаимной ответственности, когда конкретному праву, группе прав или всей системе прав одной стороны соответствуют обязанности другой стороны и, наоборот, обязанности одной стороны соответствуют правам другой стороны» [586, с. 39–40]. Ответственность в сфере реализации публичной власти, выделяет М. П. Авдеенкова, подразделяя ее на два вида: конституционную и муниципальную [11, с. 29–30]. К публичной ответственности В. И. Крусс относит административную [345, с. 18]. И. А. Толстова считает, что «в действующем законодательстве юридическая ответственность государства предусматривается в виде обязанности государства осуществлять определенную деятельность, в том числе по преодолению негативных последствий, в результате нарушения охранительных норм» [726, с. 8].

Мы считаем, необходимо определить конкретную юридическую ответственность за нарушение прав граждан – не только зафиксировать ее в законе, но и четко провести в жизнь. Любые действия должностных лиц, нарушающие права граждан, должны пресекаться, а нарушенные права – восстанавливаться. Мы солидарны с мнением О. П. Марикова о том, что следует предусмотреть фиксированную денежную компенсацию за материальный и моральный ущерб, причиненный человеку незаконными действиями должностных лиц и государственных органов [436, с. 105].

Желательно также разработать формы ответственности самого государства за вред, причиненный гражданам (например, в случае непродуманного размещения производства, оказывающего губительное воздействие на здоровье человека, а также в случае различного рода аварий и т. д.). Чернобыльская катастрофа – один из показателей непродуманного размещения опасных производств – обернулась трагедией для большинства населения Республики Беларусь [194, с. 17].

Проблема низкой эффективности государственной власти, ответственности государства, его органов и должностных лиц, возможности обжалования их действий или бездействия весьма актуальна в наше время. Можно согласиться с мнением, высказанным в научной литературе, что «попустительство, пассивность, халатность, бюрократизм, неисполнительность государственных органов и должностных лиц ставят под сомнение правовой характер власти и порождают скептицизм, недоверие в отношении всей существующей системы власти» [220, с. 119–122].

Мы поддерживаем мнение В. П. Шиенка о том, что, «будучи не решенной на уровне общеправовой доктрины, проблема вины и юридической ответственности усугубляется на уровне отраслевых юридических дисциплин» [801, с. 162].

3.5. ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ГАРАНТИЙ

Гарантированность является одним из важнейших конституционно провозглашенных принципов, получивших правовое выражение в различных формах: как общее начало, которое свойственно реализации всего объема прав и свободы личности, так и закрепление конкретных гарантий каждого права и свободы в отдельности. Одним из элементов гарантированности является юридическая безопасность. Российский ученый А. А. Тер-Акопов указывает, что юридическая безопасность – это категория, органически входящая в систему гарантий [713, с. 95]. Можно согласиться с мнением Ю. Г. Мигачева, что «назначение юридических гарантий возможно в полном претворении в жизнь прав, свобод и обязанностей личности» [465, с. 96].

Под правовыми (юридическими) гарантиями С. В. Калашников понимает «содержащиеся в нормах права средства и способы защиты прав и свобод личности». К правовым (юридическим) гарантиям относятся прежде всего конституционные нормы-гарантии [263, с. 19].

Субъектом, на которого в первую очередь возлагаются гарантии прав и свобод, является государство. В отличие от Конституции Российской Федерации Конституция Республики Беларусь прямо не указывает на государство как главного гаранта прав и свобод человека, но эта роль вытекает из ряда ее статей (ст. 6, 10, 60 и др.). «Современный толковый словарь русского

языка» Т. Ф. Ефремовой определяет термин «гарантия» в двух аспектах: 1) поручительство за выполнение принятых кем-л. на себя каких-л. обязательств; документ, подтверждающий такое поручительство; 2) то, что создает уверенность в осуществлении, исполнении чего-л. [223, с. 448]. Советский ученый И. Е. Фарбер под системой гарантий прав граждан понимал «фактические условия, обеспечивающие реальное осуществление прав и исполнение обязанностей», выделяя при этом объективные гарантии, заложенные в социально-экономическом и политическом строе социализма, призванные создавать наилучшие условия для осуществления прав, и юридические гарантии, «к которым относится сам закон (и Конституция), а также деятельность Советов, прокуратуры, суда, милиции по охране законности, по защите прав граждан» [744, с. 158]. Что касается гарантий отдельных прав, то И. Е. Фарбер подразумевал под ними отраслевую ответственность: «Юридическими гарантиями права на образование является административная и уголовная ответственность (не во всех союзных республиках), ответственность лиц, нарушающих норму конституции о праве на образование советских граждан» [744, с. 179].

Российский исследователь В. В. Пасынков под гарантиями прав человека понимает «условия и средства, реально обеспечивающие ему возможность пользоваться правами и свободами и неукоснительно исполнять возложенные на них обязанности» [555, с. 17]. Вместе с тем ученый в юридические гарантии включает механизмы и институты защиты прав, свобод и обязанностей человека [555, с. 18], что, по нашему мнению, не совсем правильно, ибо защита прав человека и гражданина представляет собой отдельный элемент конституционно-правового статуса личности.

Под гарантиями прав и свобод личности А. И. Умиев понимает широкий комплекс условий экономического, политического, социального, юридического, духовного, идеологического характера, сформированных в данном обществе, действие которых направлено на максимальное обеспечение возможности индивида реализовывать свои права и свободы. Он также различает понятия «гарантии прав человека», «конституционные гарантии прав человека», «гарантии конституционных прав человека» [738, с. 11–13].

По мнению В. М. Чхиквадзе, система гарантий – это условия и предпосылки реализации прав, которые «в зависимости от содержания самих прав и свобод граждан, способов их обеспечения и форм реализации дифференцируются на экономические, политические, юридические и идеологические» [792, с. 98].

Гарантии как «систему условий, способов и средств, обеспечивающих всем и каждому равные правовые возможности для выявления, приобретения и реализации своих прав и свобод» определяет В. Д. Перевалов. Он классифицирует их по сфере действия: на международно-правовые (планетарные) гарантии; гарантии в рамках региональных международных сообществ; внутригосударственные гарантии и автономные гарантии (получившие отражение в законодательстве составных частей федеративных государств); по содержанию и видам деятельности: на экономико-правовые и правовые, последние в свою очередь подразделяются на материальные (нормативные установления, определяющие условия реализации прав и свобод), идеальные (презумпция невиновности, юридические фикции), процессуальные (институты надзора и кассации, процедура приостановления и прекращения полномочий судей), технико-юридические (конструкции, отражающие представительно-обязывающий характер правовых норм, конструкции гражданско-правовых исков, договоров). В качестве правовой гарантии В. Д. Перевалов рассматривает и юридическую ответственность, «состоящую в обязанности лица претерпевать меры государственного воздействия за совершенное правонарушение, за неисполнение или ненадлежащее исполнение юридических обязанностей» [706, с. 321–324].

Гарантиями прав и свобод личности Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов считают средства, с помощью которых обеспечивается их защита, а обязанность гарантировать основные права и свободы возлагается на государство. Гарантии подразделяются на общие и юридические. Общие в свою очередь делятся на социально-экономические (обеспечение занятости, повышение жизненного уровня населения, создание эффективной социальной инфраструктуры и условий для роста экономики) и политические (создание условий для граждан участвовать в управлении государством). Под юридическими гарантиями они понимают детально разработанную законодательную базу, позволяющую

гражданам осуществлять свои права и защищать их через систему государственных органов. В то же время авторы не исключают классификации гарантий на две большие категории: внутрисоциальные и международно-правовые [216, с. 286–288].

Под гарантиями прав и свобод личности Б. А. Страшун понимает их охрану и защиту [323, с. 119]. Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин различают социально-экономические, политические и юридические гарантии, вытекающие из конституционного принципа гарантированности прав и свобод человека и гражданина, получившие развитие в текущем законодательстве. Под социально-экономическими гарантиями подразумевается соответствующая среда и материальная основа, обеспечивающие использование прав и свобод (социальная стабильность, развивающаяся экономика, соответствующие производственные мощности и т. д.). Политическими гарантиями считается соответствующая политика государства (создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; устойчивость политических структур и их способность к достижению гражданского согласия, исключающего дестабилизацию в обществе; должный уровень политической культуры граждан; борьба с бюрократизмом государственного аппарата, со взяточничеством, коррупцией и другие политико-организационные факторы). Под юридическими гарантиями понимаются закрепленные Конституцией и текущим законодательством правовые средства осуществления и охраны прав и свобод человека и гражданина [299, с. 180–183].

В советской правовой науке предпринимались попытки раскрыть реальное содержание юридических гарантий конституционных прав и свобод граждан через отрасли права и процессуальное право (административно-правовые гарантии, гарантии в сфере труда и социального обеспечения и т.д.) [817, с. 60–290].

Как считал В. Д. Шахов, «первым и главным элементом в составе юридических гарантий являются правовые нормы, содержащие специальные средства, направленные на обеспечение осуществления субъективных прав и обязанностей» [799, с. 7].

Гарантированность основных прав и обязанностей советских граждан В. М. Сафронов определял как принцип и выделял следующие гарантии: политические, материальные, юридические и идеологические, тесно связанные между собой, дополняю-

щие друг друга и в своей совокупности обеспечивающие фактическую реализацию прав и свобод советских граждан [648, с. 36–37]. Схожим образом описывали гарантии А. И. Лепешкин [386, с. 8–12] и В. А. Патюлин [556, с. 231–241]. По мнению Т. В. Синюковой, гарантии подразделяются на общие (социально-экономические, политические, идеологические условия жизни общества) и специальные (юридические гарантии), находящиеся в неразрывном единстве и взаимодействии. Автор пытается показать механизм гарантирования прав и свобод личности через «совокупность внешних связей ее элементов». В свою очередь, элементами структуры гарантий являются юридические акты, организационно-правовая деятельность субъектов права и специальные гарантирующие методы воздействия на общественные отношения.

Гарантии прав и обязанностей граждан, говорит Т. В. Синюкова, выполняют определенные функции в правовом регулировании. При этом она считает основной функцией обеспечение реализации правового статуса личности. В результате осуществления этой функции: 1) создается практическая возможность пользования субъективным правом и выполнения юридической обязанности субъектом; 2) исключается отступление от целей правовой нормы в процессе пользования субъективным правом (злоупотребление правом); 3) стимулируется правовая активность граждан; 4) реализуется общая и частная превенция нарушения субъективных прав, выполнения обязанностей; 5) осуществляется защита субъективного права в ситуациях, препятствующих его нормальной реализации; 6) обеспечивается восстановление нарушенного субъективного права и необходимое поведение обязанного лица. Гарантии выполняют в механизме правового регулирования также дополнительные функции (информационную, мотивационную, стимулирования правомерного поведения и др.) [663, с. 8–10]. По нашему мнению, автор расширил основную функцию обеспечения реализации правового статуса личности за счет включения в нее элементов защиты и восстановления нарушенного субъективного права. Мы считаем, что основной функцией обеспечения реализации правового статуса личности является создание практической возможности пользования субъективным правом и выполнения юридической обязанности субъектом.

Гарантиями А. А. Уваров называет средства, условия и способы, обеспечивающие соблюдение, реализацию и охрану прав человека. Причем реализации прав человека, провозглашенные в Конституции и иных нормативных актах, многообразны [735, с. 82]. М. А. Лаврик считает, что основы правового статуса личности содержат только ту часть гарантий конституционных прав, которая непосредственно содержится в Основном Законе [363, с. 15].

Экономические (материальные), политические, идеологические и юридические гарантии различал В. А. Кучинский [358, с. 29–35]. К юридическим гарантиям прав и обязанностей он относил не только конкретизирующие и обеспечивающие их правовые предписания, но и правомерную деятельность компетентных государственных органов, учреждений и общественных организаций по их полной и всесторонней реализации [358, с. 35].

Как указывает Л. Д. Воеводин, могут существовать различные виды гарантий (социально-экономические, политические, духовно-психологические (нравственные), организационно-технические), они представляют собой условия и средства, призванные обеспечивать, гарантировать нормальное, т. е. установленное законом, функционирование того или иного общественного и правового института. Однако он исходит из того, что не все гарантии (условия и средства) входят в состав основ правового статуса личности, а только те, которые выступают в виде юридических обязанностей участников правового общения, которым предписано конституцией обеспечивать практическую реализацию прав и свобод личности [132, с. 36–39]. Правовые (юридические) гарантии ученый разделяет на социально-правовые инструменты и юридические технологии [132, с. 41]. А. А. Подупейко и М. Г. Головач выделяют гарантии политические, социально-экономические, социально-психологические, духовные и нравственные, юридические (нормативные и институциональные) [568, с. 201–202]. Известный белорусский конституционалист профессор Г. А. Василевич считает, что «на обеспечение прав, свобод и обязанностей направлены гарантии (политические, социально-экономические, нравственные, организационные) как условия и средства их реализации. Причем в состав правового статуса входят лишь те, что установлены Конституцией и законами» [107, с. 259].

Российский исследователь Л. П. Рассказов под гарантиями прав и свобод человека и гражданина понимает «систему экономических, политических, духовных предпосылок, правовых средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав и свобод» и разделяет их на общие (материальные, политические, духовные) и юридические (система правовых средств и способов охраны и защиты прав человека и гражданина) [606, с. 180–182].

Влияние социальных факторов на реализацию прав человека исследует М. С. Трофимов [730]. Белорусский ученый С. М. Сивец выделяет политические, экономические, социальные, духовные и специальные (юридические) гарантии. При этом автор исходит из того, что «анализ конституционных гарантий позволяет преодолеть «разрыв» между общими (материальными) и специальными (юридическими) гарантиями: общие гарантии, будучи конституционно закреплены, приобретают характер юридических гарантий» [658, с. 166–168]. В целом мы поддерживаем позицию С. М. Сивца.

Под юридическими гарантиями обеспечения правового статуса личности Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич понимают «предусмотренные законодательством условия, с наличием которых законодатель связывает реальную возможность и максимальную эффективность реализации прав, свобод и обязанностей, в комплексе составляющих правовой статус», выделяя три уровня юридических гарантий: международный, региональный и национальный [237, с. 290].

Более подробно, по нашему мнению, понятие гарантий сформулировано О. В. Орловой: «Гарантии прав и свобод представляют собой систему условий, средств и способов» (экономических, политических, социальных, юридических (процессуальных)), «обеспечивающих каждому человеку правовые возможности для реализации его прав и свобод и получивших законодательное закрепление на самых различных уровнях – международном, внутригосударственном, региональном» [539, с. 72].

Необходимо подчеркнуть, что гарантии устанавливаются для всех прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции Республики Беларусь. К ним относятся экономические, политические, социальные, организационные, правовые, педагогические, воспитательные и внешнеэкономические гарантии. В научной

литературе обычно представлены экономические, политические и идеологические гарантии прав личности. Иногда выделяют и другие виды общих гарантий, в частности общественные [623, с. 54], социальные и духовные [619, с. 50].

Российский исследователь Л. И. Глухарева под гарантиями понимает совокупность благоприятных условий и средств, обеспечивающих выполнимость прав человека и гражданина. Однако поскольку содержание прав и свобод человека разнообразно, требуется разный набор социальных «инструментов» для их воплощения. При этом в системе гарантий выделяют группу условий и группу средств обеспечения прав человека.

Гарантии-условия – это социально благоприятная для человека среда, состоящая из элементов общественного и государственного строя, помогающих существованию прав (демократический режим, социальная правовая государственность, развитая правовая культура, экономическое благосостояние, устойчивое развитие и т. д).

Гарантии – средства обеспечения прав человека, которые представляют собой социальные инструменты и технологии, используемые для целенаправленного воздействия на среду и поведение людей для обеспечения прав, когда одних условий оказывается недостаточно (экономические, политические, идеологические, воспитательные, правовые) [150, с. 277–280].

Подводя итог исследованию теоретических основ элементов конституционно-правового статуса личности, сделаем следующие выводы.

1. Права и свободы личности (субъективные права)¹ – это реальные социальные возможности индивида, вытекающие непосредственно из закона, детерминированные экономическими, политическими, социальными, юридическими условиями жизни общества и выражающие меру свободы, которая объективно возможна для личности на конкретном историческом этапе развития общества. В пределах этой свободы осуществляется самоопределение личности, законодательно устанавливаются условия реального пользования социальными благами в различных сферах жизни общества. Характер прав и свобод человека опреде-

¹ Мы вкладываем в понятие «права и свободы человека», «права и свободы личности» и «права и свободы индивида» один и тот же смысл.

ляется не только природой отдельного, конкретного государства, в котором они реализуются, но и развитием человеческой цивилизации в целом, уровнем и степенью интегрированности международного сообщества, самим процессом глобализации.

Основной предпосылкой развития данного понятия является то обстоятельство, что конкретно-исторические формы проявления проблемы удовлетворения социальных потребностей и интересов (прав личности в широком смысле), в первую очередь наиболее острые, могут и на определенном этапе должны быть устранены. Это, на наш взгляд, и будет означать определенное решение проблемы прав личности в ее конкретно-исторической форме.

Такое понимание сути проблемы прав человека предполагает возможность и необходимость выработки и признания определенного минимума общечеловеческих, общедемократических требований к правовому и социальному положению человеческой личности, требований, реализация которых должна и может быть обеспечена в любом обществе.

Необходимо отметить, что права личности, как и право в целом, органично включены в социальный контекст, в систему общественных отношений, где они взаимодействуют, противодействуют, взаимодополняют либо снижают эффективность иных элементов социокультурной нормативной системы – норм морали, политических, религиозных, корпоративных норм, обычаев, традиций и т. п.

2. В юридической науке право на защиту человека и гражданина большинство авторов рассматривают как конституционное право граждан, которое служит интересам личности, выступая в качестве одной из гарантий ее законных прав и свобод. Мы считаем защиту прав и свобод личности самостоятельным конституционным институтом, который соответствует всем теоретическим характеристикам.

Для обеспечения прав человека и гражданина только их констатация недостаточна. По этой причине, закрепив права человека в нормативных актах государства, необходимо выработать надежный социально-правовой механизм их реальной защиты как со стороны государства, так и со стороны общества. Необходимо в раздел 2 Конституции Республики Беларусь, закрепляющий основные права, свободы и обязанности граждан, ввес-

ти главу, посвященную защите прав и свобод. В ней должны быть установлены основные формы, методы и средства защиты прав человека государством и общественными формированиями. Конкретный механизм защиты прав человека должен быть определен в текущем законодательстве. Это, по нашему мнению, позволит, во-первых, подчеркнуть важность и актуальность данной проблемы; во-вторых, акцентировать внимание со стороны государственных органов, должностных лиц государства, общественных формирований и самих граждан на защите нарушенных прав.

Категория «механизм» позволяет охватить весь процесс защиты прав личности, представить его в системно-динамическом виде, раскрыть структуру, последовательное расположение, взаимосвязь и взаимодействие элементов и стадий реализации, выявить их специфические функции, эффективно решать вопросы совершенствования процедур защиты прав человека. Научно определить механизм защиты прав и свобод важно также в сравнении с процессом соблюдения личностью юридической обязанности и прав других индивидов.

Представляя собой явление социально-правового порядка, механизм защиты прав и свобод позволит обобщить в едином процессе использования социальные и юридические его аспекты, раскрыть их взаимовлияние. Такой подход дает полное основание для выделения категории *социально-юридического механизма защиты прав и свобод личности*.

Социально-юридический механизм защиты прав и свобод личности в целом способен эффективно выполнять свою роль только в том случае, когда он содержит: а) правовые средства воздействия на субъектов права; б) правовые средства, обеспечивающие действие права; в) правовые средства реализации права; г) правовые средства обеспечения поведения субъектов права – и включен в структуру соответствующей практики.

На современном этапе в зависимости от вида участия государства, государственных органов, общественных организаций можно выделить пять форм защиты: судебную, административно-правовую, прокурорскую, социально-правовую и общественную.

3. Являясь важнейшим компонентом взаимодействия государства и личности, юридическая обязанность есть установлен-

ное и гарантированное законом должное, общественно необходимое поведение в интересах человека, общества и государства.

4. Исходя из того, что юридическая ответственность является составной частью социальной ответственности и относится к одной из фундаментальных категорий правовой науки, учитывая при этом, что юридическая ответственность обладает всеми свойствами социальной ответственности, проанализировав различные позиции отечественных и зарубежных исследователей по данной проблеме, мы пришли к следующему выводу. С точки зрения теории и практики представляется оправданным понимание юридической ответственности как сложной видоизменяющейся межотраслевой категории, представляющей собой структуру, основу которой закрепляют нормы конституционного права на уровне конституционно-правового института, детализация которой происходит нормами иных отраслей права и состоящей из двух аспектов: ретроспективного (негативного), представляющего собой ответственность за нарушение норм права в прошлом, и позитивного (проспективного) – ответственности за будущее, представляющей собой моральную категорию, закрепленную нормами права. При этом возможен переход позитивной ответственности в негативную при совершении преступления или иного правонарушения.

5. Исследовав различные мнения отечественных и зарубежных ученых по проблеме гарантий как элемента конституционно-правового статуса личности, мы пришли к следующему выводу. Гарантии прав и свобод представляют собой систему условий, средств и способов (экономических, политических, социальных, юридических (процессуальных)), обеспечивающих каждому человеку правовые возможности для реализации его всех конституционных прав и свобод.

ГЛАВА 4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

4.1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Международное право рассматривает безопасность человека в качестве основного предмета. Безопасность человека как важнейший аспект международной безопасности – это отсутствие угроз его жизненно важным интересам.

Анализируя фундаментальные потребности человека, А. А. Тер-Акопов выделяет ряд жизненно важных функций, каждая из которых образует отдельное специфическое направление безопасности человеческой личности как одного из элементов гарантий. Это жизнь (витальная безопасность), физическое здоровье (физическая безопасность), психическое здоровье (психическая безопасность), генетика человека (генетическая, наследственная безопасность), репродуктивная способность (репродуктивная безопасность, обеспечивающая способность зачатия и плодоношения), интеллект (интеллектуальная безопасность, обеспечивающая способность и возможность овладения человеком имеющимися знаниями), духовность (духовная безопасность, обеспечивающая развитие международных отношений в интересах всех и каждого).

Безопасность человека делится на виды не только по содержанию жизненно важных интересов, но и по характеру внутренних и внешних угроз. Внутренние угрозы – это опасности, исходящие от самого человека, его психических, физических и интеллектуальных способностей, предопределяющих ту или иную степень мировосприятия. Внешние угрозы – опасные факторы внешней среды. В свою очередь, они делятся на основные и производные. Основные по своей природе непосредственно направлены на причинение вреда жизненно важным интересам

человека: война (военная безопасность), преступность (криминальная безопасность), болезни (медико-физиологическая безопасность), экологически опасные ситуации (экологическая безопасность) и т. п. Производные угрозы – опасные для человека отклонения в различных системах обеспечения его безопасности, являющиеся следствием ошибок, неразработанности отдельных процедур и злоупотреблений правом: негативные явления в сфере экономики (экономическая безопасность), информации (информационная безопасность), продовольственного снабжения (продовольственная безопасность), права и юриспруденции (юридическая безопасность) [710, с. 98–99].

Проблема юридической безопасности имеет и свой внутренний аспект, отражающий угрозы самой юридико-правовой надстройки. Это опасности, подстерегающие не только юридическую систему, обеспечивающую сохранность базиса, но и опосредованно сам базис [712, с. 11].

На международном уровне закрепление элементов правового статуса личности происходит в рамках ООН. Основная цель ООН определена как поддержание международного мира. ООН в русле основной своей цели обеспечивает сотрудничество и в области правового статуса личности, основываясь на положении, что мир и безопасность имеют место тогда, когда каждый человек обладает всеми правами, которые соответствуют современному этапу развития человеческого общества, а также гарантиями их реализации и защиты.

Сотрудничество основывается на принципах, содержащихся в ст. 2 Устава ООН: суверенное равенство государств; невмешательство в их внутренние дела [741]. Этот документ носит общий декларативный характер, при этом имеет большое значение в жизни человеческого общества, поскольку положения Устава ООН, относящиеся к правам человека, были позже конкретизированы и развиты в различных международных документах. Мы поддерживаем мнение В. А. Карташкина, что «в Уставе ООН имеются лишь отдельные ссылки на необходимость уважения и соблюдения прав человека. Современный этап развития международных отношений настоятельно требует создания специальной главы, посвященной международному сотрудничеству в области прав человека, которое определялось бы не вспомогательным, а главным органом ООН» [277, с. 26].

Вторым по важности документом в области правового статуса личности является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1948 г. [137]. В разработке этого важного международного документа приняли участие ученые и политики ведущих государств мира того периода [128, с. 8]. Содержащиеся в Декларации элементы правового статуса личности можно классифицировать по четырем группам.

Первая группа прав и свобод включает: право на жизнь, свободу, неприкосновенность (ст. 3); свободу от рабства (ст. 4); запрет пыток или жестокого, бесчеловечного обращения или наказания (ст. 5); равенство перед законом (ст. 7); права, касающиеся процедурных гарантий правосудия (ст. 8–11); защиту от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и от посягательств на честь и репутацию, неприкосновенность жилища, тайну переписки (ст. 12).

Вторая группа – гражданские права: право личности на признание ее правосубъектности (ст. 6); свобода передвижения и выбора места жительства (ст. 13); право на убежище (ст. 14); право на гражданство (ст. 15); право вступать в брак и создавать семью (ст. 16); право владеть имуществом (ст. 17).

Третья группа – политические права – в Декларации закрепляется следующим образом: в ст. 18 – свобода мысли; в ст. 19 – свобода убеждений и их выражения; в ст. 20 – свобода мирных собраний и ассоциаций и в ст. 21 – право принимать участие в управлении своей страной.

Четвертая группа – экономические, социальные и культурные права (ст. 22–28): на труд и свободный выбор работы; равную оплату за равный труд; на объединение в профессиональные союзы; на отдых и досуг; на определенный жизненный уровень; на образование.

Статья 29 Декларации закрепляет обязанности каждого человека перед обществом и устанавливает основания, по которым возможны ограничения прав и свобод индивида. Эти ограничения вводятся в целях обеспечения признания и уважения прав и свобод других людей, а также по соображениям нравственности для обеспечения общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе при условии, что эти ограничения установлены законом. Вместе с тем Декларация не содержит обязанностей государства перед гражданами.

Всеобщая декларация прав человека оказывает большое влияние на процесс создания других международных норм, обязательных для государств. В целом международное право активно влияет на формирование национальной системы права, функционирование различных государственных структур. Наблюдается и обратный процесс, что в совокупности сказывается на содержании и тенденциях миропорядка [164, с. 170; 456, с. 5; 258, с. 42 и др.]. Существует авторская позиция, что «анализ состояния и тенденции развития международных отношений за прошедшие с момента принятия Декларации 60 лет, а также законности в этой сфере в странах-участницах свидетельствует об отсутствии существенного прогресса в деле установления нового справедливого миропорядка, основанного на его принципах» [800, с. 213].

Не обладая обязательной силой, нормы Декларации в определенной мере влияют на поведение государства так, что последнее не может строить свое поведение в полном противоречии со всеми нормами-рекомендациями международной организации, членом которой оно является. Для этого имеются соответствующие рычаги воздействия (экономические, политические и т. д.) [189, с. 24].

Для непосредственного регулирования отношений между государствами в области правового статуса личности разработаны два пакта – Пакт о гражданских и политических правах [457] и Пакт об экономических, социальных и культурных правах [458]. Они были приняты в 1966 г., но вступили в силу лишь в 1976 г.

Первоначально планировались подготовка и принятие одного международного пакта, включающего все права. Однако при его разработке между государствами возникли острые противоречия относительно реальности и содержания тех или иных прав, правовой силы пакта и вытекающих из него обязательств государств. В результате возникла идея разработки двух пактов [276, с. 43–44].

Пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт) состоит из пяти частей. Конкретные экономические, социальные, культурные права и гарантии их реализации содержатся в ч. 3: право на труд (ст. 6), на равные условия (ст. 7), права каждого человека на создание профессиональных

союзов и вступление в них по своему выбору для защиты своих экономических и социальных интересов (ст. 8). Кроме того, в ст. 8 закреплено право на забастовки при условии, что это право осуществляется в соответствии с законами страны, право на социальное обеспечение (ст. 9).

Предусмотрены также права в области охраны материнства и детства, семьи, здоровья, закреплено право на образование (ст. 10–14). За каждым человеком признается право на пользование достижениями науки и культуры (ст. 15).

В ч. 2 Пакта сформулированы обязательства государств, по которым каждое государство – участник Пакта обязуется в индивидуальном порядке и в рамках международного сотрудничества в максимальных пределах имеющихся ресурсов принимать меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление прав, признанных в Пакте. Следовательно, выполнение государством обязательств по Пакту зависит от наличия у него соответствующих ресурсов. Можно согласиться с мнением И. В. Ростовщикова о том, что осуществление социально-экономических прав гражданами прямо зависит от благосостояния страны проживания, эффективности проводимой ею экономической политики [618, с. 70].

Ограничение прав, предусмотренных в Пакте, возможно государством лишь на основании закона и в тех пределах, в каких это совместимо с природой данного права и исключительно в целях способствования общему благосостоянию в демократическом обществе.

В ч. 4 Пакта содержатся положения, относящиеся к мерам проведения его в жизнь. Предусмотрена система докладов о принимаемых государствами мерах и о прогрессе по достижению соблюдения прав, признанных в Пакте. С марта 1987 г. начал работу Комитет по экономическим, социальным и культурным правам [582, с. 34–35], где и в настоящее время рассматриваются доклады.

Пакт о гражданских и политических правах состоит из шести частей. Положения ст. 2 рассматриваемого Пакта обязывают каждое государство-участника уважать и обеспечивать права, признаваемые данным Пактом, всем лицам, находящимся в пределах его территории. Каждое государство-участник обязано в соответствии со своей конституционной процедурой принять

законодательные или другие меры для осуществления прав и свобод, признаваемых в Пакте о гражданских и политических правах, и обеспечить любому лицу эффективную правовую защиту нарушенных прав. Большое значение имеет положение, в соответствии с которым государство обязуется развивать возможности независимой судебной защиты, наиболее предпочтительной для граждан (ст. 2 п. 3Б).

В ст. 3 Пакта о гражданских и политических правах закрепляется равное право мужчин и женщин пользоваться гражданскими и политическими правами.

Государства могут отступать от своих обязательств по указанному Пакту в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации, о наличии которых официально объявляется государством, и в границах, определенных Пактом. Но даже при наличии этих обстоятельств отступления не допускаются в отношении права на жизнь, запрещения пыток и жестокого обращения, запрещения рабства и работорговли, лишения свободы за невыполнение договорных обязательств, нераспространения обратной силы уголовного закона и закона, устанавливающего более суровое наказание, право на признание правосубъектности, свободы мысли, совести и религии. Обо всех допустимых отступлениях государство обязано информировать других участников Пакта через Генерального секретаря ООН (ст. 4).

Третья часть Пакта о гражданских и политических правах закрепляет право на жизнь, которое понимается как неотъемлемое право каждого человека. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Смертные приговоры в тех странах, где еще не отменена смертная казнь, могут выноситься только за самые тяжелые преступления. Смертные приговоры не выносятся лицам, не достигшим 18 лет, и не приводятся в исполнение в отношении беременных женщин (ст. 6). Хотелось отметить, что все эти положения действуют в настоящее время в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

Статья 7 Пакта о гражданских и политических правах запрещает пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание. Ни одно лицо без его на то свободного согласия не может подвергаться медицинским или научным опытам.

В Пакте о гражданских и политических правах раскрывается содержание некоторых процессуальных прав и гарантий. В частности, право на свободу и личную неприкосновенность означает, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Лишение свободы возможно только на основаниях и в соответствии с процедурой, определенной законом.

Согласно ст. 10 Пакта о гражданских и политических правах целью режима, устанавливаемого пенитенциарной системой определенного государства, является исправление и социальное перевоспитание заключенных.

Положения ст. 14 и 15 содержат общедемократические принципы судебного процесса. В частности, в п. 1 ст. 15 закреплено положение о том, что никто не может быть признан виновным в совершении уголовного преступления за действия или упущения, которые на момент их совершения не являлись уголовными преступлениями по национальному или международному праву.

В ст. 12 Пакта о гражданских и политических правах устанавливается свобода передвижения.

Запрещается произвольное или незаконное вмешательство в личную или семейную жизнь граждан, закрепляется положение о неприкосновенности жилища и тайне корреспонденции, о недопустимости посягательств на честь и репутацию граждан (ст. 17).

Пакт о гражданских и политических правах содержит общепризнанные права и свободы, среди которых: свобода мысли, совести и религии; право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их; право на мирные собрания; право непосредственно и через своих представителей участвовать в ведении государственных дел; активное и пассивное избирательное право; равенство всех перед законом (ст. 18, 19, 21, 22, 25, 26).

Предусматриваются ограничения, которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других (п. 3 ст. 18; п. 3 ст. 19; ст. 21; п. 2 ст. 22) [582, с. 45–66].

Большое значение в толковании международных соглашений в области прав человека принадлежит принципу эффективности. Причем применение данного принципа становится особенно необходимым в случаях, когда толкованию подлежат нормы об одном и том же праве человека, содержащиеся в различных международных договорах [176, с. 4].

Следует согласиться с высказанным в научно-правовой литературе мнением, что наиболее эффективным и гарантированным внутригосударственным правовым средством закрепления международных норм в области прав человека является конституция государства [239, с. 12].

При этом необходимо отметить, что практически все положения Пакта о гражданских и политических правах нашли закрепление в Конституции Республики Беларусь, законах и подзаконных актах нашего государства. В последнее время в научно-правовой литературе предпринимались попытки оспорить универсальность прав человека, закрепленных в международных документах [45, с. 6–7; 777, с. 81–82; 839, s. 168–169; 850, s. 66–67].

В рамках ООН осуществляют деятельность органы, призванные защищать права человека. Эти органы условно подразделяются на две категории: общего назначения и специализированные. К органам общего назначения относятся: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС), Совет по опеке, Международный суд, Секретариат; к специализированным – Комиссия ООН по правам человека, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Комиссия по положению женщин, Верховный комиссар ООН по делам беженцев, Верховный комиссар ООН по правам человека, Центр ООН по правам человека [639, с. 88–91]. Достаточно большая роль в рамках ООН отводится Международному суду ООН [259; 260; 261; 842 и др.].

17 июля 1998 г. в Риме на дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН был учрежден Международный уголовный суд и принят его Статут. Статут Международного уголовного суда вступил в силу 1 июля 2002 г., после того как в соответствии с требованиями ст. 126 Статута его ратифицировали 60 государств [337, с. 77].

Согласно положениям Статута Международный уголовный суд является постоянно действующим органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. Тем самым суд дополняет национальные органы уголовной юстиции [338, с. 93].

Международный уголовный суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу Статута Международного уголовного суда для этого государства, если только это государство не сделает соответствующее заявление. Состав и функционирование Международного уголовного суда достаточно подробно исследованы Н. И. Костенко [337; 338; 339; 340], И. В. Фисенко [750].

В ст. 1 Статута Международного уголовного суда определяется юрисдикция Суда как дополнительная, субсидиарная. Международный уголовный суд дополняет национальные органы уголовной юстиции. В то же время уставы международных трибуналов по отношению к бывшей Югославии и Руанде устанавливают принцип приоритета юрисдикции международных трибуналов к национальным судам, руководствуясь при этом целями более компетентного и неотвратимого наказания за международные преступления и серьезные нарушения международного гуманитарного права. Особое значение в таком подходе имеет то обстоятельство, что эти трибуналы были созданы *ad hoc* применительно к конкретным ситуациям и странам. К тому же в них утверждается принцип универсальной юрисдикции в отношении виновных лиц независимо от характера вооруженного конфликта, что также должно способствовать неотвратимости наказания [382, с. 57].

Как справедливо указывается в научной литературе, достаточно эффективная процедура обеспечения и защиты прав личности, установленных международными нормами, пока еще не выработана [3, с. 102; 775, с. 78–79]. Необходимо учитывать, что «реализация прав, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и других международных актах, является процессом весьма непростым, особенно для государств, испытывших на себе давление чужих культур в период колониальной зависимости» [275, с. 38].

Среди важнейших региональных документов, оказавших определенное влияние на формирование белорусского национального законодательства в области правового статуса личности, Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека, принятая 4 ноября 1950 г., вступившая в силу 3 сентября 1953 г. [313], с дополнительными протоколами к ней (1952; 1963; 1983 и 1984 г.) (далее – Конвенция), и Европейская социальная хартия, принятая 18 октября 1961 г. и вступившая в силу в 1965 г. [215].

Круг прав и обязанностей, закрепленных в Конвенции, гораздо уже, чем в рассмотренных универсальных документах. Это право на жизнь; запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания; запрещение рабства, подневольного состояния, принудительного или обязательного труда; право на свободу и безопасность; право на независимый и беспристрастный суд и демократические процессуальные права; право на уважение личной и семейной жизни; неприкосновенность жилища и тайну переписки; свободу мысли, совести и религии; свободу выражения своего мнения; свободу мирных собраний и ассоциаций; право вступать в брак; право на действенные средства защиты нарушенных прав.

Пользование правами и свободами может быть ограничено только в исключительных ситуациях – в случаях чрезвычайного положения государства (ст. 15 Конвенции). Отступления недопустимы в отношении права на жизнь, запрещения пыток, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания, запрещения рабства или подневольного состояния.

Некоторые статьи Конвенции прямо предусматривают пределы пользования правами и свободами (на уважение личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища и тайну переписки, свободу мысли, совести и религии, свободу выражения своего мнения, свободу на мирные собрания и ассоциации). Можно согласиться с мнением, высказанным в немецкой научной литературе, что Совет Европы стремится улучшить защиту основных прав и установить ясные правовые основания для их ограничения [860, с. 35].

В отличие от других международно-правовых документов Конвенции с самого начала придавался характер действующего

права, а не политического заявления о намерениях. В зарубежной научно-правовой литературе высказывается мнение, что «непроблематичным является вообще правовое положение, когда государства в одном договоре на определенной модальности и некоторых положениях строят свои отношения, как это было с Европейской конвенцией по защите прав человека [856, с. 8].

В соответствии с положениями Конвенции созданы и до недавнего времени функционировали два органа, обеспечивавших соблюдение обязательств Конвенции государствами-участниками: Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека.

Комиссия рассматривала сообщения государств-участников о нарушении положений Конвенции другим государством-участником, а также жалобы, поступившие от любого лица, группы лиц, неправительственной организации о нарушении государством – участником Конвенции прав и свобод, содержащихся в Конвенции [812, с. 15].

Вторым специальным органом, обеспечивающим соблюдение государствами-участниками их обязательств по Конвенции, является Европейский суд по правам человека. Передать дело в Суд первоначально могли только Комиссия по правам человека и государства – участники Конвенции. Индивиды таким правом не обладали. Принятие в 1990 г. Протокола № 9 дало возможность любым лицам, неправительственным организациям и группам, чья индивидуальная петиция была признана Европейской комиссией приемлемой и рассмотрена ею по существу, передавать дело на дальнейшее разбирательство в Европейский суд. Благодаря введению института индивидуальной жалобы произошел новый поворот в международно-правовой теории и практике, так как впервые индивид был наделен правом предъявить иск государству о восстановлении нарушенного права путем подачи жалобы в международный суд [464, с. 33].

Признавая юрисдикцию Европейского суда в системе международного контроля механизма по правам человека, государства исходят при этом из авторитета международного права и возлагают на себя определенные обязательства по осуществлению международных договоров в области прав человека. Важно, что Европейский суд принимает жалобы к рассмотрению после того, как были исчерпаны все национальные средства защиты. Это

способствует совершенствованию внутригосударственных механизмов и институтов защиты прав человека.

В деятельности Европейского суда наряду с материальными нормами международного права значительную роль играет прецедент [125, с. 5–17]. По этой причине в государствах, присоединяющихся к Конвенции, остро встает проблема включения прецедентного права Совета Европы в национальную правовую систему [356, с. 50–52].

Решение Европейского суда окончательно и обжалованию не подлежит. Его исполнение поручается государству, допустившему нарушение своих международных обязательств. Надзор за исполнением судебного решения осуществляется Комитетом министров.

Решения этих органов, с одной стороны, побуждают государства совершенствовать внутреннее правозащитное законодательство, а с другой – создают прецеденты, проясняющие юридическое содержание конкретных, международно-признанных прав человека [32, с. 158].

Например, в 1984–1985 гг. Европейский суд по правам человека рассмотрел три дела по обвинению Швеции в нарушении обязательства обеспечивать каждому лицу право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом для определения гражданских прав и обязанностей индивидуума. Судебные решения вынудили Швецию предпринять правовую реформу: в марте 1985 г. был создан Национальный совет по медицинской этике для постоянного обмена информацией и мнениями относительно исследования и лечения. В июле 1986 г. было создано управление Омбудсмана по борьбе с этнической дискриминацией; Законом об иностранцах, принятым в 1989 г., определены дополнительные гарантии против высылки любого из тех иностранцев, кто рискует подвергнуться преследованию по политическим мотивам или имеет основания полагать, что ему будет угрожать опасность применения пыток [311, с. 43].

Большое значение как для международной, так и для национальной защиты прав человека имеет толкование норм международного права на основе анализа практики, осуществляемой Европейским судом по правам человека, Постоянной палатой международного правосудия, Международным судом и иными международными и национальными организациями [397].

Перечень прав и свобод, содержащихся в Конвенции, расширен девятью протоколами. Первый протокол добавляет следующие права: право собственности, право на образование, обязанность государств-участников периодически проводить свободные выборы при тайном голосовании [590].

Второй протокол наделяет полномочиями Европейский суд по правам человека давать консультативные заключения, запрашиваемые Комитетом министров [594].

Третий протокол частично изменяет текст ст. 29, 30, 34 Конвенции [595].

Четвертый протокол расширяет круг прав и свобод, предусмотренных в Конвенции, в частности, запрещение лишения свободы из-за невозможности выполнения договорных обязательств; право свободно передвигаться по территории страны и свободно избирать место жительства; право покидать любую страну, включая собственную; запрещение изгнания из страны гражданина; право въезда на территорию страны своего гражданства; запрещение коллективного изгнания иностранцев [596].

Шестой протокол отменяет смертную казнь [597].

Седьмой протокол дополняет Конвенцию новыми правами и свободами. Установлен порядок высылки иностранцев, право обжаловать решение нижестоящих судов в судах высшей инстанции, право на возмещение убытков, причиненных неправомерным наказанием, установление равноправия супругов [598].

Одиннадцатый протокол, принятый в 1994 г., предусматривает установленный Конвенцией механизм контроля за соблюдением прав человека в Европе с целью сокращения длительности процедур и повышения степени защиты прав человека. Причем решения Европейского суда по правам человека выступают в качестве прецедентного права данного суда для формирования внутригосударственного законодательства [88, с. 25–31]. Двенадцатый протокол запрещает дискриминацию [591]. Протокол № 13 отменяет смертную казнь при любых обстоятельствах [592]. Протокол № 14 дополняет контрольную систему Конвенции в области прав человека [593].

Все государства – члены Совета Европы приводят свое законодательство в соответствие с Конвенцией. В настоящее время этот процесс проходит и в Российской Федерации [289, с. 72–74].

Заслуживает особого внимания Европейская социальная хартия (далее – Хартия), принятая 18 октября 1961 г. и вступившая в силу в 1965 г. [215].

Названный документ состоит из двух частей, каждая из которых содержит по девятнадцать совпадающих экономических и социальных прав. Первая часть представляет собой декларацию, а вторая – международный договор.

Особенностью этого документа является то, что государству-участнику не обязательно исполнять все положения Хартии, если оно не сделает об этом специального заявления (п. 3 ст. 20). Государству принадлежит право выбора из второй части тех положений, которые оно признает для себя обязательными. Определены семь статей (ст. 1, 5, 6, 12, 13, 16, 19), из которых государство выбирает для себя пять обязательных. В дополнение к этому государство из оставшихся статей определяет обязательные статьи или пронумерованные пункты, на которые делаются статьи с таким расчетом, что общее число статей или пронумерованных пунктов, обязательных для государства, не должно быть меньше 10 статей или 45 пронумерованных пунктов (ст. 20).

Права, которые содержатся во второй части Хартии, являются обычными для данной категории экономических и социальных прав.

Контроль за исполнением государствами их обязательств согласно Хартии осуществляется через систему докладов, которые посылаются Генеральному секретарю Совета Европы, а копии докладов каждое государство направляет своим национальным организациям – членам международных организаций, предпринимателей и профсоюзов, участвующих в заседаниях Подкомитета Правительственного социального комитета. В случае если со стороны организации имеются замечания по докладу, они пересылаются государством Генеральному секретарю Совета Европы.

Доклады и замечания на них рассматриваются Комитетом экспертов, который избирается Комитетом министров. Далее доклады и заключения по ним Комитета экспертов рассматриваются Подкомитетом Правительственного социального комитета Совета Европы. Свои заключения Подкомитет излагает в докладе, который с приложением заключения Комитета экспер-

тов направляется в Комитет министров. Сюда же поступает и мнение Консультативной ассамблеи. Комитет министров на основе этих документов вправе давать любые необходимые рекомендации государству – участнику Хартии.

Хартия устанавливает возможность отступления государств от их обязательств на случай войны или чрезвычайных обстоятельств (ст. 30). Допустимы также ограничения и оговорки, специально указанные в законе и необходимые в демократическом обществе для его нормального функционирования (ст. 31).

Положения ст. 32 Хартии не препятствуют применению национальных правовых норм или положений международных договоров, если не содержат более благоприятных условий по сравнению с положениями Хартии.

Необходимо отметить, что социальной политике придается большое значение в Европе [827, s. 27–37; 828, s. 51–60; 840, s. 378–379 и др.].

Все государства – члены Европейского союза являются членами Совета Европы, ратифицировавшими Европейскую конвенцию и Дополнительные протоколы к ней. Соответственно действует система двойной защиты основных прав. В обеих системах – Совета Европы и Европейского союза – утвердился принцип верховенства (приоритета) европейских основных прав: в случае коллизии подлежат применению основные права, закрепленные на этом уровне [862, s. 513]. Европейский союз и Совет Европы уделяют большое внимание праву на равенство и защиту от дискриминации [173, с. 23–31].

На совместном заседании Совета Европы, Европарламента и Европейской комиссии 7 декабря 2000 г. был одобрен проект Хартии основных прав Европейского союза.

Разработка и принятие единого документа – Хартии основных прав – обосновывались необходимостью составления наиболее полного свода основных прав, отвечающих современному уровню развития естественных, медицинских, технических и этических знаний. При этом считалось, что многие изначально признаваемые права и свободы, закрепленные в договорных документах европейских сообществ, которые к тому же постоянно обогащались и пополнялись решениями Суда европейских сообществ (Люксембург), нуждались в обновлении, а в целом – в кодификации посредством принятия Хартии [382, с. 51]. Внут-

ренное право Европейских сообществ имеет свои особенности, которые находятся под пристальным вниманием ученых [435, с. 210].

Английский юрист-международник Д. Г. Мэррилз справедливо полагает, что «... государства имеют много причин для соблюдения международного права и при отсутствии международных санкций, когда они считают, что это разумно» [845, р. 35]. По поводу возможности применения со стороны мирового сообщества санкций к государствам, нарушающим права человека, интересно мнение восточного исследователя данной проблемы Селима Абои: «В борьбе против диктатур, пыток или наркоторговли экономические санкции и дипломатические усилия остаются без действия. Каков поиск дальнейших шагов? До какой степени здесь играет роль право или речь идет о прямом силовом вмешательстве, чтобы свергнуть режим и дать возможность народу свободно участвовать в выборах? Но в данном случае тяжело определить легитимность этих действий в значении прав человека, как часто может быть этот случай в значении реальной политики и насколько эти действия нарушают дух Хартии ООН» [825, s. 84]. В частности, в зарубежной научно-правовой литературе оправдывалось силовое вмешательство войск НАТО в конфликт Югославии с целью обуздания диктатора Милошевича, виновного в массовых нарушениях прав человека [855, s. 21].

В отношении нарушителей – членов Европейского союза своих обязательств, установленных учредительными договорами Союза, со стороны Евросоюза могут быть применены определенные санкции [440, с. 151–152].

Пакты о правах человека и другие международные акты обеспечивают правовую защиту провозглашаемых прав и свобод, причем, с одной стороны, фиксируют обязательства государств по внедрению национальных средств защиты, а с другой – вводят и прямо регламентируют международные средства защиты [455, с. 249]. В научной литературе высказано мнение о том, что «происходит переход от прежней силовой концепции государственного суверенитета к современной правовой» [580, с. 90].

Значительный интерес с точки зрения науки и практики имеет вопрос о разработке норм в сфере прав человека в рамках Хельсинкского процесса по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Давая оценки документам ОБСЕ, О. И. Тиунов справедливо указывает, что заложенные в них нормы есть сочетание положений организационного, политического и юридического характера. Они составляют единую систему ценностей в сфере человеческих прав, которая подлежит исполнению как элемент должного поведения [720, с. 46–47].

В настоящее время ведется дискуссия о выделении из международного права в области уголовного судопроизводства международного процессуального права [388, с. 80–86], что, по нашему мнению, будет содействовать укреплению международно-правовой защиты прав человека.

В рамках настоящего исследования нами рассмотрены наиболее важные международные документы, касающиеся правового статуса личности, которые оказали большое влияние на формирование национального законодательства Республики Беларусь.

Можно сделать вывод, что международно-правовые документы в настоящий момент не содержат цельного механизма защиты прав человека на международном уровне. Существующая система защиты громоздка и, по нашему мнению, нуждается в усовершенствовании. Вместе с тем, по мнению Ю. А. Тихомирова, любое государство ныне прочно связано нормами международного права и межгосударственных объединений – ООН, Европейского союза, Совета Европы и др. Многослойность регулирования сближает международное и национальное право по объектам воздействия и характеру норм [722, с. 10].

Следует согласиться с высказанным в немецкой научно-правовой литературе мнением, что права человека есть критерий легитимности. Член мирового сообщества должен гарантировать субъективные права, если он хочет быть легитимным [826, с. 16]. В целом порядок развития международного права состоит в существенном разрыве между правотворчеством и правореализацией. Правотворческий процесс протекает все более активно. За последние десятилетия принципов и норм было установлено больше, чем за всю предшествующую историю. Неизмеримо медленнее совершенствуется механизм реализации норм. Между тем совершенствование механизма действия международного права является необходимым условием повышения его эффективности [396, с. 79].

Анализируя акты международного права в области прав человека, Л. Ф. Евменов делает вывод о том, что «нынешний уровень разработанности международных актов и международной идеологии прав человека в целом не является удовлетворительным» и «необходима серьезная конструктивная ревизия всего международного законодательства в области прав человека» [214, с. 436]. По справедливому утверждению немецкого политика Ф. Пфлюгера, права человека должны быть как можно шире универсализированы и внедрены в политику [851, с. 23].

Заслуживает пристального внимания точка зрения, высказанная в научной литературе, что мировому сообществу необходимы три основных компонента для согласия и консенсуса в области прав человека – гуманитарные нормы, юридические нормы и цивилизационные нормы для их оправдания. Причем каждая из этих норм значительно отличается от другой [411, с. 82]. До сих пор актуальны слова великого немецкого философа И. Канта: «Люди не могут уйти от понятия права ни в частных своих отношениях, ни в публичных. Публично они не решаются основывать политику на хитроумных увертках, отказывая тем самым понятию публичного права во всяком повиновении (это особенно заметно в международном праве), наоборот, на словах ему воздаются подобающие почести, однако на практике придумываются сотни уловок и отговорок, чтобы уклониться от него» [267, с. 44].

«Наблюдается попытка отгородиться от западного правового мира, завесить истинное и настоящее значение и содержание российской правовой культуры, ее самобытность и неповторимость. Как представляется, это опасная тенденция. Ибо вовсе не надо искусственно возвеличивать российскую традицию права, пытаться создать новые юридические конструкции, не принимая во внимание существующий в мире богатый правовой опыт» [216, с. 522]. Здесь также уместны слова известного российского теоретика права В. С. Нерсисянца о том, что «от любых деклараций о правах человека и гражданина до их реализации в условиях правового государства – большое расстояние, но история показывает, что без таких деклараций, прокладывающих дорогу к цели, до искомой правовой действительности еще дальше.

В современных условиях проблема прав человека приобрела глобальное значение и их соблюдение стало пробным камнем и символом справедливости во внутренних и внешних делах всех государств и народов мира» [493, с. 85–86].

4.2. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Правовой статус личности – важнейший комплексный институт конституционного права. Особое развитие в сфере как внутригосударственного, так и международного права он получил во второй половине XX в., что стало одним из наиболее значимых итогов правового развития человечества. Являясь показателем соответствия политической и правовой системы государства современным международным стандартам, он призван обеспечить достойную и безопасную жизнь личности, возможность ее свободной жизнедеятельности в сложных условиях современного общества.

В нашем государстве развитие института правового статуса личности прошло сложный путь. Территория Беларуси до второй половины XVIII в. находилась в составе Речи Посполитой. Основными научными исследованиями о правовом положении населения в тот период являются работы И. А. Юхо [818], М. Ф. Чудакова [786]. В течение последних двух столетий Беларусь находилась в составе России. Данный период достаточно подробно описан и исследован В. В. Водовозовым [130], И. Т. Тарнавским [699], А. В. Верещагиной [122], В. Ю. Багдасаровым [40], М. Ф. Чудаковым [787]. С 1922 по 1991 г. Белоруссия находилась в составе СССР.

В дореволюционный период на институте правового статуса личности сказались запоздалая отмена крепостного права и утвердившиеся на его основе стереотипы отношений властей и подданных, законодательное закрепление сословных и национальных различий. На первом этапе советской власти личность и ее права были оттеснены на задний план классовым подходом, приоритетом интересов коллектива и государства над личным. Само понятие «права человека» было исключено из политического и юридического словаря как буржуазное [325, с. 169].

Появившаяся в Конституции СССР 1936 г., а позже в Конституции БССР 1937 г. глава о правах и обязанностях граждан в условиях тоталитарного режима носила декларативный характер. В конституциях СССР 1977 г. и БССР 1978 г. положение гражданина также нашло отражение. Однако в те годы господствовала концепция, согласно которой только государство дает своим гражданам определенные права и возлагает на них обязанности. Идея естественных прав человека отрицалась. Незадолго до распада СССР ситуация стала меняться в лучшую сторону.

Нормы, гарантирующие права человека, признанные международным правом в качестве исходных, в национальном законодательстве относятся прежде всего к конституционному уровню, поэтому предметом нашего анализа в первую очередь является Конституция 1994 г. (с изменениями и дополнениями).

Принятию Конституции Республики Беларусь 1994 г. предшествовало обновление общественного строя, начало перехода экономики на рыночную систему, допущение разнообразных форм собственности, развитие плюрализма, непосредственная реализация власти народом, расширение безопасности и сотрудничества с мировым сообществом, в науке – переход от марксистской концепции к общечеловеческой концепции прав человека. Указанная Конституция представляет собой принципиально новый документ, в котором закрепляется гуманная ориентация развития нашего общества. Приоритет отдается личности и общечеловеческим ценностям. Эта черта качественно отличает новую концепцию прав человека, отказ от характерного для социалистической теории принципа приоритета государственных интересов над интересами личности. Обоснованием такого подхода являлось положение, что государство призвано выражать общественные и личные интересы. Считалось, что у личности, как и общества в целом, не может быть политических интересов, противоречащих государственным, олицетворяемым в политике КПСС, поскольку «воля партии – это воля народа». Если же такие интересы формировались, то в зависимости от формы их выражения они либо игнорировались, либо вызывали соответствующую реакцию власти вплоть до принятия репрессивных мер со стороны государства [300, с. 183].

Принцип разделения властей и дальнейшее развитие реальной демократии призваны гарантировать недопустимость узурпации и концентрации власти в руках отдельных государственных органов или группы лиц и нарушений с их стороны прав личности. В научно-правовой литературе высказано обоснованное мнение, что Конституция – это политико-правовой документ. Политика и право в нем должны находиться в органическом единстве, не противореча друг другу, в противном случае право становится ущербным [235, с. 82]. Первоначально часть новых изменений до принятия ныне действующей Конституции была закреплена в Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь 1991 г. [213].

Права личности подразделяют на фундаментальные, основные и производные. Под *фундаментальными* понимаются природные, неотчуждаемые, абсолютные, всеобщие права, получившие международное признание. *Производные права* базируются на первых, получают конституционное воплощение и являются предметом уточнения, корректировки, зависят от степени цивилизованности общества. Конституционные права и свободы – это права и свободы, закрепленные во втором разделе действующей Конституции Республики Беларусь и обозначенные как *основные*. Можно сказать, что все конституционные права являются основными. Отечественные обществоведы в целом исходят из тождества конституционных и основных прав [160, с. 45; 413, с. 10 и др.]. Основными они считаются не только потому, что закреплены в Основном Законе государства, но и потому, что регулируют наиболее важные, существенные связи и отношения между человеком и обществом, гражданином и государством. Вопреки официальной системе правовых норм, которая возглавляется Конституцией, большое значение для реализации гражданских прав и свобод имеют правовые акты, формально обладающие наименьшей юридической силой, источником которых, как правило, является исполнительная власть. Такие нормативные правовые акты, блокируя действие вполне соответствующих международным стандартам законов, остаются вне поля зрения общественного мнения и критики (юридические коллизии).

Под юридическими коллизиями понимают расхождения или противоречия между отдельными нормативными правовыми

актами, регулируемыми одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий [448, с. 225].

Необходимо также учитывать, что в Республике Беларусь действует большое количество подзаконных нормативных правовых актов. Наличие такого явления В. Н. Бибило объясняет следующими обстоятельствами. Во-первых, при подготовке закона необходимо избрать правильный уровень детализации норм права. Если нормы права будут носить чрезмерно общий характер, то регулятивные возможности закона снизятся, и тогда необходимо будет принимать подзаконные нормативные акты. В результате окажется, что действует не закон, а эти ведомственные нормативные правовые акты. Если нормы права будут чрезмерно детализированы, это приведет к нарушению прав человека, поскольку правоприменитель будет лишен возможности выбрать в пределах закона наиболее правильный и справедливый вариант для решения дела [56, с. 49].

Мы солидарны с позицией В. И. Шабайлова, что многие вышеуказанные вопросы может снять правовой мониторинг как системная функция правоустановления и правоприменения [793, с. 75–79], а также поддерживаем мнение А. Г. Тиковенко о том, что «в целях развития и защиты конституционных ценностей и принципов, дальнейшего обеспечения реализации прав и свобод человека важно в процессе законотворчества, нормотворчества и правоприменения руководствоваться следующими принципами: недопустимости поворота к худшему; нормы Конституции, других законов должны излагаться полностью и точно; сохранение конституционного баланса публичных и частных интересов...» [718, с. 88]. Достаточно важным, по нашему мнению, является конституционный принцип непридания закону обратной силы, особенно в области прав и свобод личности. Государство в ряде случаев нарушает данный принцип [113, с. 28–29].

Заслуживает пристального внимания точка зрения А. В. Дулова, что при анализе прав человека и гражданина в Конституции необходимо учитывать имеющуюся тесную взаимосвязь между нравственными принципами общества и содержанием этих прав. Реальны только те права, которые обусловлены этими

принципами. Вся совокупность правового статуса человека и гражданина должна соответствовать закрепленным в Конституции нравственным принципам [211, с. 50].

С учетом высказанных идей перейдем к более конкретному анализу положений Конституции Республики Беларусь и некоторых иных законов.

В ст. 2 Конституции Республики Беларусь закреплено важное положение о месте человека в обществе и государстве: «Человек, его права, свободы и гарантии являются высшей ценностью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией». Эту мысль развивает ст. 21 Конституции: «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства». В научной литературе было высказано мнение, что в целом данный подход не может получить однозначной позитивной оценки, поскольку не могут частные, эгоистические интересы отдельного человека во всех случаях быть выше публичных интересов всего общества и государства. Однако на этапе формирования поставторитарного общества и государства такое внимание к правам человека не представляется чрезмерным [199, с. 52].

Как считает А. П. Дербин, «введение в абсолют прав человека повлекло безусловное признание приоритета прав личности над правами общности, социального целого, недооценку роли государства как особой организации власти, призванной управлять этим социальным целым, защищать его интересы. Подобный подход ведет к обособлению личности, затрудняет процесс социального взаимодействия, способствует нарушению баланса интересов в обществе, возникновению социального конфликта» [195, с. 158].

Белорусский ученый С. Е. Данилюк стоит на позиции того, что положения ст. 2 Конституции Республики Беларусь являются ненужными и необоснованными [183, с. 49]. В целом он ратует за концепцию прав человека в православной религии. Мы не можем согласиться с указанной точкой зрения, поскольку в данном случае Конституция закрепляет не частные, эгоистические интересы какой-либо отдельно взятой личности,

а человека как члена общества и государства. И в подобном случае просто неэтично противопоставлять права человека интересам коллектива, всего общества и государства. Наоборот, следует поддержать точку зрения о том, что для нормального развития прав человека, гармоничного взаимодействия человека и государства необходимо «органическое сочетание индивидуализма и солидарности, сотрудничество, осознание взаимной зависимости людей, живущих на нашей планете» [580, с. 89]. Аналогичное положению ст. 2 Конституции Республики Беларусь содержит ст. 1 Основного Закона ФРГ 1949 г., закрепляющая положение о том, что: «(1) Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти. (2) Исходя из этого, немецкий народ признает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека как основу всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле. (3) Нижеследующие основные права обязательны для законодательной, административной и судебной власти в качестве непосредственно действующего права» [541].

Основной Закон ФРГ закрепил основные права сразу после национал-социалистического периода в смысле классических свободных прав. Индивидуальные свободные права были провозглашены в ст. 1 абз. 1 как права человека [833, s. 64]. Государство выступает как монополист на власть, призванный обеспечивать права человека [837, s. 368]. Многомерность понятия свободы должна определяться в нивелировании функционирования основных прав и ее валентности действовать [841, s. 164].

И Германия, и Российская Федерация, и Республика Беларусь – выходцы из жесткого тоталитарного государства, где господствовала идеология одной политической партии и человек по отношению к государству и коллективу занимал подневольное положение. Для того чтобы возвысить человека, его права и достоинство, в конституциях этих государств на одно из первых мест было вынесено положение о приоритете личности перед иными формированиями общества. По нашему мнению, разработчики указанных конституций не желали противопоставлять личность коллективу, обществу и государству. Их цель – вырваться из идеологических цепей тоталитарного общественного мышления и возвысить человека в его мнении о себе и в обще-

ственном сознании. Положения ст. 2 Конституции Республики Беларусь нельзя «отрывать» от положений иных статей Основного Закона. Только в совокупности прав, ответственности и обязанностей личности, общества и государства можно рассматривать правовой (конституционный) статус личности.

По мнению известного российского исследователя права О. И. Тиунова, «в современный период в качестве концептуальной основы развития общества и государства и положения в нем личности все больше утверждается императив о том, что права человека являются наивысшей ценностью» [318, с. 2].

Что касается православной церкви и церкви вообще, то здесь актуальны слова И. Канта: «Церковное устройство (иерархия) может быть монархическим, аристократическим или демократическим – это касается только организации. Но ее основообразующий принцип во всех этих формах всегда остается деспотическим. Где статуты веры причисляются к основному закону, там господствует *клир*, полагающий, что он легко может обойтись без разума и в конце концов даже без богословской учености, ибо он – как единственно компетентный хранитель и истолкователь воли незримого законодателя – обладает авторитетом исключительного распорядителя предписаниями веры и, следовательно, будучи облечен этой властью, может не убеждать, а просто повелевать» [266, с. 195–196].

Мы поддерживаем мнение Е. А. Лукашовой, что «в современном мире речь идет о необходимости сохранения традиционных ценностей, не противоречащих законодательству и общечеловеческим ценностям, искоренения традиций антигуманной направленности, постепенного формирования правового общественного сознания, воспринимающего те универсальные стандарты прав человека, которые призваны обеспечить его свободный выбор, освобождение от давления ортодоксальных предписаний религии и вероучений, нормальную жизнедеятельность человека и народа» [393, с. 40].

Важной чертой современной конституционно закрепленной концепции прав человека, по мнению известных российских ученых-конституционалистов Е. И. Козловой и О. Е. Кутафина, является признание субъектом прав и свобод индивидуально каждого конкретного человека «исходное начало действующего конституционного и текущего законодательства – признание

человека, его прав и свобод высшей ценностью. Государство уже не рассматривается как ассоциация, охватывающая все общество, как «самая массовая организация трудящихся». Оно трактуется как представитель общества, который несет перед ним, перед гражданином, перед отдельным человеком определенные обязанности и ответственность, прежде всего обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина» [299, с. 171–173].

Российский теоретик права В. С. Нерсисянц считает, что «присущий Конституции естественно-правовой подход по существу означает, что прирожденные и неотчуждаемые права и свободы человека представляют собой исходное правовое начало.

Используемая в Конституции новая для нас естественно-правовая конструкция прирожденных прав и свобод человека по существу направлена против ранее господствовавших в советской теории и практике представлений об октроированном (дарованном сверху официальными властями) характере прав человека» [493, с. 136].

Известный российский юрист Н. М. Коркунов считал, что «государство образуется из соединения многих общественных групп, различных по своей природе и задаче, производящих каждая свое особое дело, но объединенная одним общим законом и общим интересом. Власть общества и реальность его образуется так же, как и реальность и сила вещей, взаимной зависимостью их частей. Если бы между людьми не было взаимной зависимости, если бы каждый мог удовлетворять все свои потребности сам, в полной обособленности от других людей, общество не могло бы существовать, оно не имело бы ни силы, ни реального единства» [331, с. 388–389]. В целом можно поддержать мнение О. В. Орловой о том, что «характерная черта современного этапа формирования гражданского общества состоит в отлаживании механизма соединения практического интереса индивида, определенной группы (коллектива) и общества в целом, обусловленного общностью политических, социальных и иных условий жизни» [536, с. 18].

Народ Республики Беларусь, являясь единственным источником государственной власти и осуществляя свою власть непосредственно и через представительные органы в формах и пределах, определенных Конституцией и законами Республики

Беларусь, в свою очередь, заботится о каждом гражданине в отдельности и о группах граждан, объединенных в различные общественные формирования, гарантирует и защищает их права. По мнению А. А. Головки, при такой демократической ситуации государство должно быть заинтересовано в реальном обеспечении прав и свобод граждан и их объединений, которые являются политической базой его объема власти, а также направлений и форм ее функционирования [157, с. 4–5]. Можно согласиться с позицией, высказанной в немецкой научно-правовой литературе, что такие понятия, как права человека, развитие и демократия, должны рассматриваться в тесной взаимосвязи [844, с. 132].

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы уместным закрепить в Конституции Республики Беларусь право народа Республики Беларусь на осуществление местного самоуправления.

В отечественной и зарубежной литературе права человека и местное самоуправление рассматриваются лишь как самостоятельные проблемы. Между тем сама природа этих институтов, их нормативно-правовое содержание, функциональное назначение и механизмы реализации свидетельствуют об органических взаимосвязях. Взаимопроникновение и взаимодополнение (в плане сочетания принципов индивидуализма и коллективизма) соответствующих институциональных средств выступает одной из основ развития демократии [71, с. 3]. Например, Конституция Российской Федерации не выделяет в специальную форму право на местное самоуправление, хотя в текущем законодательстве данное право признается. Исследователи указанной проблемы считают, что отмеченное несоответствие конституционных положений обусловлено тем, что «при составлении Конституции РФ достаточно четких воззрений по поводу местного самоуправления, его принципиального положения в системе управления такой страной, как Российская Федерация, выработано не было» [217, с. 41]. Представляется, что по этой же причине право на местное самоуправление не было прямо закреплено и в Конституции Республики Беларусь. Теоретические разработки понятия местного самоуправления появились в научно-правовой литературе несколько позже.

Подавляющая часть перечисленных в Конституции основных прав и свобод представляет собой не простую совокупность, а определенную научную, глубоко продуманную систему, имею-

щую логические основания. Известный российский конституционалист Л. Д. Воеводин писал о том, что «в юридической науке термин “система” применяется для характеристики политической организации общества, органов государства, права и многих других общественных явлений. Система означает, с одной стороны, целостность и единство данного явления, а с другой – внутреннюю структурную дифференциацию составляющих его частей, т. е. их известную обособленность по отношению к целому» [132, с. 175]. Систему основных прав и свобод характеризует не только их группировка, но и те приоритеты, которых придерживается Конституция в их последовательном расположении. Это отражает соответствующую идеологию, которую разделяет государство в трактовке сущности концепции правового статуса личности.

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. в основном сохранена классификация основных прав и свобод граждан, закрепленная ранее в гл. 5 и в ст. 37 Конституции БССР 1978 г. Однако последовательность их изложения была изменена: личные права и свободы граждан, политические права и свободы, социально-экономические права. Главу «Равноправие граждан» упразднили. По нашему мнению, такая классификация позволила охватить всю широту прав и свобод граждан, а выдвижение на первое место личных прав и свобод подчеркивает применение концепции естественных прав человека в деятельности нашего государства.

Долгое время в советской науке в соответствии со схемой прежних конституций отстаивался тезис, что приоритет в ряду прав и свобод должен отдаваться социально-экономическим правам граждан, а не их личным правам и свободам, и все основные права должны были рассматриваться в строгом соответствии с действовавшими тогда конституциями СССР. Такова была официальная политическая установка [132, с. 189]. Мы поддерживаем мнение Г. А. Василевича о том, что «фундаментом в системе прав и свобод являются неотъемлемые права, т. е. те, которые человек получает от рождения и которые не даруются государством. Именно на них базируются все иные права, поэтому мы можем говорить об их приоритете» [110, с. 6].

В юридической науке предлагаются различные виды классификации прав и свобод личности. Это зависит от тех критериев,

которые берутся за основу. Важно, чтобы критерии отвечали определенным реальным требованиям: они должны иметь качественный характер, быть общественно значимыми, присутствовать в каждом подразделении, способствовать выявлению особенности каждой группы и каждого вида. Как справедливо утверждают А. М. Абрамович и В. А. Кучинский, несмотря на то что разными авторами за основание классификации прав и свобод принимаются на первый взгляд различные критерии, в конечном счете ими признается единая, по сути дела, группировка этих прав и свобод [6, с. 5; 358, с. 23]. Например, в советской науке государственного права предпринимались попытки все права, свободы и обязанности граждан подразделить (классифицировать) на основополагающие (конституционные), материальные и процессуальные [817, с. 29–36].

На современном этапе конституционные права и свободы большинство ученых классифицируют в зависимости от их содержания (личные, политические, социально-экономические, культурные). По исторической последовательности выделяют три поколения прав, ряд исследователей – четыре. Наиболее известными классификациями, по мнению армянского исследователя Г. М. Бадириана, «являются права человека и гражданина, которые в своем историческом возникновении, существовании и обоснованиях имеют несколько волн (поколений) таких новаций и перемен – от эпохи первых современных социальных и политических революций (с их лозунгами: равенство, свобода и собственность) до эпохи противоборства социализма и капитализма (с акцентом на коллективные права), а также сосуществования глобализма, культурного регионализма и национального сепаратизма» [41, с. 61].

В Конституции Республики Беларусь впервые получило закрепление положение о приоритете общепризнанных принципов международного права и обеспечения в соответствии с ними внутреннего законодательства.

В Советском государстве область прав человека признавалась сугубо внутренним делом государства. Запрещалось вмешательство международных организаций в сферу положения дел с правами человека. На практике не допускались какие-либо действия, связанные с проверкой на территории СССР применения норм международного права, права обращения граждан

в международные организации за защитой прав человека, создания каких-либо общественных формирований, ставящих целью защиту этих прав [300, с. 184].

По мнению австрийского юриста-международника Ф. Эрматора, высказанному в работе «Права человека и внутренняя компетенция государств», «...практика государств, свидетельствует об их нежелании передавать вопрос о соблюдении Пактов о правах человека и других международных актов в ведение международных организаций» [831, р. 397].

Гарантированность является одним из важнейших конституционно провозглашенных принципов, получивших правовое выражение в различных формах: как общее начало, которое свойственно реализации всего объема прав и свободы личности, так и посредством закрепления конкретных гарантий каждого права и свободы в отдельности. Субъектом, на которого в первую очередь возлагаются гарантии прав и свобод, является государство. В отличие от Конституции Российской Федерации Конституция Республики Беларусь прямо не указывает на государство как главного гаранта прав и свобод человека, но эта роль вытекает из ряда ее статей (ст. 6; 10; 60 и др.) [322].

Обязанность как элемент правового статуса личности закреплена в ст. 52–58 Конституции Республики Беларусь. Обязанность государства перед личностью содержится в ст. 59 Основного Закона [322].

В целом Конституция Республики Беларусь закрепляет все положения международно-правовых актов, касающиеся правового статуса человека. Более половины статей Основного Закона нашего государства посвящены определению правового статуса человека и гражданина. Эти статьи сконцентрированы в разделе II «Личность, общество, государство», отдельные статьи имеются в разделе I «Основы конституционного строя», в разделе III «Избирательная система. Референдум» (гл. 6 «Суд») и в разделе V «Местное управление и самоуправление». Ни одна из ранее действующих советских конституций не закрепляла такого количества личных прав и свобод граждан. Это права и свободы, которые неотделимы от личности, присущи только ей.

Советская правовая наука отрицательно относилась к естественным правам. В ст. 24 Конституции закреплено право на жизнь, а в ст. 25 указывается, что государство обеспечивает

свободу, неприкосновенность и достоинство личности, судебную проверку законности задержания или ареста, а также то, что никто не может подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению или наказанию и подвергаться медицинским или иным опытам без личного согласия. Данные положения Конституции детализируются в текущем законодательстве и описываются рядом авторов [643, с. 99–112; 770, с. 86–98]. Конституция Республики Беларусь и текущее законодательство не указывают, к сожалению, что понимается под понятием «достоинство личности». Можно согласиться по данному вопросу с Г. А. Василевичем о том, что содержание данной категории достаточно широкое: «Охватывающей наряду с правом на жизнь все явления (права и свободы), характеризующие такое качество жизни, которое не только субъективно (в силу личных ощущений, т. е. личностная самооценка), но и объективно подтверждают и обеспечивают статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности» [108, с. 25].

Вместе с тем мировое сообщество в целом и отдельные государства сталкиваются сегодня с рядом трудноразрешимых этико-правовых проблем, одной из которых является дилемма между действием в современных условиях абсолютного правового запрета пыток и долгом государства применять насилие для поддержания правопорядка [48, с. 114].

Право на жизнь – одно из основных неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения. Оно закреплено нормами важнейших международных документов о правах человека (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [137], ст. 6 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [457]). Это право является стержневым в том смысле, что многие другие конституционные права (например, право на благоприятную окружающую среду, охрану здоровья, личную неприкосновенность и др.) имеют своей конечной целью обеспечение реализации права на жизнь. Право на жизнь гарантируется не только Конституцией: нормы, охраняющие жизнь человека, содержатся в уголовном законодательстве (ответственность за убийство, оставление в опасности, доведение до самоубийства и т. д.) [290, с. 329], трудовом законодательстве (правила техники безопасности) и законодательных актах других отраслей.

Право на жизнь – естественное право человека на ненасильственную смерть. «Никто не может быть произвольно лишен жизни» (ст. 6 Пакта о гражданских и политических правах) [137].

В связи с этим естественна постановка вопроса о смертной казни как исключительной мере наказания. В последнее время ведется весьма активная дискуссия вокруг проблемы смертной казни [75; 182; 200; 281; 282; 421; 422; 428; 474; 498; 543; 609; 680 и др.]. Является ли она фактором, сдерживающим преступность? Нарушает ли она права человека? Применять ли ее в современный период развития общества или отказаться от нее? На эти и многие другие вопросы по-разному отвечают ученые, юристы-практики, общественные и политические деятели, писатели, граждане. Если в европейских государствах смертная казнь отменена практически полностью, то в США этот вид наказания применяется более чем в половине штатов.

Конституция Республики Беларусь закрепляет положение о том, что смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления. В Республике Беларусь только в 1998 г. более 40 человек было приговорено к исключительной мере наказания [111, с. 83]. В настоящее время применение этой меры наказания значительно снизилось. Можно согласиться с мнением, высказанным в правовой литературе, что «необходимыми условиями для отмены этого страшного возмездия должны быть, в частности, следующие: нормализация социально-экономической обстановки в стране, рост благосостояния населения, реальные успехи в борьбе с преступностью, сокращение числа умышленных убийств вообще и умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах в особенности, повышение общей и политико-правовой культуры граждан и должностных лиц и пр.» [427, с. 260–261].

Одним из дискуссионных вопросов юридической науки является оказание медицинских услуг для безнадежно больного по его просьбе для преждевременного ненасильственного ухода из жизни (эвтаназия) [35; 199; 284; 291 и др.]. Эта проблема достаточно активно обсуждается и в зарубежной юридической науке – итальянской [271 и др.], немецкой [835, с. 23–30 и др.].

В последнее время в мировой научной среде проходят острые споры на предмет клонирования человеческого тела или отдельных человеческих органов в медицинских целях: насколько это соответствует этике, морали, религии, правам человека [186; 255, с. 87–93; 837; 838, с. 69–76 и др.].

Можно согласиться с мнением авторов, полагающих, что право на жизнь состоит из права каждого индивидуума на проживание в биологической среде, не наносящей вреда витальной, физической, психической, генетической, репродуктивной, духовной и интеллектуальной составляющим жизнедеятельности [766, с. 40].

В Конституции личные права и свободы стоят на первом месте, они лишь фиксируются и не навязываются гражданам. Вопрос о том, исполнять их или нет, решает каждый гражданин самостоятельно. Кроме вышесказанных, к ним относится право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательств на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство (ст. 28) [322]. Закрепляется презумпция невиновности. Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы (ст. 27) [322].

Конституция обеспечивает неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан (ст. 29) [322]. Рассматривая конституционное право на жилище, необходимо уяснить вопрос о самом понятии жилища. К жилым помещениям относятся жилые дома, квартиры в многоквартирных жилых домах, а также изолированные жилые комнаты в домах либо квартирах. Жилым признается помещение, отвечающее установленным санитарным, противопожарным, градостроительным и техническим требованиям и предназначенное для проживания граждан [667, с. 32].

В начале XX в. большинство правовых актов нормативно не закрепляли право на неприкосновенность частной жизни. Предпочтение отдавалось лишь праву на тайну переписки, телеграфных, телефонных сообщений. Лишь после окончания Второй мировой войны при реформировании государственных систем в новых конституциях появилось упоминание о частной жизни человека [616, с. 7].

Граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах территории республики, покинуть ее и беспрепятственно возвращаться обратно (ст. 30 Конституции) [322]. Однако это конституционное право долгое время искажалось подзаконными нормативными актами (так называемым институтом прописки). В настоящее время достигнут значительный прогресс в реализации данного права граждан в связи с введением института регистрации. В Российской Федерации имеются достаточно весомые ограничения в реализации права граждан на выбор места жительства [468, с. 14–15].

Согласно ст. 31 Конституции каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии [322]. Свобода совести включает в себя все многообразие форм мировоззренческой ориентации, реализуемых единолично или коллективно на принципах равенства [473, с. 29–32]. Интересно мнение, высказанное в научной юридической литературе, с которым нельзя не согласиться: «Если следовать логике максимально широкого понимания свободы совести, то права религиозных сообществ должны рассматриваться как производные от права каждого индивида на свободу совести, а значит, деятельность религиозных объединений должна регулироваться на общих основаниях, как общественных и некоммерческих...» [96, с. 24–25].

Достаточно актуальной является проблема, поднятая российским исследователем Г. Н. Комковой, о том, что «провозглашенный в Конституции принцип светского государства должен иметь логическое продолжение в текущем законодательстве, которое зачастую его искажает, предоставляя привилегии определенным религиозным конфессиям, закрывая глаза на осуществление религиозных культов в государственных и муниципальных учреждениях» [312, с. 27]. Вместе с тем необходимо отметить, что конституции и законодательство национальных государств различаются по регулированию свободы вероисповедания. Например, в США законодательство в области свободы совести более мягкое, чем в ФРГ [858, с. 5]. В научно-правовой литературе высказано мнение о том, что часто судьи и иные государственные чиновники – это члены доминантной культуры или религии, они имеют свои предубеждения, когда речь идет о решении вопросов, связанных с религией [567, с. 51].

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях [322].

Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33 Конституции Республики Беларусь) [322]. Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что право на свободу мысли и слова имеет достаточно сложный характер.

Исследуя право на свободу слова, важно различать его структурные элементы. Во-первых, это свобода каждого человека выражать свои мысли, идеи и суждения при условии следования предписаниям закона. Во-вторых, это свобода печати и других средств массовой информации как свобода от цензуры и право на создание и использование органов информации, позволяющее материализовать свободу выражения мнений и убеждений. Наконец, свобода слова предполагает право быть информированным, т. е. иметь доступ к источникам информации. Указанные элементы этой свободы тесно взаимосвязаны и существуют в неразрывном единстве [389, с. 128]. Достаточно важной является проблема ограничения свободы слова в целях защиты прав и свобод других граждан или в целях национальной безопасности и общественного порядка [185, с. 274–278].

Необходимо отметить, что отношения неприкосновенности личности, ее жилища, тайной жизни есть не что иное, как форма обеспечения (гарантии) личной свободы граждан.

Каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности (ст. 50 Конституции Республики Беларусь). В соответствии с данной нормой внесены изменения в различного рода инструкции, регулирующие порядок заполнения личных листков по учету кадров, паспортов и иных документов.

Каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения (ст. 50 Конституции Республики Беларусь) [322].

К личным правам относится и право граждан на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений (ст. 115 Конституции Республики Беларусь) [322].

Закрепление в Конституции Республики Беларусь моральных устоев личной жизни человека, гуманизма, присущего всему человеческому сообществу в целом, призвано способствовать ускорению формирования гражданского общества в нашем государстве.

Вторая группа конституционных прав граждан – это политические права и свободы, определяющие формы и пределы участия граждан в делах общества и государства.

В отличие от основных личных прав, которые по своей природе неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку от рождения, политические права и свободы связаны с обладанием человека гражданством государства. Это различие отражает Конституция, адресуя личные права «каждому», а политические – «гражданам».

Естественный характер прав гражданина вытекает из следующей конституционной нормы: «Единственным источником государственной власти в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно и через представительные органы в формах и пределах, определенных Конституцией» (ст. 3) [322]. Власть народа проявляется также во всех элементах и субъектах политической системы общества (ст. 4, 5) [322]. По справедливому утверждению А. А. Головки, политика – высшая форма самореализации народа [155, с. 28]. Мы поддерживаем мнение О. В. Орловой о том, что «политические права и свободы человека составляют стержень политической свободы и в этом качестве отражают ее уровень» [538, с. 51].

Важную проблему поднимают А. В. Матусевич и А. В. Малько: в целях управления делами общества в целом, хотя и состоящего из отдельных личностей, создаются механизмы, объективное назначение которых состоит в формировании воли большинства, а также ее реализации. Содержание управленческих решений должно быть максимально приближено к содержанию воли каждого гражданина. Но реализовать это на практике сложно [453, с. 36–39; 427, с. 297].

Конституция Республики Беларусь закрепляет большой объем политических прав и свобод граждан, реализация которых позволяет им более активно участвовать в осуществлении политической власти. В первую очередь это право на информацию.

Статья 34 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на получение, хранение и распространение полной достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы [322]. На наш взгляд, п. 2 ст. 34 Конституции Республики Беларусь необоснованно сужает круг субъектов, граждан, которые могут ознакомиться с материалами, затрагивающими их права. Необходимо распространить положение этой статьи на всех людей, проживающих на территории страны.

В Австрии, например, любой человек, будь то гражданин страны или иностранец, может получить интересующую его информацию от административных органов [124, с. 112].

Право на информацию является одним из фундаментальных прав человека, призванных обеспечить не только его личные интересы, но и участие в делах общества и государства. Под свободной информацией понимают «информацию, связанную с процессом познания и свободно циркулирующую между различными материальными носителями (например, передаваемое по радио сообщение либо опубликованная статья) как сведения» [166, с. 75]. Рассматриваемое право относится к числу политических прав человека и гражданина и связано не с отношениями между гражданами, а с их отношениями с государственными органами. Деятельности этих органов государства должна быть присуща информационная открытость, призванная обеспечить доступность для личности информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы человека, систематическое информирование граждан о подготавливаемых и принятых решениях. Гражданам должны быть доступны материалы (стенограммы, протоколы заседаний и т. п.) при условии, что в них нет сведений, содержащих государственную тайну [171, с. 29].

К сожалению, в государственно-правовой системе Республики Беларусь отсутствует механизм реализации права на инфор-

мацию. В связи с этим в ближайшее время необходимо разработать данный механизм. По нашему мнению, в современных условиях быстрого развития научно-технического прогресса особенно важной является правовая информация. Стремительное обновление законодательной базы нашего государства ставит задачу сформировать информационное пространство, обеспечивающее правовую информированность общества в целом и каждого гражданина в отдельности.

Можно согласиться с мнением о том, что сегодня просто необходимо создать сеть информационно-юридических услуг для граждан, ибо в этом случае повышается эффективность права и его применения [534, с. 67].

Как справедливо полагает А. В. Матусевич, «в условиях чрезвычайно большого количества нормативных актов совершенно недемократичным является применение презумпции знания закона, которая сводится к тому, что незнание закона не освобождает от ответственности. Возможно, эта презумпция может быть сохранена при оценке деяния конкретного гражданина только с одновременным действием другой презумпции, касающейся всех субъектов права: только знание может быть основанием ответственности» [453, с. 37].

Выступая на открытии круглого стола в Государственной Думе Российской Федерации 25 ноября 1997 г., Ги де Вель, генеральный директор Департамента по правовым вопросам Совета Европы того периода, отмечал следующее: «Если незнание закона не может оправдывать бездействие, то это предполагает, что государство обязано информировать своих граждан обо всех нормативных решениях соответствующими средствами, особенно путем опубликования этих норм» [120, с. 108]. В целом процесс становления и развития права на информацию прошел длительную эволюцию [377]. В настоящее время существует ряд проблем реализации данного фундаментального права.

Право на информацию непосредственно связано с понятием «правовая культура». Правовая культура с точки зрения информационно-семиотического подхода – это правовая информация (совокупность регулятивов, ценностей и знаний в области правовой действительности), которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем. В состав правовой культуры входит информа-

ция, заключенная: а) в правовом сознании; б) правовой науке; в) правовой деятельности; г) материальных предметах, обеспечивающих и сопровождающих правовую деятельность; д) юридических актах [288, с. 52]. Правовая культура – один из аспектов общечеловеческой культуры, воплотившийся в праве и юридической практике, один из обязательных элементов гражданского общества, правового государства. Она включает в себя и правовую культуру населения, и правовую культуру должностных лиц, органов власти, государства в целом [288, с. 54].

Вместе с тем «массово-коммуникативные технологии могут представлять для общества и немалую угрозу, которая порождает серьезную проблему информационно-психологической безопасности населения» [676, с. 197].

Идея использования современных информационных и компьютерных технологий для обеспечения юристов Республики Беларусь нормативной правовой информацией впервые была определена в Концепции судебно-правовой реформы. В настоящее время действует достаточно много качественных нормативных правовых актов в данной области, позволяющих говорить о сформированной системе государственной правовой информации [507; 509; 510; 522; 523; 524; 531; 532].

Право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, свободного, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (ст. 38 Конституции) – право, которое подробно регламентируется в Избирательном кодексе Республики Беларусь.

Определяя место избирательных прав в общей системе прав и свобод личности, прежде всего следует отметить, что термин «избирательные права», употребляемый именно во множественном числе, включает в себя целый комплекс самостоятельных, но одновременно взаимосвязанных друг с другом прав и свобод: а) право избирать (активное избирательное право); б) право быть избранным (пассивное избирательное право); в) право участвовать в выдвижении кандидатов; г) право участвовать в предвыборной агитации; д) право участвовать в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий; е) право участвовать в иных избирательных действиях и т. д. [445, с. 32]. Пристального научного внимания заслуживает, например, подход М. С. Матейковича к определению избирательных прав во

взаимосвязи с другими основными правами и свободами (личными, социально-экономическими и др.), реализуемыми в избирательном процессе, при этом государство выступает основным гарантом стабильности и честности процедуры выборов [444, с. 18–19].

Можно согласиться с мнением Н. И. Рудовича о том, что «выборы считаются справедливыми, если процедура их проведения согласована со всеми заинтересованными сторонами, включая оппозицию, и строго всеми соблюдается. При таких условиях проигравшая сторона не может никого винить в проигрыше и, естественно, признает итоги голосования» [625, с. 176].

В соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой граждане имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах, что нашло закрепление в законах о прокуратуре [521], об органах внутренних дел [530] и других нормативных правовых актах государства.

Действующее белорусское законодательство четко устанавливает организационно-правовые формы, в которых осуществляется государственная служба и ограничивает круг лиц, обладающих статусом государственных служащих [789].

В научно-правовой литературе о государственной службе обосновываются различные точки зрения на структуру правового статуса. Традиционно деление служебных прав и обязанностей на общие для всех государственных служащих и специальные, обладание которыми связано с конкретной должностью [297, с. 15].

В соответствии со ст. 37 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право сами участвовать в решении государственных дел, а также через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами. Более подробно право на непосредственное участие регулируется Избирательным кодексом Республики Беларусь и другими нормативными правовыми актами. Можно согласиться с мнением А. А. Тер-Акопова, что «право на управление государством – это право на государственное обеспечение безопасности человека; оно носит интегрирующий и гарантирующий характер; все

жизненные блага человек добывает только в государстве, потому он должен иметь возможность строить государство в соответствии со своими интересами» [711, с. 41]. Одним из важных защитно-обеспечительных факторов является также концентрация усилий общества и государства по повышению активности населения и отдельного гражданина в самоуправлении [36, с. 13].

Каждому предоставляется право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы, а последние обязаны рассмотреть их и дать ответ по существу в определенный законом срок. Данное право можно реализовать в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» [528]. Однако рассматриваемый законодательный акт не в полной мере регулирует эту область общественных отношений. Например, не конкретизирована ответственность должностных лиц за нарушение положений Закона. Необходимо, по нашему мнению, дополнить Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» следующими положениями: закрепить принцип, согласно которому гражданин, подающий жалобу, должен обращаться прежде всего в тот орган, который обязан ее решить по первой инстанции, а также определить конечную инстанцию в системе органов, принимающих окончательное решение, что, на наш взгляд, должно в большей степени исключить пересылку жалоб и повторные обращения.

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. сохранены свободы собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь (ст. 35) [322].

Каждый имеет право на свободу объединений. Судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели. Данные ограничения соответствуют нормам международного права и установлены для обеспечения независимости и объективной деятельности указанных должностных лиц. В принципе, любая общественная и трудовая деятельность не только накладывает на человека определенные обязанности, но и ограничивает его права. Но есть сфера

деятельности человека, которая напрямую связана с ограничением значительной части индивидуальных прав. Это прежде всего государственная служба, поступая на которую индивид сознательно отказывается от части своих гражданских прав, что, в свою очередь, компенсируется обществом и государством морально и материально [184, с. 11].

Гражданам Республики Беларусь в количестве не менее 50 тысяч человек предоставлено право законодательной инициативы (ст. 99 Конституции) [322].

В соответствии с юридическим содержанием политических прав и свобод граждане вправе требовать от государства исполнения обязанностей, закрепленных в Конституции. Вместе с тем государство должно ограничивать проведение массовых мероприятий, призывающих общество к анархии, нарушению общественного порядка. В данном вопросе государственными органами должны соблюдаться принцип законности, чувство такта, гибкости и т. д. Здесь нужно более четкое законодательство, определяющее границы проявления свобод участниками массовых мероприятий. Заслуживает внимания мнение российского исследователя С. В. Калашникова, считающего, что «юридическую ответственность за нарушение общественного порядка при проведении подобных политических мероприятий должны нести те граждане, которые непосредственно нарушают политические права граждан и провоцируют массовые беспорядки, а не те, кто использует закрепленные в Конституции права» [262, с. 5]. Наблюдается постоянное сближение европейских стандартов в области свободы мирных собраний с законодательством Республики Беларусь [652, с. 25].

Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что сегодня в мире почти не осталось государств, которые открыто отвергают политические права и свободы. Вместе с тем элиты и лидеры многих из них освоили новые технологии использования данных прав и свобод, точнее, технологии манипулирования ими, которые на практике частично или полностью выхолащивают суть этих прав. Так, права граждан на участие в управлении делами государства и общества, в том числе через участие в выборах, зачастую нарушаются и не реализуются прежде всего из-за установления монопольного контроля властей и узких финансово-экономических элит над СМИ, концен-

трации в их руках ресурсов, использования ими бюрократически-полицейского аппарата (так называемого административного ресурса) и лишения граждан права на политическую оппозицию [672, с. 92–94].

Достаточно актуально в настоящее время звучат слова профессора А. М. Абрамовича о том, что «необеспеченность основных политических прав и свобод в конечном итоге ведет... к отчуждению власти от народа, которое достигается различными средствами, начиная от использования в гигантских масштабах формализма в механизмах реализации политических прав и свобод, обработки масс соответствующей идеологией и кончая привлечением карательных органов для обеспечения преступными методами антинародных политических устремлений, диктатуры личной, авторитарной власти» [7, с. 17–18].

В действующей Конституции Республики Беларусь отдельную группу основных прав составляют социально-экономические и культурные права: право на труд, отдых, собственность, охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права, на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом, право на жилище, образование. Государством гарантируется доступность и бесплатность общего, среднего и профессионально-технического образования.

Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на подготовке специалистов в юридических учебных заведениях (юристов-профессионалов) по пропаганде конституционных норм, правовому просвещению в области прав и свобод человека и гражданина. Современные условия требуют новых подходов к образованию. Общеизвестно, что существуют бюджетная и платная формы подготовки специалистов и к обеим формам в равной мере должны предъявляться высокие требования со стороны государства. С подготовкой юристов-профессионалов связано такое направление конституционно-правовой политики, как пропаганда норм Конституции Республики Беларусь и правовое просвещение в области прав и свобод личности.

Каждый имеет право на участие в культурной жизни. Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитием сети культурно-просветительных фондов.

В условиях рыночной экономики претерпело изменение и содержание права человека в сфере труда. Можно согласиться с мнением о том, что практической целью осуществления на государственном уровне этого индивидуального права является обеспечение работой всех желающих. Оно предполагает также эффективную защиту от безработицы, предоставляемую государством любому лицу [47, с. 118].

Впервые в Советском Союзе и БССР право на труд было закреплено в Конституции СССР 1936 г. [321] и Конституции БССР 1937 г. [320]. Содержание этого права раскрывалось как гарантии на получение работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством. В Конституции БССР 1978 г. было добавлено право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей (ст. 38) [319].

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. право на труд нашло совершенно новую интерпретацию. Статья 41 гарантирует гражданам Республики право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также право на здоровье и безопасные условия труда.

Государство создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице в соответствии с законом.

Лица, работающие по найму, имеют право на вознаграждение за выполненную работу в соответствии с ее количеством, качеством и общественным значением, но не ниже установленного государством минимального размера. Женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние имеют право на равное воз-

награждение за труд равной ценности (ст. 42 Конституции Республики Беларусь).

Важной гарантией права на труд является обеспечение гражданину реального отдыха, способствующего восстановлению его сил и работоспособности. В соответствии со ст. 43 Конституции Республики Беларусь право на отдых для работающих по найму обеспечивается установлением рабочей недели, не превышающей 40 часов, сокращенной продолжительностью работы в ночное время, предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха.

Новое содержание объективно обусловлено изменением роли государства, переставшего быть единственным собственником всех средств производства, не имеющим возможность вследствие этого быть, как раньше, и единственным работодателем, гарантом, обеспечивающим получение каждым гарантированной работы. Эти конституционные положения достаточно подробно детализируются в Трудовом кодексе Республики Беларусь [733].

В соответствии со ст. 44 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует каждому право собственности, содействует ее приобретению и защищает ее. Право собственности является основополагающим институтом, выходящим за пределы какой-либо одной отрасли права. В то же время непосредственная регламентация отношений собственности осуществляется нормами конституционного и гражданского права [729, с. 115].

В литературе справедливо отмечается, что в Конституции основным правом (свободой) человека и гражданина признано не право частной собственности, а право человека иметь частную собственность (право человека на собственность). Данное право имеет конституционную природу и реализуется путем приобретения права частной собственности в соответствии с нормами гражданского законодательства [243, с. 82]. В данном случае актуальной проблемой является переход собственности из частной в публичную и наоборот [193, с. 47–52]. Вместе с тем вопрос о том, что есть право собственности, является не только ключевым для юридической науки, но и не получившим до сих пор адекватного ответа [38, с. 44].

Важной проблемой, по нашему мнению, является конституционное регулирование земельных отношений. Земля является

конструктивной основой любой недвижимости и в этом качестве ее роль как объекта гражданского оборота в условиях рыночной экономики огромна [695, с. 29]. По нашему мнению, в Конституции Республики Беларусь должны быть закреплены основные принципы по владению, пользованию и распоряжению землей. Например, ст. 36 Конституции Российской Федерации закрепляет положение, что граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю [324].

Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. По данному вопросу нам представляется важным научный опыт других государств по реформе земельной собственности [97]. Можно согласиться с мнением о том, что ни одна из форм собственности не обладает только плюсами или только минусами. Лишь их сочетание, взаимодействие и конкуренция позволяют найти для каждой из них соответствующую экономическую нишу, где она оказывается более эффективной, чем другие. В итоге достигается и максимальный интегральный результат. Именно поэтому многообразие форм собственности является мощным ускорителем экономического прогресса [5, с. 52]. Следует поддержать точку зрения о том, что, для того чтобы граждане, субъекты хозяйствования чувствовали себя комфортно, необходимо иметь государственно-правовую систему, в которой обеспечивается оптимальный баланс интересов государства, общества и отдельного гражданина [112, с. 3]. В целом мы поддерживаем мнение С. М. Сивца о том, что социальная политика государства является доминирующим фактором политической стабильности и общественного согласия [659, с. 55–61].

Рассмотрим не менее актуальный вопрос об ограничении конституционных прав человека и гражданина в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Наиболее четкая, на наш взгляд, формулировка правового ограничения прав и свобод личности предложена российским исследователем И. Д. Ягофаровой: «Правовое ограничение – это предусмотренное правовыми нормами уменьшение количества вариантов юридически дозволенного поведения личности путем установления различных пределов такого поведения либо полный его запрет» [821, с. 120].

В ст. 63 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что осуществление предусмотренных Конституцией прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом. При осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения не может быть ограничено право на жизнь (ст. 24), никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам (ч. 3 ст. 35), никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не должен доказывать свою невиновность (ст. 26) и право на вероисповедание (ст. 31).

Применение норм законодательства о чрезвычайном положении таит в себе элементы опасности для прав человека. Некоторые авторы справедливо отмечают, что задача состоит в том, чтобы найти оптимальные варианты, которые сократят этот негатив до возможного минимума [557, с. 18–19; 756, с. 159–160 и др.]. В целях эффективной реализации законодательства о чрезвычайном положении необходимо обеспечить надежные гарантии нормального функционирования законодательных органов государственной власти в период действия особого режима. Законодательный контроль за актами и действиями органов чрезвычайного правления и существование особых процедур такого контроля особо важны для реализации демократии и принципа верховенства права [784, с. 23–24].

Особенно важным и сложным является вопрос вторжения государства в личную жизнь человека. И. Л. Петрухин анализирует следующие предусмотренные законом способы вмешательства: перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции и сообщений, передаваемых по техническим каналам связи; прослушивание телефонных и иных переговоров с использованием современной техники, открывающей почти безграничные возможности для прослушивания и наблюдения; входение в жилище вопреки воле проживающих в нем лиц и проведение обыска, а также возможность в оперативно-розыскных целях тайного проникновения в жилище, его осмотра, обследования

и установки в жилище прослушивающих и иных устройств [561, с. 232]. Достаточно актуален вопрос о доктрине критериев ограничения прав человека как конституционно-правового учения о критериях разграничения права и произвола [372].

Конституция Республики Беларусь закрепила фундаментальное право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (ст. 46). Данное право является составной частью других естественных прав и находит широкую поддержку среди всей мировой общественности. «Всемирная устойчивая защита ресурсов и поддержание здоровой флоры и фауны становятся из-за чрезмерного увеличения народонаселения и дополнительной потребности в ресурсах глобальной и центральной задачей прав человека, иначе покрытие ущерба станет слишком дорогим или невозможным» [143, с. 32]. К сожалению, мировому сообществу так и не удалось наладить на международном уровне плодотворное сотрудничество в области решения назревших экологических проблем [811, с. 166–168].

Мы поддерживаем мнение Т. И. Макаровой, что «право на благоприятную окружающую среду занимает место среди фундаментальных прав человека, независимо от присущего ему коллективного характера и его определенной связи с экономическим уровнем государства» [407, с. 113]. Вместе с тем, по мнению Е. В. Лаевской, юридическая природа права на благоприятную окружающую среду является определенной дискуссионной проблемой, что влияет на формирование правоприменительных подходов в выборе форм и способов защиты этого права [365, с. 371–378].

Достаточно актуальна и проблема реализации права граждан на возмещение экологического вреда [434, с. 385–391]. В научной литературе высказано мнение о том, что «практически вернулись к нам эпидемии средневековой поры, только в обновленном и более расширенном виде – сердечно-сосудистые и профессиональные заболевания, умственная неполноценность, рак, наследственные болезни, СПИД, различного рода фобии» [114, с. 9]. Признание экологических прав создает необходимые предпосылки для их реализации. Данные права обеспечиваются правосудием и должны определять смысл, содержание и применение законов; деятельность законодательной, исполнительной

власти, местного самоуправления и управления. В действующем экологическом законодательстве предусмотрены некоторые механизмы обеспечения соблюдения экологических прав, включая экологическое нормирование, экспертизу, лицензирование, мониторинг, контроль и др. Созданы определенные механизмы защиты таких прав. Однако нерешенных проблем в области защиты экологических прав достаточно много [100, с. 67–72; 407, с. 110–113 и др.]. Например, в России экологический кризис имеет ряд проявлений, в том числе высокий уровень загрязнения природы. За последние 30 лет продолжительность жизни мужчин в России сократилась с 71 года до 57 лет. По данным ВОЗ, состояние здоровья людей до 80 % определяется экологическими условиями. Эффективность действия экологического права в значительной мере зависит от того, насколько при создании и применении правовых норм будут учитываться достижения других наук, в том числе естественных [116, с. 84].

Следует поддержать высказанное в юридической литературе мнение, что перспективы развития экологических прав граждан в решающей степени зависят от эффективности общественного участия в принятии экологически значимых решений. Это превентивный и потому наиболее эффективный способ защиты экологического интереса [84, с. 91–92]. «Одной из основных потребностей человека является потребность в безопасности, удовлетворение которой предполагает как деятельность самого человека по ее обеспечению средствами, не запрещенными законом, так и создание и функционирование системы государственно-правовой основы обеспечения безопасности личности, общества и государства» [642, с. 21]. Достаточно актуальным представляется мнение Е. В. Лаевской, рассматривающей участие граждан в решении вопросов охраны окружающей среды как способ самозащиты права на благоприятную окружающую среду [365, с. 371–378].

В глобальной системе «человек – природа» выделяют пять систем, находящихся во взаимодействии: природа (атмосфера, гидросфера, литосфера, биосфера); человек (этносфера); техносфера; социосфера; информационная сфера (всеобщее информационное пространство). Под термином «опасность» понимается ситуация в окружающей среде, когда при определенных условиях возможно возникновение нежелательных событий, явлений

и процессов (опасных факторов), воздействие которых на человека и окружающую среду может привести к негативным последствиям или их совокупности (отклонение здоровья человека, ухудшение состояния окружающей среды). Выделяют также следующие факторы опасности: экологические; социально-экономические; техногенные; военные [501, с. 5–7]. В порядке постановки проблемы известный российский исследователь профессор М. М. Бринчук считает, что «при разработке методологических оснований экологического права важно принимать во внимание объективные условия и состояние современного этапа общественного развития во всем его многообразии и проявлениях. При этом необходимо учитывать всю совокупность основных составляющих нынешнего общественного развития, наиболее существенные из которых (в частности, экологическая, социальная, экономическая, культурная) оцениваются как кризисные» [83, с. 345].

Как справедливо отмечает Г. А. Василевич, «оценивая в целом Конституцию, можно сказать, что, несмотря на некоторые минусы, она создает условия для формирования сильного государственно-правового механизма. Поэтому очень важно, чтобы мерилom деятельности государственных органов было их стремление к демократии, обеспечению прав и свобод граждан» [109, с. 40].

4.3. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Зарождение и развитие института правового статуса личности на начальном этапе проходили в рамках национальных законодательств. Вместе с тем такие акты, как английский Билль о правах 1689 г., американский Билль о правах 1789–1791 гг., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и другие оказали весомое влияние на развитие в целом правового статуса личности. До Второй мировой войны в рамках Лиги Наций действовала система защиты национальных меньшинств. Однако в целом соблюдение прав человека в тот период международного сотрудничества не являлось международно-правовым

обязательством государств [1, с. 7]. И только с принятием Устава Организации Объединенных Наций 26 июня 1945 г. началось сотрудничество государств в международном масштабе по закреплению и защите прав человека. Происходит создание всеобъемлющей системы защиты прав и свобод человека.

Заслуживает внимания высказанная в юридической литературе точка зрения, что на протяжении столетий международное право развивалось на базе опыта внутригосударственного права. Сегодня гораздо больше учитывается специфика международной жизни и международного права, усиливается обратное влияние последнего на внутригосударственное право [634, с. 73–74]. И. Кант под международным правом понимал «право гражданина мира. <...> Это право, поскольку оно имеет возможное объединение всех народов для [установления] определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом гражданина мира» [266, с. 388–389]. «Право государств в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется международным правом, – оно должно было бы, скорее, называться междугосударственным» [266, с. 379]. По мнению известного российского юриста-международника Е. Т. Усенко, «международное право есть право между народами, представленными в этой правовой системе своими государствами как политическими организациями власти. Государство как субъект международного права – это лишь представитель своего народа» [740, с. 13].

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о взаимосвязи международного и внутригосударственного права. В доктрине международного права в настоящее время существуют две теории соотношения международного и внутригосударственного права – монистическая и дуалистическая. Монистическая теория исходит из того, что международное и внутригосударственное право составляют единую правовую систему; дуалистическая рассматривает их как две различные, независимые друг от друга системы. На наш взгляд, можно согласиться с доводами С. В. Черниченко, что «ни одна норма международного права в иерархическом отношении не стоит выше какой-либо нормы внутригосударственного права, как, впрочем, ни одна норма внутригосударственного права не стоит выше какой-либо международно-правовой нормы. Они действуют в разных плоскостях,

реализуются в разных сферах, обусловленных природой регулируемых отношений. Поэтому представляется неправильной даже постановка вопроса о возможности применения международного права во внутрисударственной сфере, равнозначная утверждению о том, что международное право в каких-либо случаях может регулировать внутрисударственные отношения» [774, с. 124].

На наш взгляд, неправильной является точка зрения сторонников монистической теории, считающих, что международное право регулирует в определенных случаях и внутрисударственные отношения. Иногда вопрос о возможности действия и применения международного права на территории национального государства смешивают с вопросом о возможности действия международного права во внутрисударственной сфере [60, с. 66–199; 61, с. 95–103; 469, с. 58–59 и др.].

Можно сделать вывод о том, что международное право как особая система права не входит ни в одну национальную правовую систему и не включает в себя нормы внутрисударственного права. В то же время международное право оказывает влияние на формирование внутрисударственных правовых норм, обязывая государства приводить свое национальное законодательство в соответствие с международными договорами, участниками которых они являются.

По мнению А. В. Мелешникова, исследование прав человека в единстве межгосударственного и внутрисударственного аспектов – одна из новых комплексных задач, поставленных перед наукой в настоящее время [460, с. 95].

Следует согласиться с позицией Е. Т. Усенко, что «если ставится вопрос об отношении между международным и национальным правом, то это имманентно означает признание их самостоятельности. Где нет самостоятельности объектов, там нет и отношений между ними, а есть лишь состояние синкретизма, слитности, нерасчлененности» [740, с. 14].

Важным моментом является то, что именно в международных договорах, причем как в универсальных, так и в региональных (локальных), воплощены наиболее значимые права и свободы, в том числе в качестве международных стандартов, а также ответственность государств по их соблюдению [304, с. 42; 720, с. 175 и др.].

Проблема согласования внутригосударственного и международного права имеет кроме правового и политический аспект. У каждого государства или группы государств на международной арене имеются свои геополитические интересы. Для Беларуси важно правильно выбрать конструкцию соотношения внутригосударственного и международного права, не ущемляя национальных интересов.

Способы согласования внутригосударственного и международного права различны и зависят от права и политики конкретного государства, но, как правило, сущность этого процесса всегда одинакова – приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечения выполнения предписаний, дозволений и запретов, установленных последним.

Суверенитет государства в принципе исключает возможность действия в пределах его территории государственной воли других государств, в том числе согласованной воли, заключенной в норме международного права. Для того чтобы правило, представляющее собой норму международного права, приобрело юридическую силу в пределах действия национального права, оно должно приобрести силу национально-правовой нормы [740, с. 16].

С учетом изложенного можно сделать вывод, что международное право как особая система права не входит ни в одну национальную правовую систему и не включает в себя нормы внутригосударственного права. В то же время международное право оказывает влияние на формирование внутригосударственных правовых норм, обязывая государства приводить свое национальное законодательство в соответствие с международными договорами, участниками которых они являются.

Необходимо также отметить, что большинство норм международного права, регулирующих вопросы прав человека, не являются самоисполняемыми и выступают, по мнению В. В. Гаврилова, лишь в качестве юридического факта, вызывающего необходимость внутригосударственного правотворчества и установления внутригосударственных правоотношений [139, с. 26].

Воспроизведение международных норм о правах человека (самоисполняемых) во внутригосударственном праве может происходить двумя путями: 1) введением во внутреннее право между-

народных норм в том виде, в котором они существуют в международном соглашении, посредством отсылки к последним (трансформация) или 2) отражением во внутреннем праве существа международной нормы (имплементация).

В ряде стран ратификация международно-правового акта сама по себе не вносит каких-либо изменений в национальный правопорядок, поскольку акты ратификации и придания ей силы закона разделены. Так, в ст. 55 Конституции Франции закреплено положение, что «международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу законов, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной» [327].

В других странах факт ратификации международно-правового акта автоматически делает его частью внутреннего права. Например, в ст. 15 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Причем ч. 4 ст. 15 данной Конституции косвенно подтверждает приоритет международно-правовой нормы по отношению к закону следующей формулировкой: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [324]. При этом необходимо отметить, что реализация данного положения на практике в Российской Федерации создала определенные проблемы [688, с. 4].

Статья 8 Конституции Республики Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. При этом не допускается заключения международных договоров, которые противоречат Конституции. С учетом общепризнанных принципов международного права «должно осуществляться «наполнение» конституционных норм, определение их содержания» [104, с. 4; 106, с. 63]. Такой же позиции придерживаются А. Н. Талалаев [696, с. 65] и многие другие исследователи, с ними согласен и автор. Однако Г. А. Василевич, обосновывая необходимость повысить эффективность судебной защиты прав и свобод граждан, закрепленных в международных договорах Респуб-

ки Беларусь, делает своеобразное заключение о возможности прямого действия норм международного права (договора) в правовом пространстве Республики Беларусь [106, с. 65].

Однако, на наш взгляд, ни одна из статей Конституции не закрепляет прямого действия нормы международного договора, ратифицированной республикой, и не дает права судам и другим государственным органам принимать решения на основе вступившего в силу международного договора.

Мы согласны с мнением А. А. Головки о том, что «некоторые теоретики и практики полагают, что разработчики проекта ныне действующей Конституции Республики Беларусь в статье 8 не вполне четко определили взаимодействие норм международного права с национальным законодательством Беларуси. Наоборот, разработчики проекта Конституции проявили разумную осторожность, закрепив признание приоритета лишь принципов международного права, а не самих его норм» [156, с. 9].

Исходя из этого можно сделать вывод, что по данному вопросу имеется расхождение между конституционным положением и текущим законодательством, которое должно быть устранено. Можно согласиться с мнением Н. В. Сильченко о том, что плачевный опыт правовой интеграции России и Беларуси свелся, по сути дела, к слепому копированию белорусским законодателем фундаментальных основ российского законодательства [661, с. 16]. В данном случае, по нашему мнению, возможен двойной путь: или изменение конституционных положений, т. е. закрепление в Основном Законе прямого действия на территории Республики Беларусь ратифицированных норм международного права и их приоритета по отношению к обычному закону и иным правовым нормам, или приведение текущего законодательства в соответствие с конституционными положениями.

Считаем также, что необходимо создать эффективный конституционный механизм координации внутреннего права Республики Беларусь с нормами международного права в области закрепления и защиты прав человека. Мы согласны с позицией Г. М. Даниленко, что «возможность непосредственного применения признанных в международном сообществе стандартов прав человека во внутренних судах может рассматриваться как одна из существенных гарантий соблюдения международных стандартов» [180, с. 56]. Разумным, по нашему мнению, является

высказанное в научной литературе предположение о том, что и в наши дни, и в обозримом будущем наиболее приемлемым для государств как создателей юридических норм и для индивидов как субъектов правоотношений, основанных на этих нормах, является совмещение государственно-правовой (прежде всего конституционной) и международно-правовой (главным образом договорной) форм закрепления, обеспечения и охраны прав и свобод [247, с. 101].

Как справедливо полагает В. Н. Дубовицкий, правовое развитие Беларуси происходит преимущественно путем изменений национального права. При этом законодатель обращается к иностранному правовому элементу. И здесь главное – не допустить наиболее часто встречающейся ошибки при проведении сравнительно-правового анализа, т. е. прямого копирования правовых институтов и норм без оценки возможностей их «трансформации и вживления» в белорусскую правовую систему. То же относится и к заимствованию научных правовых концепций, которые не всегда могут быть адекватно отражены в нашем законодательстве [210, с. 41]. Можно согласиться с мнением А. В. Шавцовой о том, что сближение международного права и национального законодательства не ставит цель заменить национальное право региональным (СНГ) и международным правом. Задача состоит в формировании единого правового пространства с целью эффективного обеспечения единообразного применения правовых норм по основным направлениям социальной политики и в области правозащитной деятельности [794, с. 116]. Вместе с тем необходимо констатировать, что проблемы согласования норм внутригосударственного права Беларуси и международного права в сфере правового статуса личности еще недостаточно исследованы в отечественной юридической науке. По этой причине разработка теоретических основ реализации норм международного права в сфере внутригосударственной юрисдикции имеет исключительно важное значение [688, с. 5]. Достаточно важным представляется идея, выдвинутая профессором С. Г. Дробязко, об усилении роли гармонизации законодательства в условиях глобализации – важнейшей закономерности права как системы, позволяющей «эффективно способствовать достижению гармонии в социуме и гармонии его с природой» [208, с. 43–49]. Под системой законодательства автор понимает правовое явление, корреляционно связанное с си-

стемой права как внутренней структурой права, в которой отражены объединение и дифференциация объективно обусловленных юридических норм [204, с.11].

Подводя итог исследованию конституционно-правовых аспектов закрепления и защиты прав человека в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь, делаем следующие выводы.

1. На международном уровне универсальное сотрудничество государств в области закрепления и защиты прав человека осуществляется в рамках ООН. Принят ряд важнейших документов (Всеобщая декларация прав человека, Пакт об экономических, социальных и культурных правах, Пакт о гражданских и политических правах). Осуществляют деятельность органы, призванные защищать права человека. Эти органы условно подразделяются на две категории: общего назначения и специализированные. К органам общего назначения относятся Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), Совет по опеке, Международный суд, Секретариат, к специализированным – Комиссия ООН по правам человека, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Комиссия по положению женщин, Верховный комиссар ООН по делам беженцев, Верховный комиссар ООН по правам человека, Центр ООН по правам человека. Учитывая важную роль этих международных документов и органов в области закрепления и защиты прав человека, констатируем, что достаточно эффективной процедуры обеспечения и защиты прав личности, установленных международными нормами, пока еще не выработано.

2. К важнейшим региональным документам, оказавшим определенное влияние на формирование национального законодательства Республики Беларусь в области защиты прав человека, относятся Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека, принятая 4 ноября 1950 г. и вступившая в силу 3 сентября 1953 г., с дополнительными протоколами к ней, и Европейская социальная хартия, принятая 18 октября 1961 г. и вступившая в силу в 1965 г.

Особая роль среди этих документов принадлежит Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, которая не только закрепляет права и основные свободы челове-

ка, но и обеспечивает защиту личности со стороны третьих лиц и государственной власти. Международные органы по контролю за соблюдением прав и основных свобод человека государствами – участниками Конвенции наделяются полномочиями принимать решения, обязательные для государств-участников, что позволяет добиваться реального восстановления прав и свобод в случае их нарушения. Конвенция признает за частными лицами, группами лиц и ассоциациями право на подачу индивидуальных петиций при условии требования исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и ряда других требований, доступ в европейские надгосударственные органы за защитой своих прав. Причем решения этих органов являются обязательными для исполнения национальными государствами, входящими в состав Совета Европы.

3. Воспроизведение международных норм (самоисполняемых) во внутригосударственном праве может происходить двумя путями: 1) введением во внутреннее право международных норм в том виде, в котором они существуют в международном соглашении, посредством отсылки к последним (трансформация) или 2) отражением во внутреннем праве существа международной нормы (имплементация).

Статья 8 Конституции Республики Беларусь признает приоритет *общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства*. При этом не допускается заключения международных договоров, которые противоречат Конституции. Ни одна из статей Конституции не закрепляет прямого действия нормы международного договора, ратифицированного республикой, и не дает права судам и другим государственным органам принимать решения на основе вступившего в силу международного договора. Более того, в ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что *государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства*, а ч. 3 ст. 7 Конституции определяет: *«Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы»*.

Исходя из этого можно сделать вывод, что по данному вопросу имеется расхождение между конституционным положени-

ем и текущим законодательством. В этой ситуации, по нашему мнению, возможен двоякий путь: или изменение конституционных положений, т. е. закрепление в Основном Законе прямого действия на территории Республики Беларусь ратифицированных норм международного права и их приоритета по отношению к обычному закону и иным правовым нормам, или приведение текущего законодательства в соответствие с конституционными положениями.

4. В отечественной и зарубежной литературе права человека и местное самоуправление рассматриваются лишь как самостоятельные проблемы. Между тем сама природа этих институтов, их нормативно-правовое содержание, функциональное назначение и механизмы реализации свидетельствуют об органических взаимосвязях. Взаимопроникновение и взаимодополнение (в плане сочетания принципов индивидуализма и коллективизма) соответствующих институциональных средств являются одной из основ развития демократии. Например, Конституция Российской Федерации не выделяет в специальную форму право на местное самоуправление, хотя в текущем законодательстве данное право признается. Исследователи указанной проблемы считают, что отмеченное несоответствие конституционных положений обусловлено тем, что при разработке Конституции России достаточно четких воззрений по поводу местного самоуправления, его принципиального положения в системе управления такой страной, как Российская Федерация, сформировано не было. Представляется, что по этой же причине право на местное самоуправление не было прямо закреплено и в Конституции Республики Беларусь. Теоретические разработки понятия местного самоуправления появились в научно-правовой литературе несколько позже. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы уместным закрепить в Конституции Республики Беларусь право народа Республики Беларусь на осуществление местного самоуправления. Косвенно это право определено ст. 117 Конституции. Предлагаем ч. 1 ст. 3 Конституции изложить в следующей редакции: *«Единственным источником государственной власти, местного самоуправления и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией».*

Часть 2 ст. 6 дополнить следующим положением: *«Самоуправление является особым проявлением власти народа на административно-территориальной единице и отделено в рамках закона от государственной власти».*

5. Гарантированность является одним из важнейших конституционно провозглашенных принципов, получивших правовое выражение в различных формах: как общее начало, которое свойственно реализации всего объема прав и свободы личности, так и посредством закрепления конкретных гарантий каждого права и свободы в отдельности. Субъектом, на которого в первую очередь возлагаются гарантии прав и свобод, является государство. В отличие от Конституции Российской Федерации Конституция Республики Беларусь прямо не указывает на государство как главного гаранта прав и свобод человека, но эта роль вытекает из ряда ее статей (ст. 6; 10; 60 и др.). Желательно на конституционном уровне закрепить положение, что основным гарантом реализации прав и свобод граждан Республики Беларусь является государство.

6. Конституция Республики Беларусь закрепила фундаментальное право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (ст. 46).

В действующем экологическом законодательстве предусмотрены некоторые механизмы обеспечения соблюдения экологических прав, включая экологическое нормирование, экспертизу, лицензирование, мониторинг, контроль и др. Созданы определенные механизмы защиты таких прав. Однако нерешенных проблем в области защиты экологических прав достаточно много. Необходимо комплексно решать данную задачу.

ГЛАВА 5

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

5.1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА

5.1.1. Судебная форма защиты

В Конституции Республики Беларусь закреплено право граждан на судебную защиту (ст. 60) [322]. Защита судом прав человека является наиболее эффективной по сравнению с другими формами защиты. Это объясняется высокой степенью демократичности и профессионализмом судебного разбирательства, которое основывается на принципах независимости суда, гласности, состязательности, непосредственности устного судебного разбирательства, представления доказательств. Еще первый белорусский первопечатник Франциск Скорина считал, что нужно, «каб суддзі адносіліся да падсудных як да роўных сабе» [665, с. 177]. Достоинством судебной защиты в настоящее время является то, что значительно уменьшилась возможность необъективного ведомственного влияния на окончательное решение вопроса. Законодательно суд не зависит ни от одной ветви власти. Гражданин и государственный орган принимают участие в деле в качестве сторон, имеющих равные процессуальные права и обязанности [216, с. 291–301]. Судебная защита прав и свобод человека предусмотрена во многих действующих конституциях зарубежных государств. Принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный в ст. 26 Конституции Республики Беларусь, является важной гарантией защиты прав граждан. Выполнение функций правосудия внесудебными органами в период культа личности приводило к грубейшему нарушению законности, прав и интересов граждан.

Принципиальное требование закона об осуществлении правосудия только судом налагает на суд большую ответственность за правильное разрешение каждого дела. Полномочия и особый процессуальный порядок деятельности суда создают необходи-

мые гарантии правильного осуществления правосудия и обеспечивают выполнение стоящих перед ним задач на основе конституционных принципов [577, с. 75–98]. «В организационно-правовом (юридическом) смысле судебная власть выступает как политическая власть, которая реализуется в системе органов государственной власти специфическим способом» [65, с. 9].

В последние годы исследованию судебной власти уделяется большое внимание со стороны белорусских ученых. В частности, В. Н. Бибило в общем виде под судебной властью понимает ту сферу общественных отношений, которую суд в состоянии охватить своей юрисдикцией [59, с. 36]. «Конституционное право на судебную защиту, преломляясь через отраслевое право, образует два элемента: 1) право на обращение в суд с иском, в том числе и прокурора с уголовным иском; 2) восстановление нарушенных прав и свобод, включая возмещение вреда». Вместе с тем «конституционное право не всегда реализуемо, в том числе и по причине отсутствия надежного доступа к правосудию (существование надежных процедур, длительные процессуальные сроки, дороговизна судебных издержек и т.д.)» [57, с. 226].

Судебная власть, считает И. И. Мартинович, «это функционирующая на основе закона и в порядке, установленном законом, система судебных учреждений – органов судебной власти в целях обеспечения верховенства права, защиты прав и свобод граждан» [693, с. 33].

Понятие судебной власти в современном аспекте, по нашему мнению, наиболее удачно дано российским ученым И. Л. Петрухиным. «Судебная власть – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданином, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и проведении оперативно-розыскной деятельности (ОРД); установления наиболее значимых юридических фактов» [562, с. 15].

Провозглашение органов судебной власти гарантом охраны гражданских прав и свобод содержится в Билле о правах США. В XIV поправке говорится о законном судебном разбирательстве

как гарантии защиты жизни, свободы и собственности граждан США, о равной для всех защите закона [326].

В странах общего права (англо-американская система) – США, Канаде, Австралии, Швейцарии и ряде других стран – защита конституционных прав граждан осуществляется обычными судебными органами (неразделенная судебная власть). Разделенная судебная власть имеет место в регионах, придерживающихся романо-германской правовой системы. Например, в Швейцарии, в отличие от США, гражданин может оспаривать в суде не любой антиконституционный акт, а только такой, который нарушает его конституционные права и свободы [559, с. 184].

Право граждан на судебную защиту реализуется через систему не только общей, но и специальной юрисдикции – трудовых, социальных, административных, финансовых судов. Успешно действует система таких судов в ФРГ, Финляндии, Австрии. По мнению исследователей, разделение судебной власти, таким образом, имеет ряд серьезных недостатков. Прежде всего возникает непростая задача распределения компетенции между судами различных автономных систем [92, с. 394].

Вместе с тем при пробелах и коллизиях в праве сформулированные судами нормы толкования и конкретизации отличаются новизной, имеют общее значение даже в случаях их выработки по конкретному делу [354, с. 65].

Достаточно интересен в данной области опыт ФРГ. Нынешняя судебная система Германии была сформирована после принятия Основного Закона (Конституции) ФРГ в 1948 г. и состоит из различных судов. При этом Федеральный конституционный суд, по мнению ряда немецких исследователей, является высшим органом правосудия ФРГ и выступает всегда в качестве первой и последней инстанции [848, с. 505].

Объем компетенций, предоставленных Федеральному конституционному суду по различным видам производства, значительно превышает компетенции всех других конституционных судов в мире [761, с. 69–70]. Необходимо также отметить, что в большинстве земель Германии имеются собственные конституционные суды.

Кроме конституционных судов в ФРГ существует еще пять систем судов (обычных судов, судов по трудовым спорам, адми-

нистративных судов, судов по социальным вопросам, финансовых судов) [815, с. 136]. В связи с множественностью судов в Германии имеются определенные трудности для граждан с выбором суда, в который можно обратиться с иском. Между судами различных видов имеет место своеобразное соперничество за приоритет в судебной системе [496, с. 20].

Прокуроры, которых в ФРГ насчитывается около 5000, осуществляют надзор за расследованием уголовных дел и исполнением наказания. В ходе расследования уголовных дел прокуроры имеют большие полномочия, в частности, они решают, прекратить производство по делу или предъявить обвинение. В судебном процессе прокуроры представляют обвинение [148, с. 199].

Большой интерес представляет опыт Франции в области судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования [62, с. 49; 162, с. 7; 754, с. 71–74 и др.]. Идея установления непосредственного судебного контроля за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия в теории советского уголовного процесса возникла несколько десятилетий назад, и ее сторонники обращали внимание на то, что только суд в состоянии дать объективную оценку законности применения меры пресечения в виде заключения под стражу [144, с. 9]. Вместе с тем указанная идея поддерживалась не всеми [785, с. 166].

В отечественной юридической литературе доперестроечного периода научные работы о судебной власти отсутствовали, а проблема независимости правосудия исследовалась авторами исключительно в аспекте нравственного долга судьи [489, с. 48–49]. В советский период в целом на осуществлении правосудия сказывался идеологический аспект [77, с. 26].

Конституция БССР 1978 г. [319] закрепляла юридическую независимость судей, однако в ней не содержалось норм о разделении властей и независимости судебной власти.

Значительным событием в нашей стране стало одобрение Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. Концепции судебно-правовой реформы [329]. Разработчиками Концепции были определены конкретные этапы ее проведения: подготовительный, переходный и завершающий [438, с. 17–18]. По нашему мнению, это была первая концепция в постсо-

ветский период, на порядок повышающая эффективность судебной защиты конституционных прав человека и гражданина на территории Республики Беларусь. Вместе с тем в научной литературе высказано мнение о том, что такое понятие, как «концепция», больше приемлемо для использования его в научных исследованиях, чем в актах, принимаемых парламентом [55].

С принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г. на конституционном уровне была закреплена основа самостоятельности судебной власти (ст. 6), независимости судей (ст. 110) [322].

Под независимостью судей следует понимать процессуальную деятельность при осуществлении правосудия, т. е. в ходе рассмотрения и разрешения на основе материального и процессуального закона споров о праве, в соответствии с профессиональным правосознанием судей и в условиях, исключающих постороннее воздействие на них [58, с. 86; 714, с. 43].

С середины 1990-х гг. в СССР, а затем на постсоветском пространстве в научной юридической литературе продолжают дискуссии о введении в уголовное судопроизводство суда присяжных. В Российской Федерации суд присяжных осуществляет свою деятельность с 1993 г. По мнению российского исследователя И. Л. Петрухина, «основное преимущество суда присяжных состоит в том, что он минимизирует число судебных ошибок, исключает влияние судьи на вердикт присяжных и защищает граждан от необоснованного осуждения» [563, с. 6].

Однако в отношении суда присяжных имеется и много нареканий. В частности, по мнению ряда исследователей, субъективное право человека – не только знать, в чем он обвиняется, но и чем его обвинение доказано, на чем его осуждение основано, – логически и юридически несовместимо с конструкцией и технологией суда присяжных. Присяжные в своих суждениях свободны и не обязаны их мотивировать [53, с. 115; 63, с. 112–113; 375, с. 8–10; 687, с. 7–9 и др.], что, по нашему мнению, в какой-то мере является недостатком суда присяжных, но введение в Республике Беларусь суда присяжных позволит укрепить судебную защиту конституционных прав человека и гражданина. Мы поддерживаем мнение А. Ф. Кони, что «правосудие не может быть отрешено от справедливости, а последняя состоит вовсе не в одном правильном применении к дока-

занному деянию карательных определений закона» [315, с. 342–343].

С целью улучшения защиты конституционных прав человека и гражданина мы придерживаемся точки зрения о необходимости создания целостной системы административных судов, обособленных от общего судопроизводства. Еще в конце XIX в. эту идею поддерживал известный русский ученый И. Я. Фойницкий [752, с. 6]. Сущность такого контроля в том, что его осуществляет компетентный орган, независимый от органов государственной администрации и от судов общей юрисдикции [653, с. 26; 765, с. 35 и др.].

Представляется заслуживающей внимания точка зрения о том, что общей для всех видов судебных процессов является тенденция сужения сферы коллегиальности при рассмотрении дел в судах первой инстанции, которая также должна рассматриваться как проявление унификации правового регулирования. Однако эту тенденцию нельзя признать рациональной, поскольку единоличное рассмотрение ряда категорий дел существенно снижает качество и кроме того создает благоприятные условия для злоупотребления и коррупции [398, с.107]. Например, Российская Федерация сегодня вплотную сталкивается с данной проблемой [76, с. 15; 371, с. 49; 755, с. 51–56 и др.].

Одна из проблем, стоящих перед органами суда в стране, сводится к расширению возможностей судов общей юрисдикции и экономических судов в осуществлении судебного конституционного контроля в области защиты прав человека, о котором можно говорить, ссылаясь на ст. 110 Конституции Республики Беларусь. Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Есть необходимость дополнить данную статью положением о том, что судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции и закону. Это дало бы возможность в случае противоречия закона или пробела в законе при вынесении решения ссылаться непосредственно на конституционные нормы.

В ст. 112 Конституции Республики Беларусь законодатель наделяет суды более широкими полномочиями при осуществлении правосудия: «Суды осуществляют правосудие на основе Конституции, законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных актов.

Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он принимает решение в соответствии с Конституцией и законом и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным» [322].

На практике оказался сложным вопрос о прямом действии норм Конституции. Мы поддерживаем мнение А. Н. Кокотова о том, что нормы конституционного законодательства выступают вместе с нормами отраслевого законодательства, а при необходимости и вместо них при опосредовании отношений, реально или потенциально входящих в область регулирования последних [301, с. 16].

Проблемы защиты прав человека и гражданина в гражданском судопроизводстве. В недалеком прошлом право граждан на судебную защиту было ограничено. Судебная защита политических свобод (свобода слова, собраний и т. д.) в СССР вообще не практиковалась.

Важнейшим юридическим актом в области судебной защиты прав человека явилось принятие 5 сентября 1991 г. Съездом народных депутатов СССР Декларации прав и свобод человека [188], в ст. 22 которой было закреплено право граждан на судебное обжалование незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций.

В отношении права на труд наметился прогресс только после отмены 21 июня 1990 г. Комитетом Конституционного надзора СССР [118] запрета на судебную защиту от увольнений. По сравнению с советским периодом в Республике Беларусь радикально расширилась судебная подведомственность данной категории споров, тем не менее в рассматриваемой сфере существуют определенные проблемы. В частности, по мнению В. П. Скобелева, «далеко не всегда обеспечивается принцип равенства всех перед законом и судом; в нормативных актах по-прежнему сохраняются некоторые ограничения права на судебную защиту; гражданское процессуальное законодательство не в полной мере учитывает особенности трудовых споров, что отрицательно сказывается на качестве и эффективности их рассмотрения и разрешения, и др.» [666, с. 489].

Наиболее известным и значимым для своего времени был Закон СССР от 2 ноября 1989 г. № 719-1 «О порядке обжа-

вания в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» [514], введенный в действие с 1 августа 1990 г. вместо Закона СССР от 30 июля 1987 г. «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» [515], который действовал с 1 января 1988 г. и, как показала практика, оказался несовершенным, поскольку не позволял гражданам обжаловать действия коллегиальных органов, чаще всего и нарушающих их права. Закон СССР от 2 ноября 1989 г. № 719-1, наделяя граждан правом обжалования в суд решения коллегиальных органов, ограничился только органами управления, в частности, решения сельского Совета народных депутатов как коллективного представительного органа не могли быть обжалованы в судебном порядке, что в значительной степени ограничивало право граждан на судебную защиту.

Согласно судебной статистике лишь в течение полугода в 1990 г. количество дел по жалобам на действия должностных лиц и органов государственного управления возросло по сравнению с 1989 г. (когда рассматривались жалобы только на действия должностных лиц) на 21,9 %, в 1991 г. – на 67,5 %, а в 1992 г. – на 49,7 % [226, с. 11].

Говоря об абсолютном праве человека на судебную защиту, нужно иметь в виду, что здесь речь идет о судебной защите не любых притязаний, а именно прав и охраняемых законом интересов, принадлежащих человеку на основаниях, с которыми закон связывает возникновение прав и обязанностей, в силу определенного нормативного акта; в связи с определенными событиями (например, рождение и т. д.), с определенными действиями (например, сделки и т. п.), а также при наличии правового интереса, например интереса о признании судом определенного правоотношения (иск о расторжении брака).

По нашему убеждению, суды не должны разрешать споры о неправовых интересах и решать вопросы, которые отнесены к исключительной компетенции других органов, организаций и должностных лиц.

В таких случаях возникает проблема разграничения прав и охраняемых законом интересов, подлежащих судебной защите, и интересов, не охраняемых судом, что порой бывает трудно

сделать при решении вопросов, связанных с защитой прав граждан на жилье, труд.

Анализируя развитие законодательства, обеспечивающего право на судебную защиту, законы можно условно разделить:

- на предоставляющие право на судебную защиту в общей форме, т. е. безотносительно к каким-либо определенным правоотношениям;
- устанавливающие право граждан на судебную защиту в частных случаях, т. е. на защиту конкретных прав, либо на защиту от нарушений со стороны определенных органов и должностных лиц.

Значительно увеличилось количество рассматриваемых судами дел, возникающих из административно-правовых отношений, имеющих важное значение в сфере защиты прав человека, поскольку здесь затрагивается важнейшая область конституционных правоотношений между личностью и государством.

Заслуживает пристального внимания точка зрения, высказанная в юридической литературе, что реальная жизнь все чаще ставит граждан перед альтернативой: как противостоять должностному произволу чиновников и их необязательности, правовому беспределу в отношениях с государственными органами, частными экономическими структурами – либо прибегать к неправовым средствам (иногда даже к самоуправству), либо обратиться за защитой в суд [280, с. 67].

Расширение компетенции суда в области защиты прав человека – процесс необходимый и прогрессивный. Можно согласиться с В. М. Жуйковым, что на одно из первых мест следует поставить проблему применения норм материального права [226, с. 7].

Сегодня действует огромное количество нормативных актов в области прав человека и гражданина, противоречащих друг другу, что вызывает большие сложности у судов в их применении.

В течение десятилетия поднимается вопрос о прямом действии норм Конституции в судебной практике в порядке ст. 112 Конституции Республики Беларусь. Однако суды в своих решениях не ссылаются на нормы Конституции. В Российской Федерации этот процесс идет достаточно активно с момента принятия ныне действующей Конституции России [808, с. 7–9].

Большую проблему составляет обжалование заведомо незаконных актов [198, с. 36].

Возникло много дел, процедура рассмотрения которых не предусмотрена Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) [168]. Суды испытывают некоторые сложности в определении процедуры рассмотрения таких дел, в разграничении искового производства от производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, в определении круга лиц, участвующих в деле, и др. Эти вопросы необходимо четко урегулировать в ГПК. Например, М. Н. Малеина предлагает включить в предмет гражданско-правового регулирования все виды личных неимущественных отношений [414, с. 29].

Мы видим решение данной проблемы в следующем: все гражданские дела должны рассматриваться только в одном производстве – исковом.

Для рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений, необходимо создание органа административной юстиции. Ю. Н. Стариков указывает, что «административный процесс (административная юстиция) – это система судебных (или квазисудебных) органов, которые рассматривают административные дела, возбужденные по искам граждан, считающих, что действиями и решениями (административными исками) органов управления и государственных служащих нарушены права и свободы; при этом граждане должны доказать факт такого нарушения» [686, с. 102].

С отождествлением административно-процессуальной деятельности и административного судопроизводства не согласна И. В. Панова: «Административное судопроизводство – вид судопроизводства, деятельность суда, которая охватывает властную деятельность исполнительных органов публичной власти» [550, с. 13; 551, с. 127; 552, с. 115]. Н. Г. Салищева и Н. Ю. Хаманева считают, что «данный вид юстиции представляет собой юридическую форму разрешения конфликтов, возникающих в связи с правовой оценкой законности актов того или иного органа публичной власти» [636, с. 5].

Под административным иском Г. Л. Осокина понимает требование о защите установленного правопорядка, прав, свобод граждан, организаций и государства от административных пра-

вонарушений, т. е. в сфере административно-правовых (публичных) отношений [542, с. 15]. Но более точную формулировку административному иску дает Ю. А. Попова: «Административный иск – это процессуальное требование к суду, предъявленное гражданином (группой граждан), прокурором о проверке законности актов, действий, которыми, по мнению лица, обращающегося в суд, нарушены его публично-правовые интересы или субъективные материальные права» [575, с. 31].

Необходимо исключить положение ч. 1 ст. 37 действующего ГПК [168], которое ограничивает рассмотрение судом дел о защите нарушенных прав и законных интересов граждан формулировкой «когда актами законодательства разрешение таких споров отнесено к ведению иных государственных органов, а также иных организаций». Данное правило противоречит конституционной норме, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

В настоящее время в соответствии с ч. 8 ст. 246 ГПК [168] не могут быть обжалованы в суд дела, возникающие из административно-правовых отношений, и дела особого производства. Данное положение Закона мы рассматриваем как существенное ограничение права на судебную защиту, которое должно быть законодательно отменено.

В ч. 1 ст. 46 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права [322].

Вред жизни и здоровью человека от неблагоприятного воздействия окружающей природной среды выражается в полной или частичной потере жизнеобеспечивающих, биологических функций его организма. По существующей классификации вреда природной среде рассматриваемый вид вреда относится к экологическому, а точнее антропологическому, т. е. причиненному жизни и здоровью человека [115, с. 79]. Источником неблагоприятных последствий является окружающая человека среда.

Конституционное право на возмещение экологического вреда является важнейшей юридической гарантией реализации экологических прав граждан. Формально каждый гражданин Республики Беларусь может обратиться в суд с иском к юридическому или физическому лицу о возмещении ущерба, причиненного его

здоровью и имуществу. Однако в экологическом законодательстве республики отсутствует правовой механизм, обеспечивающий человеку возмещение такого вида вреда. По нашему мнению, необходимо выработать этот механизм.

Норма гражданского процессуального права, устанавливающая обязанность судьи после принятия заявления провести подготовку дела, направлена не только на правильное рассмотрение дела, но и на предотвращение судебной волокиты. Можно согласиться с мнением Л. А. Дульяновой, что возбуждение гражданского дела в суде – самостоятельная стадия гражданского процесса, от которой зависит дальнейший ход рассмотрения дела и в конечном итоге – вынесение законного приговора и обоснованного решения [212, с. 12–14].

Одним из необходимых условий удовлетворения судами иска о защите чести, достоинства и деловой репутации является установление несоответствия распространенных порочащих сведений действительности, при этом обязанность доказывания соответствия действительности порочащих сведений возлагается на ответчика. Заслуживает пристального внимания точка зрения, высказанная в научно-правовой литературе, что по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации доказыванию ответчиком подлежит соответствие действительности распространенных сведений, но не распространенных мнений [747, с. 46]. Суд при вынесении решения об удовлетворении иска в зависимости от конкретных обстоятельств конкретного дела определяет порядок опровержения тех или иных порочащих сведений.

По нашему мнению, дела о защите чести, достоинства и деловой репутации являются наиболее важными, ибо в процессе их рассмотрения решается вопрос о защите исключительно значимого личного права каждого человека. Обязанность опровергнуть порочащие измышления может быть возложена на их распространителя независимо от того, знал ли он о неправдоподобности этих сведений или же был убежден в их достоверности. Мы считаем такое решение вопроса правильным и присоединяемся к мнению, высказанному в научно-правовой литературе, что причиняемый потерпевшей стороне моральный вред не уменьшается от того, что сам распространитель добросовестно заблуждался [589, с. 20–23; 731, с. 8–10 и др.]. В то же время это обстоятельство может влиять на размер возмещаемого (взыски-

ваемого) морального вреда. В целом, соглашаясь с мнением А. Л. Анисимова, мы считаем, что законодателем должна быть четко определена сумма размера возмещаемого морального вреда [34, с. 44].

Мы поддерживаем мнение Б. Н. Топорнина, что процессуальное право должно также создать все необходимые условия для того, чтобы человек в суде имел возможность умело защищать свои интересы вне зависимости от правового статуса и специфических качеств противной стороны [727, с. 61].

Проблемы защиты прав человека и гражданина в уголовном и административном судопроизводстве. Общеизвестно различать право на защиту в материальном смысле и право на защиту в формальном смысле. Первое означает осуществление права на защиту лицом, которому инкриминировано преступление, второе – защиту, осуществляемую защитником.

Согласно ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [736] обвиняемый имеет право на защиту. Наличие положения об обязательном участии защитника по делам лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту (ч. 1 п. 4 ст. 45 УПК), косвенно указывает на то, что и эти лица являются субъектами права на защиту.

Однако в законе упущена из вида еще одна категория лиц – малолетние и несовершеннолетние, не достигшие к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, с наступлением которого возможна уголовная ответственность, хотя они нуждаются в праве на защиту, ибо данная категория лиц не исключает вовлечения в процессуальную деятельность заподозренных в совершении преступления. Считаем, что п. 1 ч. 2 ст. 45 УПК необходимо дополнить категорией малолетних и несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения уголовно-наказуемого деяния возраста, с наступлением которого возможна уголовная ответственность. Пункт 1 ст. 221 УПК необходимо дополнить положением, что при допросе несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте до 14 лет наряду с обязательным участием педагога или психолога необходимо обязательное участие адвоката. Аналогичным положением дополнить ст. 10.11, п. 1 и п. 2 ст. 11.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Большое значение в области защиты прав человека имеет Закон Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» [513]. В целом нормы данного закона в настоящее время соответствуют стандартам ООН. По нашему мнению, с целью усиления защиты прав личности необходимо в ст. 42 данного Закона закрепить возмещение не только материального, но и морального ущерба, причиненного лицу, содержащемуся под стражей, по вине сотрудников мест содержания под стражей или руководителей их администрации.

В научной литературе уголовно-процессуальные проблемы защиты прав и свобод личности разрабатывались главным образом применительно к статусу обвиняемого и подозреваемого [46; 197; 273; 309; 486; 638 и др.], что является, безусловно, важным. Однако мало исследована проблема правового положения потерпевшего и гражданского истца, являющихся непосредственно пострадавшими от преступления, а также свидетелей.

Процессуальную деятельность потерпевшего иногда трактуют как форму, вид, проявление функций обвинения [689, с. 226]. Это верно, но лишь в известных пределах. В делах частно-публичного обвинения потерпевший возбуждает уголовное преследование, формулирует обвинение, поддерживает обвинение в суде (ч. 1 ст. 176 УПК). Однако ч. 2 ст. 176 УПК закрепляет положение: «если сообщение о каком-либо преступлении, предусмотренном частью 1 этой статьи, затрагивает существенные интересы государства или общества, либо если лицо, пострадавшее от преступления, в силу беспомощного состояния, зависимости от лица, совершившего преступление, или по иным причинам не в состоянии защитить свои права и законные интересы, прокурор вправе возбудить уголовное дело и при отсутствии заявления» [736]. Потерпевший практически не участвует в этом. Можно согласиться с мнением А. М. Ларина, что ничто не препятствует потерпевшему стать на сторону подсудимого, если он считает, что преступление совершено другим лицом, либо после того, как подсудимый принес извинения, возместил ущерб от преступления [376, с. 67].

Конституция Республики Беларусь закрепляет принцип равенства перед законом и судом. Из этого однозначно следует, что потерпевший и обвиняемый как стороны в уголовном процессе должны обладать равными правами.

Ныне действующий УПК наделяет потерпевшего правом на участие в уголовном преследовании и обвинении (ч. 1 ст. 28 УПК). Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что потерпевший выполняет в первую очередь функцию защиты собственных прав и законных интересов, однако может занимать активную позицию и по поддержанию обвинения. Поддерживая обвинение, государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела; он вправе не только изменить обвинение, но и отказаться (полностью или частично) от обвинения (ч. 7 ст. 293 УПК). Потерпевший в этих случаях вправе настаивать на обвинении и самостоятельно его поддерживать, приобретая тем самым статус частного обвинителя (ч. 1 ст. 51, ч. 8 ст. 293 УПК) [483, с. 89–91].

Равенство потерпевшего и обвиняемого перед судом и независимость потерпевшего от государственного обвинения в УПК обеспечены институтом субсидиарного обвинения, известного уголовному процессу Польши и других зарубежных стран. Суть этого института в том, что потерпевший осуществляет обвинение наряду с прокурором, а в случае отказа прокурора от обвинения – вместо прокурора [233, с. 183].

Одной из важных проблем, стоящих перед уголовным судопроизводством, является защита от физического и психического насилия потерпевших, свидетелей, экспертов, обвиняемых, защитников и представителей власти, участвующих в судопроизводстве. Эта проблема дискутируется в научной литературе уже продолжительное время [87, с. 39; 89, с. 44–48; 101, с. 8–15; 310, с. 32–35; 314, с. 48–53 и др.]. Право на защиту в уголовном процессе в широком смысле определяется как «предоставленная законом возможность применять (для государственных органов) или требовать применения (для иных участников уголовного процесса) мер правоохранительного и принудительного характера для недопущения неправомерных действий в отношении участников уголовного судопроизводства и восстановления их нарушенных прав» [406, с. 220]. Ряд гарантий в этой области закрепляет Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) [737]. В частности, ст. 404 УК относит к преступлениям против правосудия принуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к отказу от дачи показаний или даче заключения,

к даче заведомо ложных показаний или заключению путем угрозы убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые эти лица желают сохранить в тайне, либо подкуп этих лиц с той же целью.

Угроза убийством, нанесение телесных повреждений или уничтожение имущества путем поджога или иным общеопасным способом по отношению к сотруднику внутренних дел в связи с осуществлением им служебной или общественной деятельности влечет уголовную ответственность (ст. 364, 365 УК) [224, с. 347–351].

Приведенные правила отражают некоторые давно известные формы преступного воспрепятствования законному ходу уголовного судопроизводства. В последние годы с ростом организованной преступности расширяется физическое и психическое воздействие на свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного процесса.

На Западе, где проблема организованной преступности существует давно, полицией и прокуратурой накоплен значительный опыт. В США, например, принимаются меры, чтобы подсудимым и связанным с ними лицам оставались неизвестны сведения о личности свидетеля в ходе судебного разбирательства, а после суда свидетелю и членам его семьи предоставляется возможность оформить личные документы, временно или навсегда переехать на жительство в другую местность [499, с. 131]. В Латвии в протоколах следственных действий вместо фамилии свидетелей можно указывать псевдоним, в Литве – изменять их анкетные данные, производить опознание вне визуального наблюдения опознаваемым опознающего [91, с. 77]. В ФРГ с 1998 г. действует Закон «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность», закрепляющий множество мероприятий по обеспечению социальной и правовой защиты свидетелей [256, с. 75].

Анализ законодательства государств с наиболее развитой правовой системой (США, Германия, Франция) и деятельность их правоохранительных органов позволяют сделать вывод, что защита прав свидетелей в этих странах определена как часть государственной политики [500, с. 56; 807, с. 25]. Можно со-

гласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что отсутствие надежного уголовно-процессуального механизма обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших, иных участников процесса значительно снижает авторитет органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, которые имеют определенный кредит доверия у населения [90, с. 53].

Часть 3 ст. 60 УПК наделяет свидетеля широким перечнем прав: не свидетельствовать против самого себя; заявлять отвод переводчику; собственноручно записывать свои показания в протоколе допроса или удостоверить своей подписью в протоколе следственного или другого процессуального действия правильность записи данных им показаний; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества; получать возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс. Данные права не детализированы в текущем законодательстве и носят в большинстве декларативный характер, что позволяет на практике нарушать их [631, с. 106–111]. По нашему мнению, назрела необходимость в принятии отдельного закона о защите прав свидетеля.

В Конституции Российской Федерации права потерпевшего закреплены в ст. 52: «Права потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [325, с. 180]. Считаем целесообразным ввести в Конституцию Республики Беларусь аналогичное положение и принять специальный закон об обеспечении безопасности участников уголовного процесса. В настоящее время эти вопросы регламентирует УПК, предусматривающий принятие органами расследования и судом мер по обеспечению безопасности потерпевших от преступлений, свидетелей, экспертов, членов их семей и близких родственников, если имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества и других противоправных действий (ст. 65–75); они детализированы в Положении о порядке применения мер по обеспечению безопасности некоторых участников уголовного процесса и других лиц [519]. Однако эти нормы

применяются крайне редко, ибо они определяют только общий процессуальный порядок, а соответствующие правовые механизмы его реализации пока не разработаны. Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, что в целях предупреждения криминальной виктимизации граждан в подобных случаях необходимо ускорить разработку конкретного механизма защиты участников уголовного процесса. В частности, по примеру ряда стран Европейского союза следует предусмотреть создание в судах «безопасных комнат ожидания» для потерпевших от преступления и свидетелей, оснастить залы судебных заседаний необходимым оборудованием для допроса защищаемых лиц с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих их неузнаваемость преступниками, и т. д. [613, с. 309].

Пора осуществить идею об обязанности государства компенсировать потерпевшему вред, причиненный преступлением, до и независимо от взыскания соответствующих сумм с виновного, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор (у государства вполне достаточно возможностей добиться выполнения своих регрессных и других требований).

Реальной заботой о нынешних и будущих потерпевших могло бы стать возложение на осужденных всех судебных издержек, прежде всего расходов потерпевших, в том числе на оплату адвокатов [49, с. 319].

У обвиняемого значительно больше возможностей воспользоваться услугами защитника. Потерпевший такой льготы лишен, в большинстве случаев он с учетом современной ситуации в силу материальных причин не имеет возможности воспользоваться помощью квалифицированного адвоката для защиты своих интересов ни на предварительном следствии, ни в судебном разбирательстве. Неслучайно в судах весьма редко участвуют адвокаты в процессуальном положении представителя потерпевшего [228, с. 84]. По мнению российских исследователей, российское государство в последнее время склонно к большему ограничению прав человека и гражданина в уголовном процессе [161, с. 52; 560, с. 20 и др.].

Можно согласиться с мнением Л. А. Морозовой, что одной из важных проблем, заслуживающих внимания, является фактическая невозможность человека или юридического лица получить возмещение вреда, причиненного ему незаконными дей-

ствиями органов государственной власти или их должностными лицами [479, с. 23]. В настоящее время невозможно сформулировать четкую законченную концепцию правового регулирования обязанности государства компенсировать вред, причиненный жизни и здоровью населения. То, что такая концепция должна быть выработана, не вызывает сомнения [602, с. 17]. Считаем необходимым разработать и принять отдельный законодательный акт в Республике Беларусь о государственной компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью населения.

Одной из проблем является доказывание морального вреда на предварительном следствии. Статья 44 УК значительно расширила круг возможного применения института возмещения морального вреда. Однако, как справедливо отмечается в научно-правовой литературе, недостаточно разработаны многие аспекты применения данного института, в частности существует проблема доказывания морального вреда (на практике органы уголовного преследования ограничивают свою деятельность, как правило, доказыванием материального ущерба) [611, с. 392–394]. Положение о необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и иных лиц впервые было закреплено в Законе СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик» [503].

Важным и актуальным является вопрос о реализации права на необходимую оборону. В уголовном процессе остается приоритет заботы о субъекте преступления и остаточный принцип – в отношении заботы о потерпевшем от преступления. Это все еще очевидно в вопросах законодательного и особенно правоприменительного подхода к необходимой обороне и ее дериватам. Обороняющийся по-прежнему находится в положении подозреваемого и вынужден доказывать свою правоту. Можно согласиться с мнением В. Г. Беляева, что такая логика приводит к толкованию всех сомнений в пользу нападающего [49, с. 319]. В Англии обороняющийся не несет бремени доказывания или защиты, предусмотренной общим правом. Тем не менее он обязан привести достаточные свидетельства того, что действовал в рамках самообороны [471, с. 61]. По нашему мнению, рассмотренную категорию вопросов необходимо в Республике Беларусь законодательно урегулировать.

Благодаря научному развитию появилось большое количество естественнонаучных методов, используемых в криминалистической технике для наиболее быстрого и качественного раскрытия преступления. Часто эти методы не проходят никакой специальной практической проверки возможности их применения для конкретной криминалистической задачи [140, с. 327].

Статья 27 Конституции Республики Беларусь закрепляет положение, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Под законом понимается действующее законодательство, не имеющее четкой классификации и детального перечисления тех новых естественнонаучных средств, применение которых возможно без нарушения и ущемления субъективных прав человека. По нашему мнению, законодатель может установить четкую систему, по которой естественнонаучный метод наиболее быстро и научно обоснованно поступал бы в распоряжение субъекта исследования. В этом случае можно было бы не сомневаться в его допустимости, возможностях, научности, безвредности. Было бы наиболее правильным введение в УПК статьи, разрешающей использование конкретной криминалистической техники и различных веществ. Это нововведение позволит лучше обеспечить защиту прав человека не только на уровне применения методов и средств, но и на уровне доказывания виновности или невиновности.

Важным элементом защиты прав человека и гражданина явилось бы введение в уголовное судопроизводство института апелляционного производства пересмотра приговора суда первой инстанции. Само по себе апелляционное производство представляет принципиально новое явление для современного белорусского уголовного процесса. Наиболее важной, отличительной чертой в сравнении с кассацией и надзорным производством является то, что оно позволяет не формально, как в действующем кассационно-надзорном порядке, а по существу приговора и с новым исследованием доказательств в суде вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного в первой инстанции. Завершается апелляционное производство постановлением приговора, полностью заменяющего приговор нижестоящего суда. В частности, обвиняемые, в отношении которых вынесен приговор Верховным Судом Республики Беларусь как судом первой инстанции, не имеют возможности обжаловать его

(ч. 6 ст. 370 УПК). Апелляция позволила бы коллегии Верховного Суда, если на то имеются обстоятельства, рассмотреть дело вновь, что, по нашему мнению, позволит в большем объеме реализовать право обвиняемого на защиту. Исследователи выделяют множество преимуществ апелляционного производства [20, с. 55–62; 292, с. 38–45; 565, с. 46–50; 753, с. 533 и др.]. Заслуживает пристального внимания деятельность Апелляционного суда Азербайджанской Республики, который является апелляционной инстанцией по гражданским, уголовным и делам об административных правонарушениях [287, с. 23–26]. Во многом качество судебной защиты имеет прямую зависимость от качества материальных норм уголовного права [283, с. 43].

Уголовно-правовые отношения по содержанию подразделяются на регулятивные, охранительные и отношения ответственности [429, с. 163].

Можно согласиться с мнением И. Ф. Демидова, что правозащитная функция уголовного процесса никак не может осуществляться путем нарушения прав человека. Именно права и свободы человека и гражданина должны определять смысл, содержание и применение законов в уголовно-процессуальной деятельности [189, с. 87].

Проблемы защиты прав человека и гражданина при осуществлении конституционного контроля. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп. от 24 ноября 1996 г.) Конституционный Суд Республики Беларусь является составной частью судебной власти и призван осуществлять контроль за конституционностью нормативных актов в государстве и обществе (ст. 116) [322].

После Второй мировой войны институт судебного контроля за конституционностью нормативных актов получил принципиально новую ориентацию: на основе требования безусловной связанности государства и его органов правами человека обеспечивать защиту и соблюдение прав личности в соответствии с конституционными гарантиями, принципами верховенства Конституции и господства права [379, с. 38]. В 1990-х гг. конституционные суды были сформированы практически во всех бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы, где состав и компетенция имеют определенные различия [674, с. 191–194].

В настоящее время обсуждается вопрос, является ли Конституционный Суд судебным органом или же он относится в большей мере к органам государственного контроля и надзора, как это было закреплено в Конституции Республики Беларусь 1994 г. до внесения в нее изменений и дополнений 1996 г. О статусе Конституционного Суда ведется оживленная дискуссия и в юридической науке Германии, где большинство ученых приходят к мысли, что Конституционный Суд имеет иной статус, чем просто судебный орган, – «больше чем суды, конституционные суды как конституционные органы» [861, s. 32].

Рассматривая вопросы конституционности законов и иных нормативных актов, регулирующих права и свободы человека, конституционные суды выработали систему основополагающих принципов, обеспечивающих защиту прав и свобод от противоправного их нарушения органами законодательной и исполнительной власти. К числу наиболее важных и общепризнанных относятся: оговорка «о законе», соразмерность или запрет их чрезмерных ограничений, сохранение сущности содержания, правовая безопасность.

В научно-правовой литературе происходит определенный диспут о соотношении политических и правовых вопросов в решениях Конституционного Суда [57, с. 250–254; 348, с. 95–96 и др.]. Вместе с тем необходимо учитывать, по нашему мнению, что Конституция является не только правовым, но и политическим документом. Решая вопросы на основе положений Конституции, Конституционный Суд разрешает не только юридические, но и политические споры. Такой же позиции придерживается известный американский исследователь права Р. Дворкин: «Судебные решения – это политические решения, во всяком случае в том широком смысле, который предполагает доктрину о политической ответственности» [185, с. 129].

Для повышения роли Конституционного Суда Республики Беларусь в области защиты прав и свобод человека необходимо наделить его следующими полномочиями.

1. Отнести к ведению Суда право толкования Конституции. Как известно, прежняя редакция Конституции Республики Беларусь 1994 г. относила это право к ведению Верховного Совета, фактически же толкованием правовых норм занимались его Президиум, Верховный Суд и Президент Республики Беларусь.

В результате такой практики возникали коллизии, разночтения и путаница.

В соответствии с п. 1 ст. 97 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп. от 24 ноября 1996 г.) право толкования Конституции Республики Беларусь принадлежит Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь. Можно согласиться с мнением Е. Я. Хабриевой о том, что «доктринальное толкование права активно учитывается в правотворческой деятельности. Но уже по этой причине уместно прибегать к нему в ходе разрешения юридических дел и, в частности, при разрешении дел в Конституционном Суде. Оно может сыграть важную роль, когда Конституционный Суд дает толкование Конституции по запросу компетентного органа» [760, с. 23]. Право Конституционного Суда давать официальное толкование Конституции по запросам уполномоченных на то субъектов будет весьма эффективной формой непосредственного применения конституционных норм в конкретных жизненных ситуациях [554, с. 189].

2. Наделить Конституционный Суд Республики Беларусь полномочиями в области рассмотрения дел о проверке конституционности правоприменительной практики. Это необходимо сделать, поскольку одновременно действовали и действуют законы и нормативные акты, принятые в разное время в неодинаковых условиях и для разных целей.

3. Ввести институт индивидуальной конституционной жалобы, открывающий субъекту прав и свобод прямой доступ в органы конституционного контроля. Проследивая становление этой формы контроля, необходимо отметить, что в свое время в доктрине об индивидуальной жалобе высказывались определенно негативные суждения [167, с. 308; 379, с. 48 и др.]. Очевидно, этими и другими доводами объясняется тот факт, что право индивидуальной жалобы во многих странах обычно вводилось через несколько лет после образования и функционирования самого Конституционного Суда. Так было в Австрии, ФРГ, Испании.

Важное место в системе конституционного контроля в области защиты прав и свобод человека и гражданина от правонарушений со стороны органов исполнительной власти и их должностных лиц занимает институт индивидуальной кон-

ституционной жалобы, который широко используется Конституционным Судом Российской Федерации [635, с. 14]. В Республике Беларусь, по мнению П. П. Миклашевича, предусмотрена особая косвенная форма доступа граждан к конституционному правосудию (через субъектов, уполномоченных обращаться с предложениями о проверке конституционности нормативных правовых актов в Конституционный Суд) [467, с. 61–73].

В западных странах (ФРГ, Испании, Австрии и др.) индивидуальная жалоба широко применяется, хотя и с различиями в отношении круга субъектов этого права [379, с. 49].

Для повышения эффективности и оперативного рассмотрения поступивших обращений предусмотрено образование в Конституционном Суде России двух палат, что позволяет осуществлять конституционное судопроизводство не одной коллегией, как было прежде, а двумя – на пленарных заседаниях палат [370, с. 56]. Мы считаем, что такой порядок защиты конституционных прав и свобод граждан необходимо ввести в практику работы Конституционного Суда Республики Беларусь.

Достаточно спорным вопросом в настоящее время является наделение Конституционного Суда Республики Беларусь дополнительными полномочиями по обязательному предварительному контролю всех законов, принятых Национальным собранием Республики Беларусь, на стадии до подписания их Президентом Республики Беларусь. Имеются различные мнения по данному вопросу. В частности, Т. В. Воронович [135, с. 149–150] и С. Е. Данилюк [181, с. 88–96] считают, что данное полномочие Конституционного Суда Республики Беларусь обеспечивает улучшение системы защиты прав и свобод человека. Вместе с тем мы поддерживаем мнение В. Н. Бибило, что Конституционный Суд не должен давать заключений на законопроекты, «иначе путь к рассмотрению возникшего затем спора между высшими государственными органами, должностными лицами будет закрыт, поскольку Конституционный Суд уже высказал свое мнение» [57, с. 251].

5.1.2. Административная форма защиты

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. устанавливается правило о том, что государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных

функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод граждан. Эти органы и лица несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности (ст. 59) [322].

Настоящее положение Конституции требует разъяснения с позиции современной ситуации в Беларуси. На наш взгляд, важное значение имеет обеспечение прав и свобод граждан непосредственно аппаратом исполнительной власти и надзорных органов. Необходимо заметить, что в ст. 40 Конституции Республики Беларусь провозглашено право индивида направлять личные или коллективные обращения в государственные органы.

Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивирован.

К сожалению, в Беларуси ситуация такова, что реализация гражданином своих прав во многом зависит от усмотрения администрации, а отдельные должностные лица, чинящие произвол, не несут ответственности перед законом и судом. В связи с этим актуален вопрос о способах и средствах защиты прав и свобод человека государственными органами исполнительной власти.

Мы согласны с обобщенным перечнем способов защиты прав граждан, предложенным Н. Г. Салищевой: судебный контроль за деятельностью администрации; административный (внутриведомственный и надведомственный) контроль и надзор, осуществляемый в рамках самой исполнительной власти; организация приема и рассмотрения обращений (заявлений и жалоб) граждан в органах исполнительной власти; прокурорский надзор за законностью деятельности отдельных структур исполнительной власти, а также за органами местного управления и самоуправления; контроль со стороны представительных органов государственной власти за аппаратом управления в рамках, определенных законом, и с учетом общего требования разделения законодательной и исполнительной властей [637, с. 74–75].

Мы считаем, что данный перечень способов и средств защиты прав и свобод человека недостаточно полон, и предлагаем дополнить его административно-правовой защитой милицией

личных прав граждан в сфере общественного порядка и общественной безопасности и защитой прав осужденных, а также нотариальной защитой прав и интересов граждан.

Судебный контроль за законностью действий администрации по отношению к гражданину является наиболее эффективным способом защиты его прав. Судебный контроль за деятельностью государственной администрации связан прежде всего с обеспечением конституционного права человека и гражданина на государственную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 10 Конституции Республики Беларусь).

В начале 1990-х гг. в Республике Беларусь был принят ряд законов, которые возложили на суды рассмотрение многочисленных дел по спорам, связанным с регулированием земельных, жилищных, налоговых, экономических отношений, а также отношений в области охраны здоровья населения, окружающей среды и др. При этом речь идет не о гражданско-правовых, а об административных спорах. В этом споре в качестве одной из сторон выступает орган исполнительной или представительной власти, от которого, по сути дела, зависит решение о реализации конкретного субъективного права гражданина. Например, в Законе Республики Беларусь от 18 февраля 1991 г. № 611-XII «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (ч. 7 ст. 5; ч. 2 ст. 24) [505] рассмотрение споров граждан с районным Советом депутатов возлагается на суды.

Из этого следует сделать вывод о том, какое значение придавал законодатель рассмотрению административных споров в общих судах. По нашему мнению, назрела необходимость в разработке и принятии закона, который бы в целом определял порядок судебного обжалования как индивидуальных, так и нормативных актов государственного управления, и выделения в отдельный вид административного судопроизводства. Следовало бы обстоятельно обсудить проблему административного судопроизводства и создания самостоятельного Административного процессуального кодекса, так как речь идет не о гражданско-правовых, а об административно-правовых спорах при защите граждан, а последние должны быть обеспечены самостоятельной процедурой. В настоящее время принят и действует Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об адми-

нистративных правонарушениях (далее – ПИКсАП) [600], однако это половинчатое решение. Впервые в юридической литературе советского периода подробную характеристику института административной юстиции дал Д. М. Чечот [781].

Административная юстиция возникла во второй половине XIX в. как необходимый элемент правового государства, как способ защиты субъективных прав граждан по отношению к деятельности органов управления [151, с. 7]. Развитие административной юстиции шло различными путями, и к настоящему времени сложилось несколько ее типов. Функции административной юстиции осуществляют следующие органы: общие (обычные) суды в англосаксонских странах; специальные подразделения общих судов (Швейцария, франкоязычные страны Африки); специальные органы административной юстиции, входящие в единую систему судов, возглавляемую Верховным Судом страны (ФРГ); система специальных органов административной юстиции, полностью отделенная от системы судов общей юрисдикции (Франция); система омбудсмена (Швеция, Дания, Финляндия).

Мы считаем, что в Беларуси наиболее применима французская модель административной юстиции. Французский административист Г. Брэбан утверждает, что административная юстиция – особая ветвь правосудия, компетентная рассматривать споры граждан с администрацией, лицами, работающими в государственном аппарате управления [92, с. 13].

На позиции существования особых административных судов стоял известный русский ученый Н. М. Коркунов [334, с. 144–301]. При рассмотрении судебных гарантий законности в сфере осуществления публичной власти российский исследователь В. П. Есенова делает упор на деятельности административной юстиции [219, с. 12].

Значительный теоретический вклад в развитие идеи административной юстиции внесли В. И. Ремнев [608, с. 32–39], Н. Ю. Хамаева [765, с. 29–36], Ю. Н. Стариков [685; 686], Ю. А. Тихомиров [721, с. 37–44; 723, с. 7–14], М. Я. Масленников [443, с. 10–18], В. В. Сажина [633, с. 52–59], Г. И. Никеров [495, с.29], А. А. Головкин [158, с. 118], А. Н. Крамник [342, с. 192–194], А. А. Демин [191, с. 5–12] и др.

В Республике Беларусь действует определенный механизм судебного контроля за органами администрации в целях защиты прав человека и гражданина. Вместе с тем следует отметить, что данный механизм нуждается в более четком правовом регулировании в части установления специфических процессуальных правил рассмотрения дел, вытекающих из административно-правовых отношений. Можно согласиться с мнением, высказанным в научной литературе, что отсутствие таких правил не дает возможности использовать в полной мере институт судебного обжалования и решений органов исполнительной власти [635, с. 10].

Административный (внутриведомственный и надведомственный) контроль и надзор, осуществляемый в рамках самой исполнительной власти, проводится всеми органами повседневно в ходе исполнения поставленных перед ними задач.

Контроль – понятие многогранное. Он рассматривается как функция государственного управления, т. е. как вид управленческой деятельности, как стадия управления, т. е. как определенный этап в управленческом цикле [679, с. 240], и как способ обеспечения законности и прав человека. В последнем значении контроль должен представлять собой деятельность по проверке фактического положения дел на подконтрольном объекте, обнаружению причин и условий, нарушающих права граждан, их устранению и привлечению к ответственности виновных лиц.

Надзор как способ обеспечения и защиты прав человека в государственном управлении отличается от контроля. Он должен состоять в проверке точного и единообразного исполнения законов государственными органами, общественными организациями и должностными лицами; в отличие от контроля вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта не допускается [679, с. 241].

Административный контроль может быть надведомственным и внутриведомственным. Надведомственный контроль по обеспечению и защите прав человека и гражданина осуществляется Президентом Республики Беларусь в силу п. 26 ст. 84 Конституции Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь в соответствии с ч. 5 ст. 107 Конституции Республики Беларусь, Комитетом государственного контроля Республики

Беларусь согласно ст. 129 Конституции Республики Беларусь, а также некоторыми министерствами, ведомствами, различными инспекциями, которые образованы в системе министерств (санитарной, пожарной, торговой т. д.). Их организация и деятельность определяются соответствующими положениями.

Функции Президента как гаранта прав человека связаны с возможностью издавать нормативные правовые акты. В соответствии со ст. 85 Конституции Республики Беларусь Президент на основе и в соответствии с Конституцией издает декреты, указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории нашего государства. Право законодательной инициативы и право вето, которыми обладает Президент, могут использоваться им для защиты прав человека.

Государственные инспекции наделены широкими полномочиями. Они устанавливают различного рода правила, обязательные к исполнению государственными органами, предприятиями, учреждениями и гражданами, контролируют их соблюдение, имеют право давать обязательные предписания по устранению нарушений этих правил. Государственные инспекции вправе производить осмотры зданий, помещений, уничтожать вредные для здоровья граждан продукты, запрещать совершение определенных действий, приостанавливать работу предприятий и т. д.

Некоторые государственные инспекции (автомобильная, санитарная, пожарная, труда и др.) наделены правом применять непосредственно без обращения в административные комиссии меры административного принуждения – предупреждение, штраф, лишение специальных прав за нарушение соответствующих правил. Эти меры применяются к должностным лицам или гражданам в порядке, предусмотренном текущим законодательством, что, по нашему мнению, не дает возможности контролировать сами эти органы в области защиты прав человека. Так, Государственная инспекция труда имеет право применять к нанимателям определенные санкции [572]. Особенностью данного вида контроля является распространение его на все органы управления, предприятия и учреждения независимо от их ведомственного подчинения и форм собственности.

Внутриведомственный контроль в обеспечении и защите прав граждан призваны осуществлять все органы государственного управления в отношении подчиненных им государственных

органов, предприятий, учреждений и организаций в процессе повседневного и непосредственного руководства их деятельностью.

Внутриведомственный контроль осуществляется руководителем органа управления, предприятия, учреждения за работой подчиненного ему аппарата, в том числе за соблюдением подчиненными ему работниками прав граждан в ходе служебной деятельности.

Такие общие полномочия по осуществлению контрольной деятельности закреплены в положениях о конкретных министерствах, ведомствах, уставах и положениях, регламентирующих деятельность органов управления, предприятий и учреждений.

Считаем необходимым в каждом положении, уставе наделять конкретного руководителя правом непосредственного контроля за соблюдением конституционных прав граждан работниками его ведомства в ходе служебной деятельности.

В соответствии со ст. 40 Конституции Республики Беларусь 1994 г. каждый имеет право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы.

Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивирован.

Анализируя данное конституционное положение, видим, что большую роль в защите прав и свобод человека играет организация приема граждан и рассмотрения обращений (заявлений и жалоб граждан) в органы исполнительной власти. Это положение в настоящее время более подробно регламентируется Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее – Закон № 300-З) [528]. По обращениям граждан соответствующими органами должны приниматься меры, направленные на восстановление нарушенных прав, улучшение работы аппарата управления, укрепление режима законности. Обращения могут быть как индивидуальными, так и коллективными, устными, письменными или в электронной форме.

К обращениям граждан относятся предложения, заявления и жалобы. В ст. 1 Закона № 300-З дается точное определение видам обращений.

Закон № 300-З подробно регулирует порядок и сроки рассмотрения обращений граждан. Однако ответственность за нарушение законодательства об обращениях граждан в указанном законе изложена в общей форме. На наш взгляд, бланкетный способ изложения ответственности в ст. 26 за нарушение положений Закона № 300-З неэффективен. В самом Законе № 300-З следует определить виды ответственности должностных лиц, нарушивших порядок и сроки рассмотрения обращений граждан. Этот законодательный акт должен быть понятен широкому кругу граждан, ибо посредством его они защищают свои права и свободы.

Важная роль в рамках административной формы защиты принадлежит органам внутренних дел, которые решают достаточно широкий круг вопросов в области защиты прав и свобод личности. Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что характер взаимоотношений между органами внутренних дел и населением представляет собой один из важных показателей социально-политической ситуации в стране [745, с. 151].

В научной литературе выделяют следующие сферы деятельности органов внутренних дел в области защиты прав и свобод личности: административная, оперативно-розыскная, профилактическая, производства дознания, исполнения наказания [579, с. 94].

Среди ученых-юристов еще не сложилось единого мнения о понятии «реализация прав личности» в сфере общественного порядка и общественной безопасности, да и о самом понятии «общественный порядок». Бесспорным является лишь то, что общественный порядок как правовую категорию в узком смысле не следует отождествлять с широким его пониманием как совокупностью многочисленных общественных связей и отношений. В широком смысле под общественным порядком в теории государства и права понимается упорядоченное на основе социальных норм состояние всех общественных отношений (как система), складывающихся вследствие реализации существующих в обществе социальных норм (норм права, общественных объединений, морали и обычая) [700, с. 307–308].

Механизм реализации личных прав граждан в сфере общественного порядка характеризуется конкретизацией содержания

общественных отношений, возникающих в этой области. Одним из путей его разработки является выделение и конкретизация объекта административно-правовой защиты прав граждан [627, с. 25].

Проблемы защиты прав граждан в сфере общественного порядка и общественной безопасности от правонарушений должностных лиц юридической наукой исследованы недостаточно. Они нечетко определены и в нормативных актах, регулирующих деятельность милиции. Особенно это касается процесса обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, процесса юрисдикционной деятельности. В результате значительное число нарушений со стороны должностных лиц не пресекается, не предупреждается, учитывая, что во взаимоотношениях с государством (интересы его представляют должностные лица, в том числе сотрудники милиции) граждане реализуют свои личные права, которые являются не только средством достижения определенных целей их обладателей, но и выражают государственный интерес.

Перед тем как обеспечить защиту права гражданина на неприкосновенность личности и другие личные права от правонарушений должностных лиц, в первую очередь следует привести в соответствие законодательство. Человек должен хорошо представлять механизм реализации своего права, понимать, в чем, на каких стадиях и в каких случаях оно считается нарушенным, в чем должностное лицо или сам гражданин не выполнили требований закона, какие от этого наступят последствия, как восстановить или защитить свое право, каковы пределы действия норм, на основании которых сотрудники милиции вправе вмешаться в личные права индивида, каков процедурно-правовой порядок этой деятельности. Можно согласиться с мнением, высказанным в научно-правовой литературе, что «не следует смешивать повышение уровня требовательности и усиления контроля за служебной деятельностью работников ОВД с административным произволом, тем более что нарушения законности, служебной дисциплины и порождаемые ими конфликтные ситуации нередко связаны с недостатками руководства личным составом начальниками подразделений УВД [463, с.158]. В целом можно поддержать мнение Л. М. Рябцева о

том, что «административно-надзорная деятельность по защите прав граждан заключается в осуществлении сотрудниками милиции комплекса функций в соответствии с предоставленной компетенцией в сферах общественного порядка и общественной безопасности. Специфику такой работы следует рассматривать как одну из форм осуществления функций государства, которая возникает в процессе правоохранительной деятельности и носит сравнительный характер» [628, с. 131].

Одним из важных вопросов в настоящее время является обеспечение конституционных прав граждан в сфере безопасности дорожного движения. Сложность данной проблемы состоит в том, что объект ее исследования лежит в плоскости двух правовых наук – уголовного и административного права. Это обстоятельство порождает многообразие точек зрения [746, с. 155–157].

В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой применение мер защиты следует рассматривать только при наличии правонарушения, в отношении правонарушения, против него [627, с. 19]. Полагаем, что это не совсем верно, так как здесь соединяются понятия защиты и ответственности. При этом не учитывается, что ответственность наступает за правонарушение при наличии вины, в то время как меры защиты могут применяться независимо от вины и наличия состава правонарушения. Примером может служить досмотр милицией ручной клади, багажа, личный досмотр пассажиров с целью обеспечения безопасности их полетов, жизни и здоровья.

Административно-правовая защита применяется и в целях предотвращения правонарушений и преступлений (например, административный надзор за лицами, освободившимися из мест лишения свободы). Таким образом, можно выделить следующие основные способы защиты прав граждан органами милиции: административный надзор, административное распорядительство и административно-юрисдикционная деятельность [627, с. 35–39].

Характерной особенностью защиты прав человека работниками милиции является то, что она осуществляется прежде всего в ходе правоприменительной деятельности. Однако для этого необходимо создать условия, обеспечивающие безопасность личности посредством предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений. В результате закрепления такой защиты

принимаются меры правового характера, которые гарантировали бы производство по делам об административных правонарушениях и наложение взысканий на правонарушителей. Особенностью этих мер является создание условий для правомерной реализации гражданами своих прав, их защиты, восстановления нарушенного права. Эти меры должны быть предельно четкими, исключая субъективное их толкование в процессе правоприменения; им должны быть присущи целостность, упорядоченность. Для сотрудников милиции и для граждан знание норм, основания и порядок их применения особенно важны, так как на их основе обе стороны реализуют свои права и обязанности.

Основополагающими нормативными правовыми актами, определяющими вопросы соблюдения прав личности в деятельности органов внутренних дел, являются Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об органах внутренних дел) [530] и Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» [529].

По нашему мнению, с целью соблюдения прав граждан следует дополнить ст. 23 Закона об органах внутренних дел определенными ограничениями на деятельность милиции в отношении частной жизни граждан: 1) сотрудники внутренних дел не имеют права собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом; 2) возложить на сотрудников внутренних дел обязанность по обеспечению лицу возможности ознакомления с документами и материалами, в которых непосредственно затрагиваются его права, если иное не предусмотрено законом.

Данные положения Закона об органах внутренних дел призваны надежно обеспечить соблюдение прав граждан со стороны органов внутренних дел.

Наряду с этим в законе есть спорные и неоднозначно трактуемые положения, относящиеся к вопросам гарантий прав личности. Например, ст. 25 Закона об органах внутренних дел предоставляет право проверять у граждан и должностных лиц документы, если имеются достаточные основания подозревать

их в совершении правонарушения, производить личный досмотр лиц и их вещей, вызывать граждан и должностных лиц по делам, находящимся в производстве милиции; подвергать приводу в случаях и порядке, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях; входить беспрепятственно в жилые и иные помещения граждан при преследовании подозреваемых и при наличии достаточных оснований полагать, что там произошел несчастный случай или преступление и т. д.

Это далеко не полный перечень прав милиции, при реализации которых возникают коллизии, спорные отношения с гражданами, не всегда относящимися с пониманием к требованиям работников милиции и готовыми безропотно их исполнять. Учитывать нужно предусмотренные законом различные отсылочные понятия, такие как «в случаях и порядке, при необходимости, достаточные основания, по письменному заявлению» и т. д. Работникам милиции они кажутся «достаточными» для предъявления требований к гражданину, а гражданин так не считает. Зачастую эти вопросы связаны с уровнем общей и правовой культуры сотрудников органов внутренних дел [569, с. 317].

Можно сделать определенный вывод, что в нашем государстве имеется нормативная правовая база, регламентирующая соблюдение прав граждан в деятельности органов внутренних дел. Но необходимо отметить, что содержание таких нормативных правовых актов, как Закон «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», должно иметь однозначную трактовку, не допускающую двусмысленного толкования, и не давать возможности сотрудникам органов внутренних дел нарушать права человека.

Большую озабоченность мирового сообщества вызывает положение осужденных и возможность защиты данной категории лиц.

Конституция Республики Беларусь в ст. 43 закрепила положение, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом. Это означает, что не могут устанавливаться ограничения прав осужденных ведомственными правовыми актами или указаниями должностных лиц учреждений и органов, исполняющих наказание.

Уголовно-исполнительное законодательство Беларуси не только достаточно полно раскрывает содержание прав осужденных,

но и отводит существенное место мерам и гарантиям их полной реализации [797, с. 291–296].

В настоящее время возникла глобальная проблема роста численности осужденных к лишению свободы. Переполненность исправительных учреждений и детерминированные этим явлением негативные социальные последствия различного характера являются одним из основных вопросов международного сотрудничества в области исполнения уголовных наказаний. Немногие страны в международном сообществе добились положительных результатов в решении данной проблемы [675, с. 296–300].

Достаточно важным элементом административно-правовой защиты является нотариальная защита прав и интересов граждан. Данный вид защиты представляется в виде обеспечения квалифицированной юридической помощи в защите прав и законных интересов граждан и регламентируется Законом Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» [511].

5.1.3. Прокурорская форма защиты

Под прокурорским надзором понимают форму прокурорской власти, осуществляемой в целях гарантированности обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, при которой складывается взаимодействие прокурора с другими участниками прокурорско-надзорных правоотношений, включающее механизм выявления правонарушений и прокурорского реагирования, направленного на их предупреждение или устранение, с применением государственного принуждения и убеждения [462, с. 41].

Важными в области защиты прав человека и гражданина органами прокуратуры являются принципы гласности и законности, на основе которых этот правоохранительный орган осуществляет свою деятельность [73, с. 133–134].

В процессе надзора за законностью деятельности отдельных структур органов исполнительной власти в деятельности прокуратуры на первое место выдвигается задача защиты прав и сво-

бод граждан. В законах о прокуратуре в постсоветских государствах сравнительно недавно появилось упоминание о надзоре за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [177, с. 317–318]. Следует обеспечить прокурора достаточными полномочиями для выполнения данной задачи.

Основными направлениями деятельности органов прокуратуры в области защиты прав граждан являются:

- рассмотрение жалоб и заявлений граждан на действия местных органов власти, государственного управления, общественных организаций, должностных лиц, органов дознания и предварительного следствия; на приговоры, решения, определения и постановления судов, вступивших в законную силу;
- обращение прокурора в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов граждан;
- санкционирование действий органов дознания и предварительного следствия, ограничивающих конституционные права граждан;
- возбуждение прокурором уголовных дел, относящихся к категории частного обвинения, в интересах защиты прав потерпевшего.

Значительный объем работы по защите прав и свобод личности, охраняемых законом интересов общества и государства выполняется прокуратурой в процессе участия в правотворческой деятельности, координации работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью, масштабы и характер которой в данное время представляют серьезную угрозу как для отдельных граждан, так и для общества в целом [790, с. 64].

Прокурор не только рассматривает и проверяет жалобы и иные обращения о нарушении прав и свобод человека и гражданина, но и разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод, принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба. Особенностью полномочий является то, что органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые призваны осуществлять контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не

вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций.

Как правильно утверждает В. А. Шишанова, проблема защиты прав человека видится в том, чтобы предоставить в распоряжение каждого гражданина необходимый «набор» юридических средств и форм, с помощью которых он мог бы с успехом и без особой сложности защитить свои конституционные и иные права, свои законные интересы [804, с. 125].

Выделяют три стадии прокурорского надзора за законностью в деятельности органов административной юрисдикции: 1) обнаружение признаков нарушений закона и принятие решения о возбуждении прокурорско-надзорного процесса; 2) проверка материалов о нарушении закона; 3) принятие мер к устранению выявленных нарушений, а также причин и условий, им способствовавших [691, с. 226].

Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» [521] придает жалобам и заявлениям граждан юридический повод к прокурорскому вмешательству.

Обобщение практики организации работы прокуратуры с жалобами и заявлениями выявило много проблем: обращение граждан напрямую в прокуратуру Республики Беларусь, минуя областные, городские, районные звенья прокурорской системы; повторные жалобы; наличие так называемых контрольных жалоб с поручениями депутатов, редакций газет и т. д.

Часть указанных проблем прямо связана с несовершенством законодательных актов, регулирующих порядок обращения граждан. Следует поддержать предложение об определении роли средств массовой информации и их правомочий при направлении через них в компетентные органы государства, в том числе прокуратуру, предложений, заявлений и жалоб граждан [763, с. 7–9].

Одной из важных проблем является вопрос о защите прокурором прав граждан в сфере уголовного судопроизводства, где в ходе принятия решения в той или иной степени ущемляются права человека. Рассмотрение жалоб на незаконные действия органов дознания и предварительного следствия относится

к компетенции прокуратуры и суда. Деятельность в этой сфере имеет свою специфику. Во-первых, процедура подачи и разрешения таких жалоб регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (ст. 138–147) [736]. Во-вторых, предмет самой жалобы находится в рамках уголовно-процессуального закона. Однако в законе не говорится о том, как заявитель уведомляется о результатах рассмотрения своей жалобы, как оформляются и хранятся письменные ответы на жалобу, что порождает определенные проблемы.

Весьма важными представляются нам вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования. На данном этапе возникает проблема соотношения прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля со стороны руководителя следственного подразделения. Российский исследователь Н. И. Кулагин высказал мнение, что роль прокурорского надзора в этой области явно преувеличена [352, с. 58]. Данная позиция автора кажется нам несколько ошибочной. Во-первых, защита прав личности на стадии предварительного расследования является весьма важным элементом в контексте защиты конституционных прав человека в целом. Во-вторых, сам надзор позволяет независимым органам, каковым является прокуратура, в какой-то мере избежать ошибок в процессе расследования, а этим защитить права участников следственных действий. В то же время мы можем говорить о необходимости обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Следователь обладает предусмотренной законом возможностью принимать решения по уголовным делам в соответствии с собственным мнением. Однако следователь не застрахован от формального законного воздействия на него со стороны своего руководства.

На практике имеются случаи, когда из-за некомпетентного процессуального руководства искажаются результаты предварительного расследования, утрачивается возможность установления объективной истины по уголовному делу. В нашей республике есть негативный пример 1990-х гг. – так называемого витебского дела, когда из-за искажения данных предварительного расследования пострадали невинные люди.

В юридической литературе высказано мнение, заслуживающее определенного внимания, что гарантии прав личности, отданные на откуп попечительской власти следователя, призрачны. Как показывает опыт, в том числе российский, обвинительная точка зрения находит преобладающее признание у следователя. Несмотря на перманентную борьбу против «обвинительного уклона» в следственной работе, сама логика уголовного преследования заставляет следователя выполнять функцию обвинения [19, с. 56].

Необходимо найти достойный выход из сложившейся системы взаимоотношений следователя как с прокурором, так и с начальником следственного отдела. По нашему мнению, нужно внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство таким образом, чтобы следователь мог самостоятельно расследовать преступления, но при этом процессуальная самостоятельность не должна превращаться в безнаказанность за противоправные действия.

Заслуживает внимания идея судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которая реализуется во многих странах мира [303, с. 31–39]. Санкционирование прокурором действий органов дознания и предварительного следствия, ограничивающих конституционные права граждан, занимает особое место среди средств прокурорского надзора. Санкция выступает правовой преградой для незаконного, необоснованного ограничения свободы прав гражданина при аресте, обыске, прослушивании переговоров, выемке почтово-телеграфной корреспонденции, отстранении обвиняемого от должности и в других случаях, предусмотренных законом. Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, что в некоторых главах Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» следовало бы существенно расширить полномочия прокурора, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина, например, в сфере организации неподконтрольной каким-либо «внешним» структурам оперативно-розыскной деятельности [274, с. 38].

В УПК необходимо ввести соответствующие статьи, касающиеся прослушивания телефонных переговоров, где следует перечислить субъектов, чьи переговоры допустимо прослушивать. Для охраны прав личности целесообразно установить круг пре-

ступлений, при расследовании которых возникает такая необходимость, а также срок прослушивания, обязать прокурора требовать представления необходимых доказательств, свидетельствующих о такой целесообразности. Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, что в идеале лишь независимый суд должен давать санкцию не только на заключение под стражу, но и на производство других следственных действий, нарушающих конституционные права граждан, – обыск в жилище, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивание телефонных переговоров и др. Именно так решает этот вопрос ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (принят в 2001 г., введен в действие с 1 июля 2002 г.), а также законодательство других стран [230, с. 33].

Эти новеллы позволили бы укрепить конституционные положения о защите конституционных прав граждан.

Прокуроры выявляют грубые нарушения закона, но в результате принятия мер прокурорского реагирования установленные нарушения в ряде случаев не устраняются. Обоснованные протесты в некоторых ситуациях отклоняются, а на представления даются формальные ответы [599, с. 177]. Заслуживает внимания также точка зрения, высказанная в научно-правовой литературе, что должны быть приостановлены до рассмотрения протеста прокурора и опротестованные действия должностного лица [622, с. 162–163].

5.1.4. Социально-правовая защита конституционных прав личности

На современном уровне развития правовой науки при четком разграничении права и закона, правового и неправового законодательства в условиях формирования правового государства и гражданского общества правовую систему следует именовать социальной, поскольку она юридически ориентируется на обеспечение справедливости, благополучия всего социума, но особенно на защиту слабых, убогих, больных, престарелых. Эта ориентация образует непосредственную основу солидарности, единства, целостности общества, а значит, государства, и являет собой стержень их правовой системы [206, с. 3]. Социально-правовая защита – одна из важнейших функций социального государ-

ства. Здесь уместны слова профессора А. Г. Тиковенко о том, что «социальное государство не может быть “государством социальной помощи”, порождать иждивенчество среди отдельных граждан. Баланс социального и правового элементов или социальной и правовой справедливости в государстве должен быть оптимальным, призванным стимулировать личную инициативу, активность и ответственность граждан за самообеспечение, за достойный уровень жизни, достойное развитие. Социальная помощь, осуществляемая государством, имеет дополнительный характер, основывается на принципе субсидиарности, т. е. оказывается тогда, когда люди не могут сами по себе, зависящим от них причинам обеспечить себе минимальный прожиточный уровень» [717, с. 68].

По мнению российского исследователя Т. К. Мироновой, социальная защита – это «деятельность государственных и негосударственных органов (организаций) по осуществлению мер экономического, правового, организационного характера, которые направлены на предупреждение и смягчение негативных последствий для человека и его семьи, вызванных социально значимыми обстоятельствами, и на сохранение приемлемого уровня их благополучия» [472, с. 91].

Социально-правовая защита охватывает очень широкий круг вопросов и определяется прежде всего наличием и состоянием социально-экономических прав и свобод человека и гражданина. Можно согласиться с мнением, высказанным в научной литературе, что не следует преуменьшать роль в социальной защите и других прав и свобод: личных, гражданских, культурных, религиозных и др. [798, с. 34].

Реальное состояние социальной защиты населения в той или иной стране характеризует качество жизни людей и зависит от уровня развития производительных сил, жизненного стандарта, средней продолжительности жизни, степени политических и общественных свобод, их гарантированности. Достаточно важным является наличие специальной правоспособности в ее многообразных видовых и подвидовых проявлениях. Ученые выделяют постоянную (общая) и временную (переменная) части правоспособности. Объем содержания постоянной части правоспособности одинаков у всех граждан и возникает с момента рождения.

Содержание переменной части правоспособности граждан персонафицировано в зависимости от различных обстоятельств (возраст, состояние здоровья, уровень доходов, наличие детей и т. д.) [454, с. 81].

В большинстве развитых демократических стран мира уделяется большое внимание системе социального обеспечения. Под *социальным обеспечением* как правовой категорией понимают деятельность государства по правовому регулированию общественных отношений в сфере создания фондов для целей социального обеспечения и в сфере их распределения в различных правовых формах и видах среди престарелых, больных, полностью или частично утративших трудоспособность граждан и лиц, потерявших кормильца, а также среди малолетних, малообеспеченных и других категорий лиц [584, с. 20; 646, с. 7–11 и др.]. Структура социального обеспечения европейских государств носит комплексный характер и законодательно устанавливает разнообразные социальные гарантии для наиболее уязвимых групп и слоев населения. Это выплаты, гарантирующие минимальный доход, страхование здоровья, поддержка материнства и детства и т. д.

В Японии, приступая к реформе системы социального обеспечения, правительство пошло по пути унификации различных форм страхования здоровья и пенсионного обеспечения, чтобы создать примерно одинаковые условия для различных категорий населения при снижении бремени его затрат в целом. Особое внимание уделяется лицам пожилого возраста и подрастающему поколению [13, с. 252]. Большие проблемы с социальным обеспечением возникают в экономически слабых государствах. Например, в Российской Федерации пенсионная система не позволяет на должном уровне поддерживать большое количество пенсионеров по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца [178, с. 260]. Похожая ситуация существует и в Польше [405, с. 266].

Для благополучия пожилых людей, живущих в основном на пенсию, важно, какой объем ресурсов выделяется на осуществление социальной политики. Улучшение экономического положения пожилых людей напрямую зависит от избранной модели социальной политики, от согласованности интересов всех соци-

ально-демографических групп населения. Разрешение социальных, экономических и медицинских проблем лиц пожилого возраста сопряжено с необходимостью разработки и реализации всесторонних программ, что позволяет пожилым людям оставаться независимыми и полезными для общества в постпенсионном периоде жизни.

В здравоохранении в европейских странах утвердился принцип социальной солидарности, в соответствии с которым в финансировании здравоохранения принимают участие не только государства и работодатели, но и сами получатели медицинских услуг через систему регулируемого медицинского страхования.

Существует ряд тенденций и принципов, имеющих общий характер государственных систем организации медицинской помощи независимо от национальных традиций и истории развития [14, с. 282; 773, с. 17–19 и др.].

Основы социальной защиты закреплены в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Беларусь, где говорится, что Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, а также в ч. 3 ст. 21, согласно которой каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий.

Важное значение имеют положения ст. 45 Конституции Республики Беларусь, закрепляющие право граждан на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, создание доступных условий медицинского обслуживания. Статья 47 Конституции гарантирует гражданам право на социальное обслуживание в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. При этом государство проявляет особую заботу о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов. Статья 48 Конституции закрепляет право граждан на жилище. Это право обеспечивается развитием государственного, общественного и частного жилищного фонда, содействием в приобретении жилья.

Гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется государством и местным самоуправлением бесплат-

но или по доступной для них плате в соответствии с законодательством. Никто не может быть произвольно лишен жилья.

Из конституционных положений следует, что правовыми формами социально-правовой защиты являются: социальное обеспечение; социальное страхование; социальное обслуживание; социальная служба; медицинское обслуживание; защита трудовых прав; защита имущественных и личных неимущественных прав; защита прав, свобод и интересов семьи; благотворительность; добровольные фонды социального обеспечения. Эти правовые формы имеют свою сферу действия, материальные источники и правовую регламентацию.

Наиболее важными и распространенными формами социальной защиты в мировой практике демократических государств являются социальное обеспечение и социальное страхование (пенсии, различного рода пособия).

Современная пенсионная система Республики Беларусь представляет собой одну из сложнейших социально-экономических проблем. Ее значимость определяется тем, что затрагивает жизненно важные интересы почти миллиона престарелых, инвалидов и членов семей, потерявших кормильцев.

Законодательство Республики Беларусь устанавливает два вида пенсий: трудовые и социальные. Например, пенсии по инвалидности относятся к обоим видам и представляют собой ежемесячные выплаты алиментного характера из Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь, назначенные гражданам в связи с установлением им одной из трех групп инвалидности, обусловленные определенной продолжительностью общественно-полезной трудовой деятельности в прошлом, в размерах, зависящих от прошлого заработка [604, с. 272].

Важнейшим государственным органом по социальной защите населения является Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь, образованный 1 июля 1993 г. (далее – Фонд). Фонд действует на основании Положения о Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 40 «О Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты» [526].

В Республике Беларусь 1 января 1993 г. вступил в силу Закон «О пенсионном обеспечении» [520]. Необходимость его принятия была вызвана кризисным положением пенсионеров, обусловленным тем, что в результате высоких темпов инфляции в 1991–1992 гг. и половинчатых мер по регулированию пенсионного законодательства больше половины пенсионеров оказались за чертой бедности.

Мы поддерживаем мнение, высказанное в научно-правовой литературе, что современная пенсионная система Республики Беларусь не обеспечивает необходимого уровня доходов для пожилых граждан, не создает механизмов для накопления средств. В нынешних социально-экономических условиях предотвратить углубление кризиса пенсионной системы можно только через поэтапный переход от всеобщей распределительной системы к смешанной системе пенсионного обеспечения, в которой значительную роль должны играть накопительные механизмы финансирования пенсий на основе рационального сочетания государственных и негосударственных форм пенсионного обеспечения [417, с. 287–289].

Право на пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении. Детям пенсии назначаются независимо от того, состояли ли они на иждивении кормильца.

Родители и супруг (супруга) умершего, не состоящие на его иждивении, также имеют право на пенсию, если впоследствии утратили источник средств к существованию [12, с. 289].

Можно согласиться с мнениями, высказанными в научно-правовой литературе, что с учетом сложившейся демографической ситуации (в республике на одного пенсионера приходится 1,58 работающего) проблема реализации в республике свободы предпринимательства и права на труд должна рассматриваться вместе с обеспечением прав-привилегий на социальную защиту (наиболее социально уязвимых слоев населения) и одновременно защита государством своих малообеспеченных граждан должна быть взаимосвязана с государственными гарантиями экономической свободы и трудовых прав. Только при подобном эффективном дополнении возможно утверждение на практике принципа социального государства [482, с. 61]. Доступность

прав и свобод, уровень их обеспеченности часто зависят от того, насколько разумна в государстве система льгот и привилегий (преимуществ, установленных законом). Их необоснованность для той или иной категории граждан снижает всеобщую доступность прав и свобод [105, с. 45].

Комплексность при организации защиты пожилых людей и иных категорий граждан, нуждающихся в социальной защите в сложных современных условиях, обуславливает определенное партнерство с участием государственных органов, общественных организаций, семьи и самих нуждающихся. Роль права как регулятора общественных отношений заключается прежде всего в определении и законодательном закреплении прав и гарантий граждан, которым необходима социальная защита, а также обязанности государства по отношению к данной категории граждан.

Достаточно важной проблемой представляется социальная защита прав инвалидов, лежащая в большей мере на плечах государства. В 1975 г. ООН приняла Декларацию прав инвалидов, ст. 3 которой закрепляет положение, «что инвалиды, каковы бы ни были происхождение, характер и серьезность их увечий или недостатков, имеют те же основные права, что и их сограждане того же возраста, что в первую очередь означает право на удовлетворительную жизнь, которая была бы как можно более нормальной и полноценной» [187].

Принцип равных прав инвалидов и неинвалидов предполагает, что потребности всех без исключения инвалидов имеют одинаково важное значение. Имеющиеся в обществе средства следует использовать таким образом, чтобы создать для инвалидов условия жизни, при которых они могли бы осуществлять все человеческие формы деятельности, характерные для каждого человека данного общества.

В западных демократических странах созданы благоприятные условия для жизнедеятельности инвалидов. Так, § 10 Кодекса социальных законов ФРГ закрепляет права инвалидов на помощь со стороны государства в той мере, которая необходима, чтобы воспрепятствовать возникновению проблем со здоровьем, устранить их или смягчить их последствия, улучшить состояние здоровья [854].

Современное специальное законодательство Республики Беларусь по вопросам социальной защиты инвалидов предусматривает решение проблем, связанных с приспособлением инвалидов к нормальной жизнедеятельности, и проявляется прежде всего в реализации системы льгот и компенсаций, а также принятии специальных мер в отношении инвалидов в сферах образования, занятости, реабилитации, здравоохранения, культуры и т. д.

Весьма важным вопросом является защита прав детей-инвалидов. Реализация прав данной категории инвалидов является сложной проблемой во всем мире. Например, в законодательстве европейских государств закреплён комплекс мероприятий по медицинскому обслуживанию и реабилитации детей-инвалидов [285, с. 94–97]. В настоящее время аналогичная программа осуществляется в Российской Федерации [578, с. 9].

В Республике Беларусь предпринимаются меры по защите прав детей-инвалидов и детей с особенностями психического развития [670, с. 13–16].

5.2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАЩИТА

В современном обществе в области защиты прав человека и гражданина большое значение отводится неправительственным правозащитным организациям и политическим партиям.

Основная роль неправительственных правозащитных организаций (НПО) состоит в том, чтобы заставить государство, во-первых, соблюдать права и свободы граждан, во-вторых, предпринимать все меры к тому, чтобы создавать условия для их реального осуществления во всех сферах общественной жизни. Эти организации обладают свободой выражения мнений, гибкостью действий и свободой передвижения. В силу этого НПО в определенных условиях могут решать задачи, которые не в силах урегулировать государственные и международные организации.

В научной литературе высказано мнение о том, что НПО, действовавшие и действующие в Беларуси, государственная власть рассматривает как атрибуты западного образа жизни, неприемлемые для «рыночного социализма». В Беларуси они якобы выступают в роли буржуазного «троянского коня», протаскивающего чуждые белорусскому народу ценности и нормы,

осуществляющего грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства и порочащего общественно-политическую действительность страны [50, с. 117].

Следует согласиться с мнением, что есть правозащитные организации, которые действуют достаточно активно, но существуют и такие, которые создают видимость работы [54, с. 8].

Влиятельной и активно действующей неправительственной правозащитной организацией в Республике Беларусь является Белорусский Хельсинкский Комитет, осуществляющий свою деятельность с ноября 1995 г. [650, с. 5]. БХК организует различные конференции, семинары, круглые столы по вопросам защиты прав человека и гражданина. При БХК создана «приемная», где граждане получают бесплатную юридическую консультацию о возможностях защиты своих прав.

Белорусский Хельсинкский Комитет при осуществлении своей деятельности сотрудничает с национальными хельсинкскими комитетами других государств и иными неправительственными правозащитными организациями.

Заслуживает внимания деятельность Общественного объединения «Белорусское движение медицинских работников» (ОО «БДМР»). Основной задачей объединения является оказание социальной помощи гражданам Республики Беларусь, пострадавшим от ЧАЭС, детям-сиротам, детям-инвалидам, беженцам и переселенцам. С 1 января 1999 г. ОО «БДМР» совместно с представительством Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в Республике Беларусь осуществляют проект по оказанию правовой и социальной помощи беженцам и лицам, ищущим убежище в Беларуси [341, с. 72–73].

Эффективно работает в области защиты прав беженцев Белорусское Общество Красного Креста [615, с. 94–101] и неправительственная организация «Независимая социальная помощь» [147, с. 92–94]. Важная роль в защите трудовых, социально-экономических прав и интересов граждан принадлежит профессиональным союзам [265, с. 149–158].

В демократических государствах мира накоплен определенный опыт правозащитной деятельности неправительственных организаций. Так, в Великобритании была создана комиссия по

жалобам на полицию, независимый совет, который готовит материалы на досрочное, условно-досрочное освобождение заключенных [54, с. 7].

Политические партии призваны играть важную роль в демократических государствах. Именно через политические партии граждане наиболее полно осуществляют политическую власть как на государственном уровне, так и на уровне конкретных административно-территориальных единиц в Германии, Швеции и других государствах Европы. Например, в Германии в настоящее время имеется около 40 политических партий и группировок, которые активно участвуют в политической жизни государства. Во Франции политические партии и общественные организации совместно с другими политическими силами осуществляют контроль за администрацией [93, с. 486], что является также формой защиты конституционных прав человека и гражданина.

В Республике Беларусь в 2005 г. из официально зарегистрированных 17 политических структур только половина реально действовала на политической арене республики [571, с. 3]. В настоящее время их 15. С учетом того, что политические партии Беларуси представлены малым членством и по различным причинам не пользуются широкой поддержкой граждан, говорить об активном участии их в политической жизни государства не приходится.

Нам представляется, что государство должно создать более льготные условия для развития политических партий и иных общественных организаций, через которые граждане могли бы более активно реализовывать свои конституционные права в рамках ст. 2–5, 36, 37 Конституции Республики Беларусь.

Мы поддерживаем мнение Б. Н. Топорнина, что политические партии, находящиеся в оппозиции к власти в западноевропейских государствах, являются важнейшим средством контроля за деятельностью государственных органов. В частности, через свои фракции в парламентах политические партии поднимают вопрос о нарушениях прав человека, коррупции государственных чиновников, недостатках работы государственных органов и т. д. [727, с. 119–121] и имеют свои формы защиты прав [439, с. 12–13; 847, с. 418–420].

Необходимо отметить, что Российская Федерация, с которой наша страна строит Союзное государство, уверенно идет по этому пути. Например, российский исследователь Ю. А. Юдин говорит о формировании партийного права как подотрасли конституционного права, подобного уже существующим подотраслям (избирательное право, парламентское право) [814, с. 19].

В Республике Беларусь в настоящее время основной контроль за деятельностью политических партий осуществляется исполнительной властью, а надзор – Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. В частности, ст. 30 Закона Республики Беларусь от 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях» [512] закрепляет положение о вынесении Министерством юстиции Республики Беларусь письменного предупреждения руководящему органу политической партии в случае совершения ею действий, нарушающих Конституцию и другие законодательные акты или устав.

Ликвидировать политическую партию в настоящее время своим решением может только Верховный Суд Республики Беларусь по основаниям, перечисленным в ст. 32 Закона о политических партиях и ст. 15 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г., № 114-З «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» [506].

Мы полагаем, что ведущая роль в области контроля за деятельностью политических партий должна принадлежать Конституционному Суду Республики Беларусь. Примером может служить деятельность Федерального Конституционного Суда ФРГ, который в соответствии с п. 2 ст. 21 Основного Закона решает вопрос об антиконституционности политических партий.

По нашему мнению, это, во-первых, позволит избежать чрезмерного давления со стороны исполнительной власти на оппозиционные политические партии. Во-вторых, решения, принимаемые по политическим партиям, носят наряду с юридическим политический характер. Не умаляя достоинства Верховного Суда Республики Беларусь, считаем, что Конституционный Суд Республики Беларусь более компетентен в данной области. И последнее, наиболее важное положение: контроль за деятельностью политических партий и их ликвидация должны быть отражены на конституционном уровне.

Анализируя роль общественных объединений в области защиты прав человека и гражданина, необходимо отметить, что роль их в данной области общественных отношений недостаточно велика. Либо общественные объединения будут играть одну из ведущих ролей, как это было в недавнем прошлом, либо государство не будет учитывать и использовать потенциал политических и иных общественных объединений в области защиты прав человека.

Достаточно важной составляющей общественной формы защиты выступает адвокатура. По своей сущности адвокатура является одним из важнейших элементов правозащитной системы общества. Это негосударственное и некоммерческое добровольное профессиональное объединение квалифицированных юристов, созданное для оказания правовой помощи физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав и законных интересов [15, с. 17]. В последние годы наблюдается возрастание социальной значимости этого общественного правозащитного института в Республике Беларусь.

В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон об адвокатуре) [527] адвокатом Республики Беларусь может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по специальности не менее трех лет или не имеющий такого стажа, прошедший в установленных Законом случаях стажировку в адвокатуре, сдавший квалификационный экзамен и получивший лицензию на право занятия адвокатской деятельностью.

Адвокаты наделены правом представлять интересы клиента во всех государственных и общественных организациях – судах, прокуратуре, МВД и т. д. Адвокат участвует в судебном заседании и ведет иные дела на основании ордера, подписанного заведующим юридической консультации. Ордером является документ, подтверждающий полномочия адвоката. Причем после получения ордера адвокат не вправе отказаться от принятой защиты или представительства.

Статья 17 Закона об адвокатуре наделяет адвоката большими правами при осуществлении им профессиональных полномо-

чий. В соответствии со ст. 54, 55, 57 УПК при представлении адвокатом в уголовном процессе интересов потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика он пользуется всеми процессуальными правами этих лиц.

Статья 18 Закона об адвокатуре налагает на адвоката определенные обязанности. За действия, противоречащие Закону об адвокатуре и нормам профессиональной этики, адвокаты подлежат дисциплинарной ответственности [72, с. 264–265].

Таким образом, проведенное в настоящей главе исследование теоретических проблем национальной защиты прав личности, в целом позитивно оценивая сложившийся механизм защиты прав человека и гражданина в Республике Беларусь, позволяет выявить определенные проблемы и перспективы дальнейшего его совершенствования.

Одна из проблем, стоящих перед органами суда в стране, сводится к расширению возможностей судов общей юрисдикции в осуществлении судебного конституционного контроля в области защиты прав человека, о котором можно говорить, ссылаясь на ст. 110 Конституции Республики Беларусь [322]. Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Есть необходимость дополнить данную статью положением о том, что судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только *Конституции и закону*. Это дало бы возможность в случае противоречия закона положениям Конституции или пробела в законе, при вынесении решения ссылаться непосредственно на конституционные нормы.

При осуществлении гражданского судопроизводства. Необходимо исключить положение ч. 1 ст. 37 действующего ГПК Республики Беларусь, которое ограничивает рассмотрение судом дел о защите нарушенных прав и законных интересов граждан формулировкой «*когда актами законодательства разрешение таких споров отнесено к ведению иных государственных органов, а также иных организаций*». Данное правило противоречит конституционной норме, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

При осуществлении уголовного судопроизводства и административного процесса. Перед тем как обеспечить защиту права гражданина на неприкосновенность личности и другие личные

права от неправомерных действий должностных лиц, в первую очередь следует привести в соответствие законодательство. Человек должен хорошо представлять механизм реализации своего права, понимать, в чем, на каких стадиях и в каких случаях оно считается нарушенным, в чем должностное лицо или сам гражданин не выполнили требований закона, какие от этого наступят последствия, как восстановить или защитить свое право, каковы пределы действия норм, на основании которых сотрудники милиции вправе вмешаться в личные права индивида, каков процедурно-правовой порядок этой деятельности.

Назрела необходимость в разработке и принятии закона, который бы в целом определял порядок судебного обжалования как индивидуальных, так и нормативных актов государственного управления, и выделения в отдельный вид административного судопроизводства. Следовало бы обстоятельно обсудить проблему административного судопроизводства и создания самостоятельного Административного процессуального кодекса, так как речь идет не о гражданско-правовых, а об административно-правовых спорах при защите граждан, а последние должны быть обеспечены самостоятельной процедурой.

Считаем, что п. 1 ч. 2 ст. 45 УПК следует дополнить категорией малолетних и несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения уголовно наказуемого деяния возраста, с наступлением которого возможна уголовная ответственность. Пункт 1 ст. 221 УПК следует укрепить положением, что при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет наряду с обязательным участием педагога или психолога необходимо обязательное участие адвоката. Аналогичным положением дополнить ст. 10.11; п. 1 и п. 2 ст. 11.4 ПИКюАП.

Большое значение в области защиты прав человека имеет Закон Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей». В целом нормы данного Закона в настоящее время соответствуют стандартам ООН. По нашему мнению, с целью усиления защиты прав личности необходимо в ст. 42 данного Закона закрепить положение о возмещении не только материального, но и морального ущерба, причиненного лицу, содержащемуся под стра-

жей, по вине сотрудников мест содержания под стражей или руководителей их администрации.

Считаем целесообразным принять специальный закон об обеспечении безопасности участников уголовного процесса. В настоящее время эти вопросы регламентирует УПК, предусматривающий принятие органами расследования и судом мер по обеспечению безопасности потерпевших от преступлений, свидетелей, экспертов, членов их семей и близких родственников, если имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества и других противоправных действий (ст. 65–75) и детализированы в Положении о порядке применения мер по обеспечению безопасности некоторых участников уголовного процесса и других лиц. Эти новеллы позволили повысить обеспеченность безопасности участников уголовного процесса и членов их семей. Однако рассмотренные нормы применяются крайне редко, ибо они определяют только общий процессуальный порядок, а соответствующие правовые механизмы его реализации пока не разработаны. В частности, по примеру ряда стран Европейского союза следует предусмотреть создание в судах «безопасных комнат ожидания» для потерпевших от преступления и свидетелей, оснастить залы судебных заседаний необходимым оборудованием для допроса защищаемых лиц с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих их неузнаваемость преступниками, и т. д.

Важным элементом защиты прав человека и гражданина явилось бы введение в уголовное судопроизводство института апелляционного производства пересмотра приговора суда первой инстанции. Апелляция позволила бы коллегии Верховного Суда, если на то имеются обстоятельства, рассмотреть дело вновь, что, по нашему мнению, позволит реализовать обвиняемому право на защиту его прав.

В УПК целесообразно ввести соответствующие статьи, касающиеся прослушивания телефонных переговоров. В них следует перечислить субъектов, чьи переговоры допустимо прослушивать. Для охраны прав личности важно установить круг преступлений, при расследовании которых возникает такая необходимость, а также срок прослушивания.

Следует дополнить ст. 23 Закона об органах внутренних дел определенными ограничениями на деятельность милиции в отношении частной жизни граждан: 1) сотрудники внутренних дел не имеют права собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом; 2) возложить на сотрудников внутренних дел обязанность по обеспечению лицу возможности ознакомления с документами и материалами, в которых непосредственно затрагиваются его права, если иное не предусмотрено законом.

Данные положения Закона об органах внутренних дел призваны надежно обеспечить соблюдение прав граждан со стороны органов внутренних дел.

При осуществлении конституционного правосудия. В научно-правовой литературе происходит определенный диспут о соотношении политических и правовых вопросов в решениях Конституционного Суда. Вместе с тем, по нашему мнению, необходимо учитывать, что Конституция является не только правовым, но и политическим документом, и, решая вопросы на основе положений Конституции, Конституционный Суд разрешает не только юридические, но и политические споры.

Для повышения роли Конституционного Суда Республики Беларусь в области защиты прав и свобод человека необходимо наделить его следующими полномочиями:

- отнести к ведению Конституционного Суда право толкования Конституции;
- ввести институт индивидуальной конституционной жалобы, открывающий субъекту прав и свобод прямой доступ в органы конституционного контроля.

Достаточно спорным вопросом в настоящее время является наделение Конституционного Суда Республики Беларусь дополнительными полномочиями по обязательному предварительному контролю всех законов, принятых Национальным собранием Республики Беларусь, на стадии до подписания их Президентом Республики Беларусь. По нашему мнению, Конституционный Суд не должен давать заключений в таких случаях, поскольку в дальнейшем при рассмотрении возникшего

спора между высшими государственными органами, должностными лицами Конституционный Суд будет «связан» своим уже высказанным мнением.

Ведущая роль в области контроля за деятельностью политических партий должна принадлежать Конституционному Суду Республики Беларусь. Это, во-первых, позволит избежать чрезмерного давления со стороны исполнительной власти на оппозиционные политические партии. Во-вторых, решения, принимаемые по политическим партиям, носят наряду с юридическим характером политический. Контроль за деятельностью политических партий и их ликвидация должны быть отражены на конституционном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОНОГРАФИИ

Конституционно-правовой статус личности как системообразующая правовая категория рассматривается через призму основ конституционного строя и народовластия. Комплексность исследования конституционно-правового статуса личности определяется авторской позицией, основанной на сущностном подходе, системном анализе, принципе интегрированного научного знания. Эта методология позволяет определить концепцию правового положения человека – участника различных отношений между коллективом, обществом и государством с целью разработки отвечающих современным условиям теоретических основ конституционно-правового статуса личности на базе выявления закономерностей правового регулирования общественных отношений и сделать выводы.

1. Правовое обеспечение общественных отношений в области конституционно-правового статуса личности должно базироваться на научно обоснованном подходе – *конституционно-правовой концепции*, которая представляет собой систему научных взглядов на сущность и юридическую природу правового регулирования общественных отношений в области конституционно-правового статуса личности и при современном уровне правовой науки включает приведенные ниже положения.

Предмет конституционно-правового статуса личности составляют конституционно-правовые нормы, закрепляющие правомочия человека в различных общественных отношениях. Все это отражается на конституционно-правовом статусе (положении) физических лиц, для которых стабильная политическая ситуация, эффективное последовательное развитие экономики государства, повышение социальной защищенности, здоровая окружающая среда являются одновременно источником материальных благ, здоровья, нравственной основы и душевного спокойствия.

Сфера конституционно-правового регулирования – конституционно-правовой статус личности. Человек занимает особое место в триаде правоотношений «личность – общество – госу-

дарство». Он, его права, свободы и гарантии их реализации рассматриваются как высшая ценность и цель общества и государства. Конституционно-правовой статус личности относится к неотъемлемой основе народовластия, так как государство учитывает интересы всех членов общества. В свою очередь, жизнеспособность демократии во многом зависит от полноты закрепления прав и свобод человека в правовой системе государства, их реальных гарантий и защиты. Структурные части (элементы) конституционно-правового статуса личности, тесно взаимодействуя между собой, проявляются в элементах основ конституционного строя (политических, экономических, социальных и духовно-культурных отношениях). Средствами конституционного и отраслевого законодательства обеспечивается безопасность человека (политическая, экономическая, социально-культурная и экологическая).

Метод конституционно-правового регулирования конституционно-правового статуса личности заключается в сочетании властного (императивного) регулирования, присущего публичному праву, с определенной автономностью и самостоятельностью (диспозитивностью), свойственным частному праву. Двойственность метода конституционно-правового регулирования обуславливает *комплексный* характер правового воздействия на сферу конституционно-правового статуса личности и, как следствие, комплексный характер конституционного права – основополагающей отрасли законодательства, нормы которой детализируются нормами иных отраслей права.

Исходя из комплексного характера правового регулирования конституционно-правового статуса личности источники иных отраслей законодательства регулируют данные общественные отношения в совокупности с собственно конституционным законодательством на основании принципа взаимодействия общей и специальной норм, где общей нормой, имеющей верховенство по отношению к специальной, выступает конституционно-правовая норма.

В качестве *ведущего критерия* эффективности функционирования механизма конституционно-правового статуса личности предлагается рассматривать взаимосвязь и взаимообусловленность всех структурных элементов: а) прав и свобод человека и гражданина; б) обязанностей человека и гражданина; в) от-

ветственности человека и гражданина; г) гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина; д) защиты прав и свобод человека и гражданина.

2. Конституционно-правовой статус личности – *системообразующая категория конституционного права*, представляющая комплексный институт конституционного права, имеющий свои принципы и *структурно* состоящий из элементов, на правах которых выступают отдельные конституционно-правовые институты: а) прав и свобод человека и гражданина; б) обязанностей человека и гражданина; в) ответственности человека и гражданина; г) гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина; д) защиты прав и свобод человека и гражданина.

Отличительные признаки предлагаемого определения: а) признание конституционно-правового статуса личности системообразующей категорией конституционного права, представляющей собой комплексный институт и имеющей свои принципы; б) признание прав и свобод человека и гражданина; обязанностей человека и гражданина; в) ответственности человека и гражданина; г) гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина; д) защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве конституирующей основы конституционно-правового статуса личности.

Гражданство как политико-правовая связь человека с государством не относится к элементам конституционно-правового статуса личности. Вместе с тем оно является фактором, усиливающим все иные элементы правового статуса личности и придающим им особое качество.

Признание конституционно-правового статуса личности системообразующей категорией конституционного права позволяет определить конечную цель правовой политики государства по обеспечению человека, его прав, свобод и гарантий их реализации как высшую ценность общества и государства, закрепленную положениями ст. 2 Конституции Республики Беларусь, и сформулировать направления развития законодательства для достижения названной цели.

3. *Принципы правового статуса личности* – основные начала, не входящие в структуру правового статуса, но составляющие организационную и нравственную основу, определяющие сущность и правовую природу юридического обеспечения обще-

ственных отношений в области правового статуса личности и распространяющиеся на все статутные элементы. К ним относятся свобода, равенство и солидарность.

Принцип свободы – свобода выбора в рамках закона. *Принцип равенства* – все имеют равные возможности в своих правах, свободах, обязанностях, ответственности, гарантиях и защите прав и свобод. *Принцип солидарности* – общность интересов и взаимное согласие всех.

Публичный характер правоотношений и необходимость обеспечения конституционных прав человека и гражданина определяют главенствующее равенство принципов свободы, равенства и солидарности в триаде общественных отношений «личность – общество – государство».

Из данных принципов вытекают иные основные начала конституционно-правового статуса личности, включая принцип о верховенстве норм конституционного права по отношению к нормам иных отраслей права, регулирующим структурные элементы конституционно-правового статуса личности.

4. Научное обоснование концепции прав человека как многопланового явления, формирование которой происходило под влиянием определенных общественных факторов (философии, религии, права, морали и культуры) на базе двух основных теорий – позитивистской и естественно-правовой.

В конституционной практике современных государств наблюдается объединение естественно-правовых и позитивистских подходов. Развитие конституционализма показывает, что государства, признающие естественно-правовую доктрину, не отвергают оформления прав и свобод человека в позитивном законодательстве. Аналогичный процесс наблюдается и в международном праве.

5. Научное обоснование прав и свобод личности (субъективные права) как реальных социальных возможностей индивида, вытекающих непосредственно из закона, детерминированных экономическими, политическими, социальными, юридическими условиями жизни общества и выражающих меру свободы, которая объективно возможна для личности на конкретном историческом этапе развития общества. В пределах этой свободы осуществляется самоопределение личности, законодательно устанавливаются условия реального пользования социальными

благами в различных сферах жизни общества. Вместе с тем в отношениях между личностью, обществом, государством и коллективом свобода личности относительна, т. е. она ограничена сферой прав других индивидов, интересов коллектива, государства и общества в целом. Характер прав и свобод человека определяется не только природой отдельного конкретного государства, в котором они реализуются, но и развитием человеческой цивилизации в целом, уровнем и степенью интегрированности международного сообщества, самим процессом глобализации.

Необходимо отметить, что права личности, как и право в целом, органично включены в социальный контекст, в систему общественных отношений, где они взаимодействуют, противодействуют, взаимодополняют либо снижают эффективность иных элементов социокультурной нормативной системы – норм морали, политических, религиозных, корпоративных норм, обычаев, традиций и т. п.

6. Научное обоснование защиты прав и свобод личности как конституционно-правовой категории – *социально-юридического механизма защиты прав и свобод личности*, являющейся самостоятельным конституционным институтом, который соответствует всем теоретическим характеристикам.

Категория «механизм» позволяет охватить весь процесс защиты прав личности, представить его в системно-динамическом виде, раскрыть структуру, последовательное расположение, взаимосвязь и взаимодействие элементов и стадий реализации, выявить их специфические функции, эффективно решать вопросы совершенствования процедур защиты прав человека. Научно определить механизм защиты прав и свобод важно также в сравнении с процессом соблюдения личностью юридической обязанности и прав других индивидов.

Представляя собой явление социально-правового порядка, механизм защиты прав и свобод позволит обобщить в едином процессе использования социальные и юридические его аспекты, раскрыть их взаимовлияние. Такой подход дает полное основание для выделения категории *социально-юридического механизма защиты прав и свобод личности*.

Социально-юридический механизм защиты прав и свобод личности в целом способен эффективно выполнять свою роль только в том случае, когда он содержит: а) правовые средства

воздействия на субъектов права; б) правовые средства, обеспечивающие действие права; в) правовые средства реализации права; г) правовые средства обеспечения поведения субъектов права и включен в структуру соответствующей практики.

7. В зависимости от вида участия государства, государственных органов, общественных организаций можно выделить пять форм защиты: судебную, административно-правовую, прокурорскую, социально-правовую и общественную. Подобное многообразие форм защиты прав человека предусматривает и действующее законодательство Республики Беларусь. При разграничении форм защиты прав личности в научной литературе высказывалось также мнение, что отнесение дел к подведомственности судебных или иных органов зависит от особенности политики государства на данном этапе его развития, а в некоторой степени диктуется практическими соображениями. При таком подходе проблема разграничения форм защиты неизменно смещается в плоскость субъективного усмотрения законодателя. Между тем нам представляется очевидным, что имеются определенные объективные обстоятельства, которые препятствуют законодателю использовать любую форму для защиты любых прав. Так, форма защиты негосударственными общественными организациями не может быть использована для защиты личности от преступного посягательства. Однако было бы ошибкой пытаться найти исчерпывающий объективный критерий, игнорируя политические и иные факторы (как объективные, так и субъективные).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в разграничении форм защиты конституционных прав человека и гражданина следует учитывать как объективные, так и субъективные факторы.

8. Являясь важнейшим компонентом взаимодействия государства, права и личности, юридическая обязанность есть установленная законом мера должного, общественно необходимого поведения, а также вид (линия) поведения, устанавливаемого и гарантируемого государственной властью в интересах человека, общества и государства.

9. Обоснование на базе выработанных в работе критериев подхода к юридической ответственности как составной части социальной ответственности и одной из фундаментальных категорий правовой науки представляется оправданным с точки зре-

ния теории и практики понимания юридической ответственности в качестве сложной видоизменяющейся структуры, состоящей из двух аспектов: ретроспективной (негативной) ответственности за нарушение норм права в прошлом и позитивной (проспективной) ответственности за будущее, представляющей собой моральную категорию, закреплённую нормами права. При этом возможен переход позитивной ответственности в негативную при совершении преступления или иного правонарушения.

10. Изучив различные мнения отечественных и зарубежных ученых по проблеме гарантий как элемента конституционно-правового статуса личности, мы пришли к следующему выводу.

Гарантии прав и свобод представляют собой систему условий, средств и способов (экономических, политических, социальных, юридических (процессуальных)), обеспечивающих каждому человеку правовые возможности для реализации всех его конституционных прав и свобод.

Рекомендации по практическому использованию результатов монографии

1. Статья 8 Конституции Республики Беларусь признает приоритет *общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства*. При этом не допускается заключения международных договоров, которые противоречат Конституции. Ни одна из статей Конституции не закрепляет прямого действия нормы международного договора, ратифицированного республикой, и не дает права судам и другим государственным органам принимать решения на основе вступившего в силу международного договора. Более того, в ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что *государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства*, а ч. 3 ст. 7 Конституции определяет: *«Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы»*.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что по рассматриваемому вопросу имеется расхождение между конституционным положением и текущим законодательством Республики Беларусь. В данном случае, по нашему мнению, возможен двойкий путь – или изменение конституционных положений, т. е. за-

крепление в Основном Законе прямого действия на территории Республики Беларусь ратифицированных норм международного права и их приоритета по отношению к обычному закону и иным правовым нормам или приведение текущего законодательства в соответствие с конституционными положениями.

2. Было бы уместно закрепить в Конституции Республики Беларусь право народа Республики Беларусь на осуществление местного самоуправления. Косвенно это право определено ст. 117 Конституции. Предлагаем ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Беларусь изложить в следующей редакции: *«Единственным источником государственной власти, местного самоуправления и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией».*

В ч. 2 ст. 6 Конституции Республики Беларусь добавить следующее положение: *«Самоуправление является особым проявлением власти народа на административно-территориальной единице и отделено в рамках закона от государственной власти».*

3. Следует во второй раздел Конституции Республики Беларусь, закрепляющий основные права, свободы и обязанности граждан, ввести главу, посвященную защите прав и свобод. В ней должны быть определены основные формы, методы и средства защиты прав человека государством и общественными формированиями. Конкретный механизм защиты прав человека должен быть определен в текущем законодательстве.

4. Одна из проблем, стоящих перед органами суда в стране, сводится к расширению возможностей судов общей юрисдикции в осуществлении судебного конституционного контроля в области защиты прав человека, о котором можно говорить, ссылаясь на ст. 110 Конституции Республики Беларусь (с изм. и доп. от 24 ноября 1996 г.). Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Есть необходимость дополнить данную статью положением о том, что судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только *Конституции и закону*. Это дало бы возможность в случае противоречия закона или пробела в законе при вынесении решения суду ссылаться непосредственно на конституционные нормы.

5. При осуществлении гражданского судопроизводства. Необходимо исключить положение ч. 1 ст. 37 действующего ГПК Республики Беларусь, которое ограничивает рассмотрение судом дел о защите нарушенных прав и законных интересов граждан следующим образом: *«когда актами законодательства разрешение таких споров отнесено к ведению иных государственных органов, а также иных организаций»*. Данное правило противоречит конституционной норме, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

6. При осуществлении уголовного судопроизводства и административного процесса. Считаем, что п. 1 ч. 2 ст. 45 УПК необходимо дополнить категорией несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения уголовно наказуемого деяния возраста, с наступлением которого возможна уголовная ответственность. Пункт 1 ст. 221 УПК необходимо дополнить положением, что при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет наряду с обязательным участием педагога или психолога необходимо обязательное участие адвоката. Аналогичным положением дополнить ст. 10.11, п. 1 и 2 ст. 11.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

7. Механизм судебного контроля за органами администрации в целях защиты прав человека и гражданина нуждается в более четком правовом регулировании в части установления специфических процессуальных правил рассмотрения дел, вытекающих из административно-правовых отношений. Ввести с судебную систему Республики Беларусь систему специальных органов административной юстиции. В Беларуси наиболее применима французская модель административной юстиции, полностью отделенная от системы судов общей юрисдикции;

8. Большое значение в области защиты прав человека имеет Закон Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-3 «О порядке и условиях содержания лиц под стражей». В целом нормы данного Закона в настоящее время соответствуют стандартам ООН. По нашему мнению, с целью усиления защиты прав личности необходимо в ст. 42 данного Закона закрепить возмещение не только материального, но и морального ущерба, причиненного лицу, содержащемуся под стражей, по вине сотрудников мест содержания под стражей или руководителей их администрации.

9. Часть 3 ст. 60 УПК наделяет свидетеля широким перечнем прав: не свидетельствовать против самого себя; заявлять отвод переводчику; собственноручно записывать свои показания в протоколе допроса или удостоверить своей подписью в протоколе следственного или другого процессуального действия правильность записи данных им показаний; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества; получать возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс. Данные права не детализированы в текущем законодательстве и носят в большинстве декларативный характер, что позволяет на практике нарушать их. По нашему мнению, назрела необходимость в принятии отдельного закона о защите прав свидетеля.

В Конституции Российской Федерации права потерпевшего закреплены в ст. 52: «Права потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Считаю целесообразным ввести в Конституцию Республики Беларусь аналогичное положение и принять специальный закон об обеспечении безопасности участников уголовного процесса. В настоящее время эти вопросы регламентированы в УПК, предусматривающем принятие органами расследования и судом мер по обеспечению безопасности потерпевших от преступлений, свидетелей, экспертов, членов их семей и близких родственников, если имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества и других противоправных действий (ст. 65–75), и детализированы в Положении о порядке применения мер по обеспечению безопасности некоторых участников уголовного процесса и других лиц. Эти новеллы позволили повысить безопасность участников уголовного процесса и членов их семей. Однако рассмотренные нормы применяются крайне редко, ибо они определяют только общий процессуальный порядок, а соответствующие правовые механизмы его реализации пока не разработаны. В частности, по примеру ряда стран Европейского

союза следует предусмотреть создание в судах «безопасных комнат ожидания» для потерпевших от преступления и свидетелей, оснастить залы судебных заседаний необходимым оборудованием для допроса защищаемых лиц с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих их неузнаваемость преступниками, и т.д.

10. Статья 27 Конституции Республики Беларусь закрепляет положение, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Под законом понимается действующее законодательство, не имеющее четкой классификации и детального перечисления тех новых естественнонаучных средств, применение которых возможно без нарушения и ущемления субъективных прав человека. По нашему мнению, законодатель может установить четкую систему, по которой естественнонаучный метод наиболее быстро и научно обоснованно поступал бы в распоряжение субъекта исследования. В этом случае можно было бы не сомневаться в его допустимости, возможностях, научности, безвредности. Было бы наиболее правильным введение в УПК статьи, разрешающей использование конкретной криминалистической техники и различных веществ. Это нововведение позволит лучше обеспечить защиту прав человека не только на уровне применения методов и средств, но и на уровне доказывания виновности или невиновности.

11. Важным элементом защиты прав человека и гражданина явилось бы введение в уголовное судопроизводство института апелляционного производства пересмотра приговора суда первой инстанции. Само по себе апелляционное производство представляет собой принципиально новое явление для современного белорусского уголовного процесса. Наиболее важной, отличительной чертой в сравнении с кассацией и надзорным производством является то, что оно позволяет не формально, как в действующем кассационно-надзорном порядке, а по существу приговора и с новым исследованием доказательств в суде вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного в первой инстанции. Завершается апелляционное производство постановлением приговора, полностью заменяющего приговор нижестоящего суда. В частности, обвиняемые, в отношении которых вынесен приговор Верховным Судом Республики Беларусь как судом первой инстанции, не имеют возможнос-

ти обжаловать его (ч. 6 ст. 370 УПК). Апелляция позволила бы коллегии Верховного Суда, если на то имеются причины, рассмотреть дело вновь.

12. В УПК Республики Беларусь необходимо ввести соответствующие статьи, касающиеся прослушивания телефонных переговоров, где следует перечислить субъектов, чьи переговоры допустимо прослушивать. Для охраны прав личности целесообразно установить круг преступлений, при расследовании которых возникает такая необходимость, а также срок прослушивания, обязать прокурора требовать представления необходимых доказательств, свидетельствующих о такой целесообразности. В идеале лишь независимый суд должен давать санкцию не только на заключение под стражу, но и на производство других следственных действий, нарушающих конституционные права граждан: обыск в жилище, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивание телефонных переговоров и др. Именно так решает этот вопрос ст. 29 нового УПК Российской Федерации (принят в 2001 г., введен в действие с 1 июля 2002 г.), а также законодательство других стран.

13. По нашему мнению, с целью соблюдения прав граждан необходимо дополнить ст. 23 Закона об органах внутренних дел определенными ограничениями на деятельность милиции в отношении частной жизни граждан: 1) сотрудники внутренних дел не имеют права собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом; 2) возложить на сотрудников внутренних дел обязанность по обеспечению лицу возможности ознакомления с документами и материалами, в которых непосредственно затрагиваются его права, если иное не предусмотрено законом.

Данные положения Закона об органах внутренних дел призваны надежно обеспечить соблюдение прав граждан со стороны органов внутренних дел.

14. *При осуществлении конституционного правосудия.* В научно-правовой литературе проходят дискуссии о соотношении политических и правовых вопросов в решениях Конституционного Суда. Вместе с тем, по нашему мнению, необходимо учитывать то обстоятельство, что Конституция является не толь-

ко правовым, но и политическим документом. Решая вопросы на основе положений Конституции, Конституционный Суд разрешает не только юридические, но и политические споры.

Для повышения роли Конституционного Суда Республики Беларусь в области защиты прав и свобод человека необходимо наделить его следующими полномочиями:

- отнести к ведению Суда право толкования Конституции;
- ввести институт индивидуальной конституционной жалобы, открывающий субъекту прав и свобод прямой доступ в органы конституционного контроля;
- отнести к ведению Суда контроль за деятельностью политических партий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абашидзе, А. Х. Универсальные механизмы защиты прав человека : учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, А. О. Гольтязев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 135 с.
2. Абдулаев, М. И. Учение Канта о праве и государстве / М. И. Абдулаев // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 148–154.
3. Абдулаев, М. И. Международно-правовой контроль в области защиты прав человека / М. И. Абдулаев // Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 99–105.
4. Абрамов, В. И. Соотношение понятий «охрана», «защита», «гарантированность», «обеспечение» прав ребенка / В. И. Абрамов // гос-во и право. – 2006. – № 6. – С. 68–74.
5. Абрамова, О. Д. Формирование эффективной структуры собственности в России как фактор реализации прав человека / О. Д. Абрамова // Права человека в современном мире : тез. междунар. теорет. семинара, посвящ. 50летию принятия Всеобщ. декларации прав человека. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – С. 50–55.
6. Абрамович, А. М. Правовой статус советского гражданина / А. М. Абрамович ; под ред. В. И. Шабайлова. – Минск : Наука и техника, 1988. – 93 с.
7. Абрамович, А. М. Развитие социалистической демократии в условиях перестройки (материал в помощь лектору) / А. М. Абрамович. – Минск : Знание, 1989. – 22 с.
8. Авакьян, С. А. Государственно-правовая ответственность / С. А. Авакьян // Советское гос-во и право. – 1975. – № 10. – С. 16–24.
9. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – Т. 1. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 863 с.
10. Авакьян, С. А. Конституционное право России : практикум / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – М. : Городец, 2009. – 400 с.
11. Авдеенкова, М. П. Система юридической ответственности в современной России / М. П. Авдеенкова // Гос-во и право. – 2007. – № 7. – С. 25–32.
12. Авдей, А. Г. Круг членов семьи, имеющих право на пенсию по случаю потери кормильца / А. Г. Авдей // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 289–290.

13. Агиевец, В. Н. Система социального обеспечения в зарубежных странах и возможность учета закономерностей ее функционирования в Республике Беларусь / В. Н. Агиевец // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 251–255.
14. Агиевец, С. В. Правовые аспекты организации медицинской помощи в зарубежных государствах / С. В. Агиевец // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 281–284.
15. Адвокатская деятельность : учеб.-практ. пособие / В. Н. Борубин [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Борубина. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2001. – 535 с.
16. Айвазян, М. С. Открытое государство: политико-правовое видение / М. С. Айвазян [и др.] // Гос-во и право. – 2003. – № 5. – С. 60–68.
17. Акименко, К. В. Государственно-правовой механизм защиты гражданских прав и свобод человека в Республике Беларусь: теория и практика / К. В. Акименко ; под науч. ред. Д. М. Демичева. – Минск : Право и экономика, 2008. – 172 с.
18. Акименко, К. В. Конституционно-правовые основы защиты прав и свобод человека / К. В. Акименко. – Минск : Право и экономика, 2006. – 147 с.
19. Александров, А. С. Каким не быть предварительному следствию / А. С. Александров // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.
20. Александров, А. С. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун // Гос-во и право. – 2001. – № 10. – С. 55–62.
21. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1961. – 271 с.
22. Алексеев, И. А. К вопросу о понятии ответственности в системе права / И. А. Алексеев // Гос-во и право. – 2009. – № 2. – С. 83–87.
23. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : НОРМА, 2001. – 752 с.
24. Алексеев, С. С. Об объекте права и правоотношения / С. С. Алексеев // Вопросы общей теории советского права / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Брагуся. – М. : Юрид. лит., 1960. – С. 284–308.
25. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 359 с.

26. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
27. Алексеев, С. С. Право на пороге нового тысячелетия: новые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2000. – 252 с.
28. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское гос-во и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
29. Алексеев, С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА-М, 2011. – 176 с.
30. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – М. : БЕК, 1994. – 223 с.
31. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 311 с.
32. Алексеева, Л. Б. Практика применения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты / Л. Б. Алексеева. – М. : Права человека, 2000. – 187 с.
33. Алехин, А. П. Административное право Российской Федерации / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий, Ю. М. Козлов ; под ред. А. П. Алехина. – М. : Зерцало-М, 2003. – 595 с.
34. Анисимов, А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита / А. Л. Анисимов. – М. : Юрист, 1994. – 80 с.
35. Ардашева, Н. А. Эвтаназия как метод искусственного прерывания жизни. Правовые условия ее применения / Н. А. Ардашева // Вестн. РАМН. – 1996. – № 12. – С. 42–54.
36. Артемова, В. Н. Обеспечение прав и свобод личности и ее социально-правовой защиты – принцип взаимоотношений человека и государства в условиях построения демократического гражданского общества / В. Н. Артемова // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Минск : Право и экономика, 1996. – С. 13–14.
37. Артемова, В. Н. Права человека. Проблемы гармонизации международного и национального законодательства / В. Н. Артемова, О. П. Мариков, И. И. Потеружа. – Минск : Право и экономика, 1997. – 82 с.
38. Архипов, С. И. Проблема права собственности / С. И. Архипов // Правоведение. – 2007. – № 1 (270). – С. 43–62.
39. Ашитко, В. П. Возмещение вреда при неправомерных действиях следователя / В. П. Ашитко // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 100–107.

40. Багдасаров, В. Ю. Права человека в Российской империи. Вопросы истории отечественной правовой мысли / В. Ю. Багдасаров. – Ставропольск. книжн. изд-во, 1996. – 122 с.
41. Бадирян, Г. М. Права личности: исторические и теоретические аспекты обоснования и признания / Г. М. Бадирян // Гос-во и право. – 2006. – № 8. – С. 54–61.
42. Базылев, Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б. Т. Базылев. – Красноярск : Краснояр. ун-т, 1995. – 120 с.
43. Баиева, Н. А. Юридические гарантии Российского социального государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. А. Баиева ; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 23 с.
44. Байтин, М. И. О принципах и функциях права: новые моменты / М. И. Байтин // Правоведение. – 2000. – № 3 (230). – С. 4–16.
45. Бахин, С. В. Всеобщая декларация 1948 года: от каталога прав человека к унификации правового статуса личности / С. В. Бахин // Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 3–11.
46. Бекешко, С. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе / С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. школа, 1969. – 127 с.
47. Бекназар-Юзбашев, Т. Б. Права человека и международное право / Т. Б. Бекназар-Юзбашев. – М. : Об-во «Знание» России, 1996. – 296 с.
48. Бекназар-Юзбашев, Т. Б. Запрет пыток в Германии: теоретико-правовые аспекты / Т. Б. Бекназар-Юзбашев // Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: Европейские стандарты и Республика Беларусь / Т. Б. Бекназар-Юзбашев ; отв. ред. В. В. Филиппов ; науч. ред. А. Е. Вашкевич. – Минск : Тесей, 2004. – С. 113–132.
49. Беляев, В. Г. Субъективные права в уголовном праве / В. Г. Беляев // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 316–319.
50. Белякович, Н. Н. Права и свободы человека : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Белякович. – Минск : Веды, 2001. – 143 с.
51. Белякович, Н. Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н. Н. Белякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.
52. Бережнов, А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. – М. : МГУ, 1991. – 142 с.
53. Бернэм, У. Суд присяжных заседателей / У. Бернэм. – М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1995. – 127 с.
54. Беседа главного редактора журнала «Государство и право» А. И. Ковлера с Уполномоченным по правам человека Российской

- Федерации, доктором юридических наук, профессором О. О. Мироновым // Гос-во и право. – 2000. – № 2. – С. 6–10.
55. Бибило, В. Н. Взаимоотношения органов судебной, исполнительной и законодательной властей как основа формирования статуса суда / В. Н. Бибило // Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (проблемы и перспективы) : тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. ф-та, Минск, 28 февр. 1997 г. – Минск, 1997. – С. 135–136.
 56. Бибило, В. Н. Политико-правовые тенденции развития законодательства в Республике Беларусь / В. Н. Бибило // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 49–52.
 57. Бибило, В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2010. – 470 с.
 58. Бибило, В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 210 с.
 59. Бибило, В. Н. Судоустройство : учебник / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 384 с.
 60. Блищенко, И. П. Международное и внутригосударственное право / И. П. Блищенко. – М. : Госюриздат, 1960. – 239 с.
 61. Блищенко, И. П. Мировая политика и международное право / И. П. Блищенко, М. М. Солнцева. – М. : Междунар. отношения, 1991. – 158 с.
 62. Боботов, С. В. Правосудие во Франции : учеб.пособие / С. В. Боботов. – М. : ИЧП «ЕАВ», 1994. – 198 с.
 63. Боботов, С. В. Суд присяжных: история и современность / С. В. Боботов, Н. Ф. Чистяков. – М., 1998. – 295 с.
 64. Боброва, Н. А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты: монография / Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская. – Воронеж : Воронежск. ун-т, 1985. – 153 с.
 65. Богданов, Е. В. Проблемы теории и практики реализации судебной власти в форме правосудия / Е. В. Богданов. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2002. – 124 с.
 66. Бодак, А. Н. К вопросу о справедливости в праве / А. Н. Бодак // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 52–60.
 67. Божанов, В. А. Права человека / В. А. Божанов. – 3-е изд., испр. – Минск : Дикта, 2011. – 192 с.
 68. Бойцова, В. В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В. В. Бойцова. – М. : БЭК, 1996. – 175 с.

69. Бондарев, А. С. Правовая культура – фактор жизни права : монография / А. С. Бондарев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 248 с.
70. Бондаренко, Н. Л. Проблема современного понимания роли принципов гражданского права в совершенствовании правотворческой и правоприменительной деятельности / Н. Л. Бондаренко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенов [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 249–254.
71. Бондарь, Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации : автореф. дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Н. С. Бондарь ; Мордовск. гос. ун-т. – Саратов, 1997. – 42 с.
72. Бориго, С. В. Судоустройство и прокурорский надзор (правоохранительные органы) / С. В. Бориго. – Минск : Фонд развития и поддержки независимых науки и высш. школы, 1998. – 298 с.
73. Бориго, С. В. Судоустройство : учебник / С. В. Бориго. – Минск : Амалфея, 2000. – 303 с.
74. Бородин, В. В. Некоторые философско-правовые аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. В. Бородин, В. И. Крусс // Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 34–56.
75. Бородин, С. В. Еще раз о смертной казни за убийство / С. В. Бородин // Гос-во и право. – 2001. – № 4. – С. 56–63.
76. Бородин, С. В. О разделении и взаимодействии властей в России / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 13–16.
77. Бородин, С. В. О судебной власти в России / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев // Гос-во и право. – 2001. – № 10. – С. 21–27.
78. Братановский, С. Н. Конституционное право России : учебник / С. Н. Братановский. – 2-изд. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. – 375 с.
79. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории) / С. Н. Братусь. – М. : Юрид. лит., 1976. – 216 с.
80. Братусь, С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве / С. Н. Братусь. – М., 1947. – 244 с.
81. Брилева, В. А. Теоретические основы института омбудсмена в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Брилева ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 21 с.
82. Брилева, В. А. Теоретические основы института уполномоченного по правам человека : моногр. / В. А. Брилева. – Гомель : Гом. гос. ун-т, 2005. – 82 с.
83. Бринчук, М. М. Актуальные вопросы методологии экологического права / М. М. Бринчук // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исслед.

- Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 344–352.
84. Бринчук, М. М. Проблемы защиты экологических прав человека. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / М. М. Бринчук, М. И. Васильева // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 91–92.
85. Бринчук, М. М. Теоретические основы экологических прав человека / М. М. Бринчук // Гос-во и право. – 2004. – № 5. – С. 5–15.
86. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / М. М. Бринчук // Гос-во и право. – 2009. – № 4. – С. 39–48.
87. Брусницын, Л. В. Законодательство, обеспечивающее безопасность лиц, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Рос. юстиция. – 1998. – № 12. – С. 39–44.
88. Брусницын, Л. В. Значение решений ЕСПЧ для национального уголовного судопроизводства и проблемы их учета в государствах – членах Совета Европы (К реформе Конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Л. В. Брусницын // Гос-во и право. – 2013. – № 2. – С. 25–31.
89. Брусницын, Л. В. О компетенции должностных лиц и других субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Гос-во и право. – 2000. – № 2. – С. 44–48.
90. Брусницын, Л. В. Полномочия должностных лиц по обеспечению безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Гос-во и право. – 2012. – № 9. – С. 52–64.
91. Брусницын, Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспекты / Л. В. Брусницын // Гос-во и право. – 1996. – № 9. – С. 76–81.
92. Брэбан, Г. Французское административное право / Г. Брэбан. – М. : Прогресс, 1988. – 487 с.
93. Брэбан, Г. Административное право Франции / Г. Брэбан, С. Бернар. – 6-е изд. – Париж : Пресс де Сьянс По и Даллоз, 2002. – 520 с.
94. Булатов, А. С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. С. Булатов ; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград, 1985. – 19 с.
95. Бураковский, А. Л. Юридическая ответственность политических партий в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. Л. Бураковский ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2007. – 25 с.
96. Бурьянов, С. А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести / С. А. Бурьянов // Гос-во и право. – 2001. – № 2. – С. 21–26.

97. Быстров, Г. Е. Правовые проблемы земельной и аграрной реформ в зарубежных странах: теория, практика, итоги перспективы / Г. Е. Быстров. – Минск : БГЭУ, 2001. – 210 с.
98. Вавилин, Е. В. Механизм реализации гражданских прав / Е. В. Вавилин // Правоведение. – 2011. – № 2 (295). – С. 229–233.
99. Вавилин, Е. В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав / Е. В. Вавилин // Правоведение. – 2002. – № 3 (242). – С. 178–185.
100. Ваганов, П. А. Риск смерти и цена жизни / П. А. Ваганов // Правоведение. – 1999. – № 3 (226). – С. 67–72.
101. Вандышев, В. В. Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию. Человек против человека / В. В. Вандышев. – СПб. : Альфа, 1994. – 165 с.
102. Варламова, Н. В. Политическая философия утилитаризма и доктрина прав человека / Н. В. Варламова // Гос-во и право. – 2012. – № 9. – С. 93–97.
103. Варламова, Н. В. Права человека как предмет юридической интерпретации / Н. В. Варламова // Гос-во и право. – 2009. – № 2. – С. 24–29.
104. Василевич, Г. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права – реальная основа деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конференции, Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 3–8.
105. Василевич, Г. А. Доступность конституционных прав и свобод – важнейший юридический императив / Г. А. Василевич // Права человека в системе социально-гуманитарных знаний : сб. науч. ст. ; редкол.: А. Д. Гусев [и др.]. – Минск, 2001. – С. 44–50.
106. Василевич, Г. А. Значение Конституции и международных договоров Республики Беларусь для правотворческой и правоприменительной деятельности / Г. А. Василевич // Право Беларуси. – 2003. – № 1(25). – С. 62–67.
107. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Кн. дом, 2010. – 768 с.
108. Василевич, Г. А. Конституционное право человека на достоинство / Г. А. Василевич // Актуальные проблемы развития правовой системы Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 26 окт. 2012 г. – Минск : БГЭУ, 2012. – С. 23–26.
109. Василевич, Г. А. Конституционное развитие Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 23–40.

110. Василевич, Г. А. Конституция и некоторые аспекты защиты прав и свобод граждан / Г. А. Василевич. – Минск : Знание, 1999. – 52 с.
111. Василевич, Г. А. Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства (комментарий к статьям Конституции Республики Беларусь) / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 1999. – 192 с.
112. Василевич, Г. А. Принципы правового государства как основа правотворческой и правоприменительной деятельности / Г. А. Василевич // Законотворчество. – 2004. – № 2. – С. 2–8.
113. Василевич, С. Г. Конституционный принцип непридания закону обратной силы / С. Г. Василевич // Актуальные проблемы развития правовой системы Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 26 окт. 2012 г. – Минск : БГЭУ, 2012. – С. 27–30.
114. Василенко, С. Л. Экологическая безопасность водоснабжения / С. Л. Василенко. – Харьков : ИД «Райдер», 2006. – 320 с.
115. Васильев, С. В. Доказывание и доказательства в делах по возмещению вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием природной среды в гражданском процессе Украины / С. В. Васильев // Гос-во и право. – 2000. – № 10. – С. 79–84.
116. Васильева, М. И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды / М. И. Васильева // Гос-во и право. – 2002. – № 11. – С. 84–92.
117. Вашкевич, А. Е. Основы конституционного права Республики Польша : пособие для студентов вузов / А. Е. Вашкевич. – Минск : Тесей, 2007. – 488 с.
118. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 27. – Ст. 524.
119. Ведяхин, В. М. Защита права как правовая категория / В. М. Ведяхин, Т. В. Шубина // Правоведение. – 1998 (220). – № 1. – С. 67–79.
120. Вель, Г. де. Доступ граждан к правовой информации как условие развития правосознания и формирования правовой культуры [по материалам международных «круглых столов»] / Г. де Вель // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 108.
121. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – М. : ИКФ Омега-Л, 2002. – 608 с.
122. Верещагина, А. В. Обеспечение права обвиняемому на защиту на досудебных стадиях (по российскому дореволюционному законодательству) / А. В. Верещагина // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 79–84.
123. Вершинина, И. Ф. Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое

- исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И. Ф. Вершинина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Фед. – Москва, 2009. – 26 с.
124. Визер, Б. Право человека на информацию в Австрии / Б. Визер // Гос-во и право. – 1992. – № 4. – С. 110–118.
125. Вильдхабер, Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека / Л. Вильдхабер // Гос-во и право. – 2001. – № 12. – С. 5–17.
126. Витрук, В. Н. Правовой статус личности в СССР / В. Н. Витрук. – М. : Юрид. лит-ра, 1985. – 175 с.
127. Витрук, Н. В. Общие вопросы правовой ответственности. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих / Н. В. Витрук // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 20–23.
128. Вишневский, А. Ф. Разработка всеобщей декларации прав человека и ее исторические истоки / А. Ф. Вишневский // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 7–27.
129. Вишневский, А. Ф. Теоретические проблемы юридической ответственности в правовой науке второй половины XX – начала XXI в. / А. Ф. Вишневский // Вестн. Акад. МВД Республики Беларусь. – 2012. – № 2 (24). – С. 161–167.
130. Водовозов, В. В. Избирательное право в Европе и России / В. В. Водовозов. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1906. – 66 с.
131. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – М. : МГУ, 1972. – 300 с.
132. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ, Издат. группа ИН-ФРА-М–НОРМА, 1997. – 299 с.
133. Волков, А. Я. О соотношении правовых дозволений и запретов и юридической ответственности / А. Я. Волков // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 35–40.
134. Володина, Д. В. Юридическая ответственность судей при отправлении правосудия в Российской Федерации: современное состояние и направления развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Д. В. Володина ; Псковск. юрид. ин-т. – Псков, 2012. – 28 с.
135. Воронович, Т. В. Обеспечение исполнения решений Конституционного Суда Республики Беларусь – гарантия защиты прав и свобод граждан / Т. В. Воронович // Вестн. Констит. Суда Респ. Беларусь. – 2012. – № 4. – С. 146–156.

136. Воротников, А. Ф. Свобода, правовой статус и правовое положение личности / А. Ф. Воротников // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 28–30.
137. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 78–81.
138. Выборы: подлинные, свободные и справедливые / С. А. Альфер [и др.]; отв. ред. С. А. Альфер; науч. ред. М. Ф. Чудаков. – Минск : Тесей, 1999. – 327 с.
139. Гаврилов, В. В. Международный механизм контроля за имплементацией универсальных актов о правах человека / В. В. Гаврилов // Моск. журн. междунар. права. – 1995. – № 4. – С. 24–37.
140. Гаглошвили, А. У. Новые методы защиты субъективных прав граждан в уголовном процессе / А. У. Гаглошвили, А. А. Шевельков // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 325–327.
141. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Гос-во и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.
142. Галенская, Л. Н. Правовое положение иностранцев в СССР / Л. Н. Галенская. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 159 с.
143. Галли, Р. Демократия как необходимое условие обеспечения охраны природы в ракурсе прав человека / Р. Галли // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека, Москва, 17–18 февр. 1999 г. – М. : Изд-во МНЭ-ПУ, 1999. – С. 30–34.
144. Галузо, В. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Галузо. – М., 1995. – 20 с.
145. Гамцемлидзе, Т. В. Правовой статус личности в скандинавских странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. В. Гамцемлидзе ; Ин-т государства и права АН СССР. – М., 1985. – 15 с.
146. Гегель, Г. В. Философия права / Г. В. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
147. Генералова, И. Э. Неправительственные организации (НПО) и социальная адаптация беженцев в Республике Беларусь / И. Э. Генералова // Опыт и проблемы управления процессами вынужденной миграции в Республике Беларусь. – Минск : НИИ труда, 2002. – С. 92–94.

148. Германия. Факты. – Франкфурт-на-Майне : Соцсистемс – фирлаг, 2000. – 255 с.
149. Глухарева, Л. И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Л. И. Глухарева ; Сарат. гос. акад. прав. – Саратов, 2004. – 47 с.
150. Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л. И. Глухарева. – М. : Юристь, 2003. – 304 с.
151. Гнейст, К. Правовое государство и административные суды Германии / К. Гнейст. – СПб., 1896.
152. Говриленко, Д. А. Проблемы административной ответственности специальных субъектов / Д. А. Говриленко, А. А. Подупейко // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 93–99.
153. Головистикова, А. Н. К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына // Гос-во и право. – 2009. – № 1. – С. 23–35.
154. Головин, Ю. И. Нотариальная защита прав и законных интересов граждан: теория и практика / Ю. И. Головин, О. А. Снежко // Правоведение. – 2007. – № 5 (274). – С. 41–48.
155. Головки, А. А. Концепция прав человека в новой Конституции Республики Беларусь / А. А. Головки // Правовое государство : ежегодник науч. тр. / Ин-т государства и права АНУ. – Киев : АНУ, 1995. – Вып. 6. – С. 26–31.
156. Головки, А. А. Законность и усмотрение национального государства в заимствовании норм международного права / А. А. Головки // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 8–11.
157. Головки, А. А. Проблемы взаимодействия демократии и суверенитета / А. А. Головки // Право и демократия. – Минск, 1995. – Вып. 7. – С. 3–12.
158. Головки, А. А. Проблемы судебной реформы: административные суды, суды присяжных, неприкосновенность судей / А. А. Головки // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 26–28 февр. 1992 г. – Минск, 1992. – С. 117–119.
159. Головки, А. А. Социально-правовая защищенность граждан – путь к демократии и правовому государству / А. А. Головки // Проблемы законности. – Харьков, 1993. – Вып. 28. – С. 15–22.

160. Головки, А. А. Человек, личность, гражданин / А. А. Головки. – Минск : Беларусь, 1982. – 78 с.
161. Головки, Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовного-процессуального права / Л. В. Головки // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 51–61.
162. Головки, Л. В. Предисловие к УПК Франции / Л. В. Головки // Уголовно-процессуальный кодекс Франции. – М. : Фирма «СПАРК», 1996. – 345 с.
163. Гончаров, В. Б. Проблемы безопасности участников уголовного процесса / В. Б. Гончаров, В. В. Кожевников // Гос-во и право. – 2000. – № 2. – С. 43–50.
164. Горбатов, Н. А. Декларация как основной принцип Всеобщей декларации прав человека: история и современность / Н. А. Горбатов // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневецкого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 170–181.
165. Горбатов, Н. А. Юридическая ответственность: нравственные и правовые аспекты / Н. А. Горбатов // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 19–27.
166. Городов, О. А. Информация как объект гражданских прав / О. А. Городов // Правоведение. – 2001. – № 5 (238). – С. 72–83.
167. Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания / под ред. Б. Н. Топорнина. – М. : ИГиП РАН, 1994. – Т. 1. – 311 с.
168. Гражданский процессуальный кодекс [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
169. Гребеньков, Г. В. Очерки по философии права : монография / Г. В. Гребеньков. – Донецк : ДЮИ ЛГУВД, 2009. – 216 с.
170. Греченков, А. А. Дисциплинарная ответственность по трудовому праву / А. А. Греченков // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 52–59.
171. Гришковец, А. А. Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России) / А. А. Гришковец // Гос-во и право. – 2004. – № 1. – С. 24–36.
172. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : Юрид. лит., 1956. – 868 с.

173. Гулина, О. Р. Право на равенство и защита от дискриминации: опыт Европейского союза и Совета Европы / О. Р. Гулина // *Госво и право*. – 2011. – № 2. – С. 23–31.
174. Гуляев, А. М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства и Проекта гражданского уложения : пособие клекциям / А. М. Гуляев. – 4-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 638 с.
175. Гунин, Д. И. Не отчуждаемы ли неотчуждаемые права и свободы человека? / Д. И. Гунин, А. Ф. Черданцев // *Правоведение*. – 2012. – № 2 (301). – С. 102–112.
176. Гусейнов, Л. Особенности толкования международных договоров о правах человека / Л. Гусейнов // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 1999. – № 2. – С. 3–6.
177. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы : учебник для юрид. вузов и фак. – 7-е изд., перераб. и доп. / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев ; под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : Изд. Зерцало-М, 2002. – 404 с.
178. Гуцин, И. В. Пенсионная система Российской Федерации: реанимировать или реформировать? / И. В. Гуцин, Ю. И. Гуцина // *Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г.* / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 258–264.
179. Давтян, В. Р. Идея прав человека в советской юридической науке (1946–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Р. Давтян ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2011. – 26 с.
180. Даниленко, Г. М. Международная защита прав человека. Вводный курс : учеб. пособие / Г. М. Даниленко. – М. : Юристъ, 2000. – 255 с.
181. Данилюк, С. Е. Актуальные проблемы уголовной политики в контексте конституционных требований: опыт предварительного контроля / С. Е. Данилюк // *Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь*. – 2012. – № 3. – С. 88–96.
182. Данилюк, С. Е. Право на жизнь и конституционно-правовые аспекты применения смертной казни / С. Е. Данилюк // *Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь*. – 2010. – № 4. – С. 159–167.
183. Данилюк, С. Е. Современная концепция прав человека: пути преодоления кризиса / С. Е. Данилюк // *Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр.* / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 46–90.

184. Дахин, В. Н. Некоторые теоретические аспекты эволюции проблемы прав человека / В. Н. Дахин // Права человека в современном мире : тез. междунар. теоретич. семинара, посвящ. 50-летию принятия Всеобщ. декларации прав человека. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – С. 10–14.
185. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. ; ред. Л. Б. Макеева. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 392 с.
186. Дегтярев, Н. Д. Клонирование: правда и вымысел / Н. Д. Дегтярев. – СПб. : Изд. компания «Невский Проспект», 2002. – 125 с.
187. Декларация о правах инвалидов. Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 375–376.
188. Декларация прав и свобод человека : утв. постановлением СНД СССР, 5 сент. 1991 г., № 2393-1 // Вед. Съезда нар. депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.
189. Демидов, И. Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения) / И. Ф. Демидов. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 1995. – 145 с.
190. Демидов, И. Ф. Проблемы прав человека в современном уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / И. Ф. Демидов. – М., 1996. – 295 с.
191. Демин, А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства Российской Федерации / А.А. Демин // Гос-во и право. – 2000. – № 11. – С. 5–12.
192. Демичев, Д. М. Конституционное право : учебник / Д. М. Демичев. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 416 с.
193. Демичев, Д. М. Некоторые аспекты конституционно-правового регулирования отношений собственности в Республике Беларусь / Д. М. Демичев // Актуальные проблемы развития правовой системы республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 26 окт. 2012 г. – Минск, БГЭУ, 2012. – С. 47–52.
194. Демичев, Д. М. Правовые проблемы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы / Д. М. Демичев // Гос-во и право. – 1998. – № 1. – С. 15–24.
195. Дербин, А. П. О некоторых тенденциях развития прав человека / А. П. Дербин // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-вовнут. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневецкого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 155–163.
196. Диденко, Н. Г. Право и свобода / Н. Г. Диденко, В. Н. Селиванов // Правоведение. – 2001. – № 3 (236). – С. 4–27.

197. Дикарев, И. С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Гос-во и право. – 2010. – № 8. – С. 55–62.
198. Диков, Г. В. Проблемы создания системы административной юстиции в России (в свете зарубежного опыта) / Г. В. Диков // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 31–41.
199. Дмитриев, Ю. А. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии / Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шленева // Гос-во и право. – 2000. – № 11. – С. 52–59.
200. Дмитриев, Ю. Ф. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции / Ю. Ф. Дмитриев // Гос-во и право. – 1999. – № 6. – С. 38–40.
201. Добрынин, Н. М. К вопросу о конституционной ответственности / Н. М. Добрынин // Гос-во и право. – 2010. – № 10. – С. 17–26.
202. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 г. – М. : Юриспруденция, 2002. – 345 с.
203. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ: Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Советское гос-во и право. – 1990. – № 11. – С. 93–104.
204. Дробязко, С. Г. Право как система и его закономерности / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1999. – Вып. 10. – С. 3–24.
205. Дробязко, С. Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Выбр. науч. працы Беларус. дзярж. ун-та : у 7 т. – Мінск, 2001. – Т. 3. – С. 9–24.
206. Дробязко, С. Г. Становление социальной правовой системы – закономерность формирующегося правового государства и гражданского общества / С. Г. Дробязко // Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (проблемы и перспективы) : тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. фак., 28 февр. 1997 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. М. Абрамович [и др.]. – Минск, 1997. – С. 3–5.
207. Дробязко, С. Г. Теоретические проблемы свободы личности и субъективных прав в правовых отношениях / С. Г. Дробязко // Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6–7 дек. 2001 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак. ; Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т государства и права ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2003. – С. 3–5.

208. Дробязко, С. Г. Усиление роли гармонизации законодательства в условиях глобализации – важнейшая закономерность права как системы / С. Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ФУАинформ, 2013. – Вып. 8. – С. 43–49.
209. Дружинин, Н. П. Права человека и гражданина / Н. П. Дружинин. – М. : Русск. т-во печатн. и издат. дела, 1906. – 32 с.
210. Дубовицкий, В. Н. Правовая система Республики Беларусь и романо-германская правовая система / В. Н. Дубовицкий // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. конф., Гродно, 27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 41–42.
211. Дулов, А. В. Нравственное содержание Основного Закона государства / А. В. Дулов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 50–51.
212. Дульянова, Л. А. Предъявление иска в суде / Л. А. Дульянова. – М. : Госюриздат, 1966. – 262 с.
213. Дэкларацыя Вяроўнага Савета Рэспублікі Беларусь «Аб дзяржаўным суверэнітэце Рэспублікі Беларусь» / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо // Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2001. – С. 308–311.
214. Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. Опыт философского исследования / Л. Ф. Евменов. – Минск : Хата, 2000. – 490 с.
215. Европейская социальная хартия // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 2. – С. 439–451.
216. Енгибарян, Р. В. Теория государства и права : учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. – 2-е изд. – М. : Норма, 2010. – 576 с.
217. Еремин, А. Р. Право граждан на местное самоуправление / А. Р. Еремин // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 40–44.
218. Ерыгина, В. И. Некоторые аспекты публично-правовой ответственности политических партий как участников избирательного процесса / В. И. Ерыгина // Гос-во и право. – 2009. – № 11. – С. 37–44.
219. Есенова, В. П. Судебные гарантии законности в сфере осуществления публичной власти: история и современность : монография / В. П. Есенова. – СПб. : СЗАГС, 2011. – 164 с.
220. Есипова, И. А. Бездействие власти как форма нарушения прав граждан / И. А. Есипова // Защита субъективных прав: история

- и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 119–122.
221. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСЕ : Астрель, 2006. – Т. 3 : Р–Я. – 937 с.
222. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 2 : М–П. – 1160 с.
223. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 1 : А–Л. – 1165 с.
224. Жвирблов, Ю. С. Сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации о защите лиц, выполняющих функции по охране общественного порядка / Ю. С. Жвирблов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 347–351.
225. Живулина, Т. Л. Права человека в современных теориях правопонимания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. Л. Живулина ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2006. – 25 с.
226. Жуйков, В. М. Права человека и власть закона (вопросы судебной защиты) / В. М. Жуйков. – М. : ТОО «Иван», 1995. – 284 с.
227. Жуков, В. Н. Русская философия права: естественноправовая школа первой половины XX века / В. Н. Жуков // Б-ка журн. «Здравый смысл». – М. : Рос. гуманистич. об-во, 2001. – 192 с.
228. Загорский, Г. И. Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции (по материалам науч.-практ. конф.) / Г. И. Загорский // Гос-во и право. – 2002. – № 4. – С. 84–88.
229. Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 26–61.
230. Зайцева, Л. Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь : сб. науч. ст. / сост. Л. Л. Зайцева, И. В. Кучвальская; науч. ред. Л. Л. Зайцева. – Минск : Тесей, 2003. – С. 30–39.
231. Захаров, И. Г. Юридическая ответственность в частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. Г. Захаров ; Акад. эконом. безоп. МВД России. – М., 2008. – 24 с.
232. Захаров, И. Г. Юридическая ответственность в частном праве: теоретико-правовое исследование : монография / И. Г. Захаров / под ред. И. Г. Горбачева. – Елабуга : Алмедиа, 2008. – 116 с.

233. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. Сравнительное исследование / отв. ред. А. М. Ларин. – М. : Наука, 1993. – 245 с.
234. Зеленцов, А.Б. Субъективное публичное право : учеб. пособие / А. Б. Зеленцов. – М. : РУДН, 2012. – 116 с.
235. Зиновьев, А. В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правовое государства / А. В. Зиновьев // Правоведение. – 1999. – № 2 (225). – С. 81–96.
236. Зинченко, В. А. Правовой статус личности в СССР / В. А. Зинченко. – Алма-Ата, Казахстан, 1983. – 68 с.
237. Зорченко, Е. А. Теория государства и права : пособие / Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 308 с.
238. Зражевская, Т. Д. Ответственность по советскому государственно-му праву : монография / Т. Д. Зражевская. – Воронеж : Воронежск. ун-т, 1980. – 158 с.
239. Иваненко, В. С. Всеобщая декларация прав человека и Конституция Российской Федерации / В. С. Иваненко // Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 12–22.
240. Иванников, И. А. Концепция правовой культуры / И. А. Иванников // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 12–16.
241. Иванов, А. А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты / А. А. Иванов. – М. : Экзамен, 2003. – 223 с.
242. Иванов, А. А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа : монография / А. А. Иванов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. – 223 с.
243. Иванов, А. А. Правовые средства защиты права частной собственности / А. А. Иванов // Правоведение. – 2001. – № 6 (239). – С. 71–86.
244. Иванов, А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика : учеб. пособие для вузов / А. А. Иванов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 120 с.
245. Иванова, С. А. Принцип социальной справедливости в правоприменительной деятельности (теоретические аспекты реализации) / С. А. Иванова // Гос-во и право. – 2006. – № 1. – С. 19–26.
246. Ивахненко, С. Н. Юридическая ответственность в современном российском праве: проблемы правопонимания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. Н. Ивахненко ; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 21 с.

247. Игнатенко, Г. В. Международно-признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности / Г. В. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 87–101.
248. Игонин, С. В. Институт личной неприкосновенности работников правоохранительных органов в законодательстве современной России : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Игонин ; Моск. гос. ун-т. – М., 2000. – 26 с.
249. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг ; пер. с 13-го нем. изд. С. И. Ершова. – М. : Феникс, 1991. – 64 с.
250. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.
251. Ильин, И. А. Путь к очевидности: сочинения / И. А. Ильин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. – 912 с
252. Ильин, И. А. Философия права. Нравственная философия : в 2 т. / И. А. Ильин. – М. : МЕДИУМ, 1993. – Т. 1. – 509 с.
253. Имплементация норм международного права во внутригосударственное право / Л. В. Павлова [и др.] ; под ред. Л. В. Павловой. – Минск : БГУ, 2001. – 148 с.
254. Исхаков, А. Д. Юридическая ответственность за нарушение норм избирательного права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. Д. Исхаков ; Казанск. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 26 с.
255. Йойрыш, А. И. Правовые и этические проблемы клонирования человека / А. И. Йойрыш // Гос-во и право. – 1998. – № 11. – С. 87–93.
256. Казакова, В. А. Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ / В. А. Казакова // Гос-во и право. – 2000. – № 9. – С. 74–79.
257. Казакова, Е. Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. Б. Казакова ; Тамбовск. гос. ун-т. – Тамбов, 2006. – 24 с.
258. Каламкарян, Р. А. Всеобщая декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law / Р. А. Каламкарян // Гос-во и право. – 2010. – № 6. – С. 41–48.
259. Каламкарян, Р. А. Международный суд и современный миропорядок: позитив международно-правового опыта / Р. А. Каламкарян // Гос-во и право. – 2013. – № 1. – С. 63–72.
260. Каламкарян, Р. А. Международный суд как орган правосудия по разрешению споров между государствами / Р. А. Каламкарян // Гос-во и право. – 2012. – № 8. – С. 66–75.
261. Каламкарян, Р. А. Международный суд ООН: становление и развитие / Р. А. Каламкарян // Гос-во и право. – 2011. – № 5. – С. 62–71.

262. Калашников, С. В. Политические гарантии обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов личности в условиях формирования гражданского общества в Российской Федерации / С. В. Калашников // Рос. юстиция. – 2012. – № 12. – С. 2–5.
263. Калашников, С. В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества / С. В. Калашников // Гос-во и право. – 2002. – № 10. – С. 17–25.
264. Калинин, С. А. О православном понимании идеи прав человека / С. А. Калинин // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внут. дел Респ. Беларусь; Акад. МВД; под ред. А. Ф. Вишневецкого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 134–154.
265. Калинина, Э. А. Роль профсоюзов в реализации законодательства о правах и законных интересах граждан / Э.А. Калинина // Теоретические и практические проблемы правоприменения : науч. тр. Акад. МВД; под ред. В. А. Кучинского. – Минск, 2010. – С. 149–158.
266. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 6. – 613 с.
267. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 7. – 495 с.
268. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 1. – 544 с.
269. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 8. – 718 с.
270. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 4. – 630 с.
271. Капителли, П. Право на смерть и эвтаназию: сравнительно-правовое исследование / П. Капителли // Правоведение. – 2010. – № 3 (290). – С. 56–67.
272. Каримский, А. М. Конституция США и проблема прав человека / А. М. Каримский // Конституция США: история и современность / А. М. Каримский [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1988. – 270 с.
273. Карнеева, Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Л. М. Карнеева // Соц. законность. – № 4. – 1959. – С. 29–37.
274. Карпиевич, Н. Ф. О совершенствовании правового регулирования прокурорского надзора в Республике Беларусь / Н. Ф. Карпиевич // Законотворчество. – 2004. – № 2. – С. 37–39.
275. Карташкин, В. А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии / В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева // Гос-во и право, 2010. – № 7. – С. 37–45.

276. Карташкин, В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В. А. Карташкин. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1995. – 132 с.
277. Карташкин, В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации / В. А. Карташкин. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 288 с.
278. Катько, Н. С. Коллективные права меньшинств / Н. С. Катько // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 2. – С. 30–35.
279. Катько, Н. С. Критерии определения меньшинства / Н. С. Катько // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 4. – С. 6–10.
280. Кашепов, В. П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации / В. П. Кашепов // Гос-во и право. – 1998. – № 2. – С. 65–72.
281. Квашис, В. Е. Смертная казнь = Thede a thpenalty: проблемы и перспективы / В. Е. Квашис. – М. : Юрайт, 2008. – 797 с.
282. Квашис, В. Е. Смертная казнь и общественное мнение / В. Е. Квашис // Гос-во и право. – 1997. – № 4. – С. 50–65.
283. Кибальник, А. Г. О соответствии уголовного законодательства международному стандарту по правам человека / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 42–48.
284. Кипинус, О. С. Эвтаназия в свете права на жизнь / О. С. Кипинус. – М. : Камерон, 2006. – 479 с.
285. Кирххоф, Кр. Защита прав детей-инвалидов в Европе / Кр. Кирххоф // Гос-во и право. – 2002. – № 3. – С. 94–97.
286. Киселев, Р. В. Права человека в либеральной правовой мысли и законодательстве Российской империи в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р. В. Киселев ; Тамбовск. гос. ун-т. – Тамбов, 2009. – 25 с.
287. Клеандров, М. И. Судебные системы государств – участников СНГ. Законодательное обеспечение / М. И. Клеандров. – М. : Юристь, 2002. – 621 с.
288. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 50–56.
289. Клепицкий, И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека / И. А. Клепицкий // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 65–74.
290. Ключко, Р. Н. Преступления против жизни: сравнительно-правовой аспект / Р. Н. Ключко // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое

- пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 328–330.
291. Ковалев, И. М. Право на жизнь и на смерть / И. М. Ковалев // Гос-во и право. – 1992. – № 7. – С. 68–75.
292. Ковтун, Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения / Н. Н. Ковтун, А. С. Александров // Гос-во и право. – 2001. – № 3. – С. 38–45.
293. Ковшиков, Е. М. О соотношении понятий «охрана» и «защита» прав и свобод человека и гражданина / Е.М. Ковшиков, Е. В. Ковшикова // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 42–44.
294. Кожевников, О. А. Юридическая ответственность в системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Кожевников. – Саратов, 2003. – 19 с.
295. Кожевников, С. Н. Социально-правовая активность личности и условия ее действительности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С. Н. Кожевников ; Высш. юрид. заочн. школа МВД Рос. Федерации. – М., 1992. – 33 с.
296. Кожомбердиев, Б.К. Конституционно-правовой статус личности в Кыргызской Республике (теоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Б. К. Кожомбердиев ; Кыргыз. гос. пед. ун-т. – Бишкек, 1999. – 26 с.
297. Козбаненко, А. В. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное / А.В. Козбаненко // Гос-во и право. – 2003. – № 1. – С. 13–24.
298. Козлов, Ю. М. Административное право : учебник / Ю. М. Козлов, Д. М. Овсянко, Л. Л. Попов ; под ред. Л. Л. Попова. – М. : Юристъ, 2002. – 697 с.
299. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 5-е изд. – М. : Проспект, 2012. – 592 с.
300. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 1995. – 479 с.
301. Кокотов, А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура / А. Н. Кокотов // Правоведение. – 1998. – № 1 (220). – С. 15–22.
302. Колбасин, Д. А. Ответственность за вред, причиненный гражданину незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс, как особый вид деликтной гражданско-правовой ответственности / Д. А. Колбасин, А. В. Войтюль // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2 (22). – С. 71–75.
303. Колоколов, Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы / Н. А. Колоколов // Гос-во и право. – 1998. – № 11. – С. 31–39.

304. Колосов, Ю. М. Международные стандарты в сфере прав человека и проблемы российского законодательства / Ю. М. Колосов // Правовые проблемы евроазиатского сотрудничества: глобальное и региональное измерения / Ю. М. Колосов. – Екатеринбург, 1993. – С. 42–46.
305. Колотова, Н.В. Влияние правовой культуры на осуществление прав человека / Н. В. Колотова // Правовые культуры. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 25 марта 2011 г. / под ред. Г. И. Муромцева [и др.]. – М. : РУДН, 2012. – С. 45–52.
306. Колотова, Н. В. Современные тенденции развития социально-экономических прав граждан. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Н. В. Колотова // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 99–100.
307. Кольцова, Е. Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. Г. Кольцова ; Казанск. гос. ун-т. – Казань, 2006. – 31 с.
308. Комаров, С. А. Теория государства и права : учеб.-метод. комплекс / С. А. Комаров, А. В. Малько. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2010. – 448 с.
309. Комарова, Н. А. Некоторые вопросы практики защиты по уголовным делам / Н. А. Комарова, А. В. Чичканов // Правоведение. – 1999. – № 2 (225). – С. 186–191.
310. Комиссаров, В. Предъявление для опознания живых лиц / В. Комиссаров // Законность. – 1994. – № 9. – С. 32–35.
311. Комитет по правам человека. Рассмотрение докладов. Доклад Швеции. – Доклад ООН ССРР/с 158 /Aqdd/ 7. – 1990. – 26 Febr.
312. Комкова, Г. Н. Реализация равенства прав и свобод человека независимо от отношения к религии в современной России / Г. Н. Комкова // Правоведение. – 2003. – № 1(246). – С. 19–31.
313. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 108–119.
314. Кондратьев, Е. Е. Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса / Е. Е. Кондратьев // Гос-во и право. – 2003. – № 8. – С. 48–53.
315. Кони, А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов / А. Ф. Кони. – М. : Статут ; РАП, 2003. – 349 с.
316. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: Англия, США, Франция, Италия, Германия ; под ред. [и предисл.] П. Н. Галанзы. – М. : Госюриздат, 1957. – 587 с.

317. Конституционное право Российской Федерации : учебник / Н. В. Витрук [и др.] ; под общ. ред. Н. В. Витрука. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 635 с.
318. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебник / О. И. Тиунов [и др.] ; под ред. О. И. Тиунова. – М. : Норма, 2005. – 608 с.
319. Конституция (Основной закон Белорусской Советской Социалистической Республики). – Минск, 1978.
320. Конституция (Основной Закон) БССР 1937 г. // Сб. нормативных актов по советскому гос. праву. – М., 1984.
321. Конституция (Основной Закон) СССР 1936 г. // Сб. нормативных актов по советскому гос. праву. – М., 1984.
322. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2006.
323. Конституция Российской Федерации. Официальный текст с поправками. Историко-правовой комментарий / [авт. ист.-правового коммент. Б. А. Страшун]. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 144 с.
324. Конституция Российской Федерации. – М. : ООО «Вершина», 2003. – 48 с.
325. Конституция Российской Федерации : энцикл. словарь / В. А. Туманов [и др.] ; рук. авт. коллектива С. М. Шахрай. – М. : Большая рос. энцикл., 1995. – 416 с.
326. Конституция США // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Вольтерс Клувер, 2010. – С. 336–364.
327. Конституция Французской Республики // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Вольтерс Клувер, 2010. – С. 79–132.
328. Конституция Швейцарии // Конституции зарубежных государств: офиц. тексты : учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклакова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 2000. – С. 227–274.
329. Концепция судебной реформы : утв. постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь, 23 апреля 1992 г., № 1611-ХП // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.
330. Коркунов, Н. М. Государственное право / Н. М. Коркунов ; под ред. З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга, К. Н. Соколова. – СПб. : Типогр. им. М. Стасюлевича, 1908. – Изд. 6. – Т. 1. – 510 с.

331. Коркунов, Н. М. История философии права : пособие к лекциям / Н. М. Коркунов. – 2-е изд. – СПб. : Типогр. им. М. Стасюлевича, 1898. – 510 с.
332. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 6-е изд. – СПб. : Изд. юрид. книжн. магазина Н. К. Мартынова, 1904. – 354 с.
333. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 9-е изд. – СПб. : Изд. юрид. книжн. магазина Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.
334. Коркунов, Н. М. Очерк теории административной юстиции / Н. М. Коркунов // Сборник статей Н.М. Коркунова. – СПб. : Изд. юрид. книжн. магазина Н. К. Мартынова, 1898. – 435 с.
335. Коробов, А. Е. Юридическая ответственность в сфере общественного труда: проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. Е. Коробов ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 22 с.
336. Косолапов, Р. И. Коммунизм и свобода (проблема освобождения труда) / Р. И. Косолапов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 138 с.
337. Костенко, Н. И. Правовые основы международного сотрудничества в сфере статута Международного уголовного суда / Н. И. Костенко // Гос-во и право. – 2004. – № 1. – С. 77–86.
338. Костенко, Н. И. Международный Уголовный Суд (юрисдикционные аспекты) / Н. И. Костенко // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 92–103.
339. Костенко, Н. И. Международный уголовный суд / Н. И. Костенко. – М. : Приор, 2002. – 269 с.
340. Костенко, Н. И. Судопроизводство Международного Уголовного Суда – основа международного уголовного процесса / Н. И. Костенко // Гос-во и право. – 2001. – № 2. – С. 64–67.
341. Кравченко, В. А. Организация правовой защиты лиц, ищущих убежище в Республике Беларусь / В. А. Кравченко // Опыт и проблемы управления процессами вынужденной миграции в Республике Беларусь. – Минск : НИИ труда, 2002. – С. 72–73.
342. Крамник, А. Н. Концепция административных судов / А. Н. Крамник // Судебно-правовая реформа: концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 26–28 февр. 1992 г. – Минск, 1992. – С. 192–194.
343. Крупеня, Е. М. Права человека как фактор формирования политико-правовой активности личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. М. Крупеня ; Моск. пед. ун-т. – М., 2000. – 25 с.
344. Крусс, В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. И. Крусс // Гос-во и право. – 2002. – № 7. – С. 46–53.

345. Крусс, В. И. Конституционное правоупотребление и юридическая ответственность / В. И. Крусс // Гос-во и право. – 2007. – № 7. – С. 17–24.
346. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В. И. Крусс // Гос-во и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
347. Крылов, Н. Б. Международно-правовые вопросы защиты государством своих граждан за рубежом / Н. Б. Крылов // Тр. ин-та государства и права Рос. акад. наук. – М., 2012. – № 5. – С. 110–124.
348. Кряжков, В. А. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учеб. пособие / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – М. : Изд. БЕК, 1998. – 343 с.
349. Кудрявцев, В. Н. Равноправие и равенство / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 2007. – 181 с.
350. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права : учебник / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М. : Юристъ, 1995. – 297 с.
351. Кукреш, Л. И. Привлечение лица в качестве обвиняемого как процесс реализации уголовной ответственности / Л. И. Кукреш // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 71–78.
352. Кулагин, Н. И. Нормативное регулирование обеспечения прав и безопасности личности в мировой и отечественной практике / Н. И. Кулагин, Ю. И. Миронов, В. А. Булатов // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 56–63.
353. Курылев, В. С. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск / В. С. Курылев. – Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 1957. – 182 с.
354. Курылева, О. С. Судебная практика как объект конституционного контроля в Республике Беларусь / О. С. Курылева // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 56–66.
355. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2004. – 405 с.
356. Кучин, М. В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система Российской Федерации / М. В. Кучин // Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 50–52.
357. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 198 с.

358. Кучинский, В. А. Основные права и обязанности граждан белорусской ССР / В. А. Кучинский. – Минск : Наука и техника, 1978. – 120 с.
359. Кучинский, В. А. Права человека как результат развития гражданского общества / В. А. Кучинский // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневецкого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 28–46.
360. Кучинский, В. А. Правовые средства стимулирования правомерного поведения в правоприменительной деятельности / В. А. Кучинский // Теоретические и практические проблемы правоприменения : науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского. – Минск, 2010. – С. 60–79.
361. Кучинский, В. А. Теоретические основы юридической ответственности / В. А. Кучинский // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 4–19.
362. Кушхова, Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б. З. Кушхова ; Кубанский гос. аграрн. ун-т. – Краснодар, 2009. – 27 с.
363. Лаврик, М. А. Гарантии конституционных прав человека (соматический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М. А. Лаврик ; Иркутск. гос. ун-т. – Омск, 2006. – 25 с.
364. Лаевская, Е. В. К вопросу о самозащите права на благоприятную окружающую среду: проблемы правового регулирования участия граждан в решении вопросов, касающихся планов и программ, связанных с окружающей средой / Е. В. Лаевская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр за-ва и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 130–143.
365. Лаевская, Е. В. К вопросу о юридической природе права на благоприятную окружающую среду / Е. В. Лаевская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр за-ва и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 371–378.
366. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2010. – 634 с.
367. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Спартак, 2000. – 511 с.
368. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Спартак, 2004. – 528 с.

369. Лазарев, В. М. Юридическая ответственность как форма и средство реализации социальной справедливости в советском обществе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. М. Лазарев. – М., 1990. – 253 с.
370. Лазарев, Л. Гражданин и Конституционный Суд / Л. Лазарев // Рос. Федерация. – 1995. – № 18. – С. 54–57.
371. Лазарева, В. А. Судебная власть и уголовное судопроизводство / В. А. Лазарева // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 49–56.
372. Лапаева, В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В. В. Лапаева // Гос-во и право. – 2013. – № 2. – С. 14–24.
373. Лапаева, В. В. Социальные права с позиций правового принципа формального равенства / В. В. Лапаева // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. / ИЗиСП. – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 54–69.
374. Лапчинский, М. В. Некоторые аспекты исследования понятия «юридические средства охраны гражданских прав» / М. В. Лапчинский // Гос-во и право. – 2003. – № 5. – С. 88–90.
375. Ларин, А. Иного пути у нас нет. Открытое письмо против суда присяжных / А. Ларин // Рос. юстиция. – 1999. – № 2. – С. 8–10.
376. Ларин, А. М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / А. М. Ларин. – М. : Мысль, 1994. – 210 с.
377. Лебедева, Н. Н. Право граждан на информацию: становление и развитие / Н. Н. Лебедева, Н. Н. Федосеева // Гос-во и право. – 2006. – № 5. – С. 98–105.
378. Левков, А. А. Меры защиты в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Левков ; Волгоград. акад. МВД РФ. – М., 2008. – 28 с.
379. Ледях, И. А. Защита прав человека как функция конституционного правосудия. Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / И. А. Ледях. – М. : ИГПАН, 1994. – 246 с.
380. Ледях, И. А. Права граждан: буржуазные теории и практика ФРГ / И. А. Ледях. – М. : Наука, 1986. – 187 с.
381. Ледях, И. А. Права человека в буржуазной доктрине и практике (статус, законодательство, механизм защиты) / И. А. Ледях, О. В. Воробьев, Н. С. Колесова. – М. : Наука, 1991. – Ч. 1. – 159 с.
382. Ледях, И. А. Хартия основных прав Европейского Союза / И. А. Ледях // Гос-во и право. – 2002. – № 1. – С. 51–63.

383. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права : учеб. пособие / О. Э. Лейст. – М. : Зерцало-М, 2011. – 352 с.
384. Леонтьев, Д. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Д. В. Леонтьев ; С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб., 2004. – 21 с.
385. Лепешкин, А. И. Основные права и обязанности граждан СССР / А. И. Лепешкин. – М. : ГОСЮРИЗДАТ, 1954. – 96 с.
386. Лепешкин, А. И. Правовое положение советских граждан / А. И. Лепешкин. – М. : Мысль, 1966. – 56 с.
387. Липинский, Д. А. Проблемы юридической ответственности / Д. А. Липинский ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2004. – 409 с.
388. Лобанов, С. А. Международный уголовный процесс: тенденции современного развития / С. А. Лобанов // Гос-во и право. – 2003. – № 1. – С. 80–86.
389. Лукашева, Е. А. Права человека и политическое реформирование (юридические, этические, социально-психологические аспекты) / Е. А. Лукашова; Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. – М., РАН, 1997. – 232 с.
390. Лукашова, Е. А. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории и истории права и государства ИПП РАН) / Е. А. Лукашова // Гос-во и право. – 2003. – № 5. – С. 9–10.
391. Лукашов, А. И. Административная преюдиция: проблемы соотношения уголовной и административной ответственности / А. И. Лукашов // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 78–89.
392. Лукашова, Е. А. Многообразии культур и права человека / Е. А. Лукашова // Правовые культуры. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 25 марта 2011 г. / под ред. Г. И. Муромцева [и др.]. – М. : РУДН, 2012. – С. 37–45.
393. Лукашова, Е. А. Право и культура в современном мире / Е. А. Лукашова. – Тр. ин-та гос-ва и права Рос. акад. наук. – М., 2012. – № 5. – С. 26–42.
394. Лукашова, Е. А. Правовое государство и обеспечение прав человека / Е. А. Лукашова // Права человека: проблемы и перспективы / Б. Н. Топорник [и др.] ; АН СССР ; Ин-т государства и права; отв. ред. Е. А. Лукашова. – М. : ИГПАН, 1990. – 153 с.
395. Лукашова, Е. А. Социалистическое право и личность / Е. А. Лукашова. – М. : Знание, 1987. – 310 с.

396. Лукашук, И. И. Концепция права международной ответственности / И. И. Лукашук // Гос-во и право. – 2003. – № 4. – С. 79–87.
397. Лукашук, И. И. Толкование норм международного права / И. И. Лукашук, О. И. Лукашук. – М. : NOTA BENE, 2002. – 156 с.
398. Лукьянова, Е. Г. Тенденции развития процессуального законодательства в свете общей теории права / Е. Г. Лукьянова // Гос-во и право. – 2003. – № 2. – С. 104–108.
399. Лунеев, В. В. Свобода лучше, чем несвобода? / В. В. Лунеев // Гос-во и право. – 2012. – № 9. – С. 13–21.
400. Лучин, В. О. Конституционные нормы и правоотношения : учеб. пособие / В. О. Лучин. – М. : ЮНИТИ, 1997. – 157 с.
401. Лучин, О. В. Конституция Российской Федерации, проблемы реализации / О. В. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 135 с.
402. Любашиц, В. Я. Теория государства и права : учебник / В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, А. Ю. Мамычев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – 700 с.
403. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер; под. ред., вступ. ст. С. В. Боботова; пер. с фр. С. В. Боботова. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 383 с.
404. Маврин, С. П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права / С. П. Маврин // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 205–216.
405. Мазурук, П. А. Реформа системы пенсионного обеспечения в Республике Польша / П. А. Мазурук // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., г. Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 264–271.
406. Макарова, З. В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы / З. В. Макарова // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 218–222.
407. Макарова, Т. И. Теоретические проблемы правового положения физических лиц в экологических отношениях : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Т. И. Макарова. – Минск, 2008. – 275 с.
408. Максименко, В. А. Права человека в различных правовых системах. Основные особенности и проблемы универсальности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Максименко ; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – 23 с.
409. Максимов, И. В. Концепция позитивной административной ответственности в теории и праве / И. В. Максимов // Гос-во и право. – 2006. – № 8. – С. 29–37.
410. Малахов, В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания : учеб. пособие / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. – 144 с.

411. Малевич, Ю. И. Проблемы общности прав человека в мировой политике / Ю. И. Малевич // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 2. – С. 79–87.
412. Малевич, Ю. И. Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Ю. И. Малевич ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 36 с.
413. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин. – М. : Наука, 1985. – 163 с.
414. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. – М. : МЗПРЕСС, 2000. – 147 с.
415. Малеина, М. Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав / М. Н. Малеина // Гос-во и право. – 2000. – № 2. – С. 16–21.
416. Малеина, М. Н. Человек и медицина в современном праве : учеб. и практ. пособие / М. Н. Малеина. – М. : БЕК, 1995. – 260 с.
417. Маликова, Е. В. К вопросу о пенсионном реформировании / Е. В. Маликова // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 287–289.
418. Малько, А. В. Основы теории законных интересов / А. В. Малько // Ежегодник рос. права. – М., 2000. – С. 204–205.
419. Малько, А. В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 192 с.
420. Малько, А. В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 359 с.
421. Малько, А. В. Смертная казнь как правовое ограничение / А. В. Малько // Гос-во и право. – 1993. – № 1. – С. 73–79.
422. Малько, А. В. Смертная казнь: современные проблемы / А. В. Малько // Правоведение. – 1998. – № 1 (220). – С. 106–116.
423. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 134–147.
424. Малько, А. В. Субъективное право и законный интерес / А. В. Малько // Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 58–70.
425. Малько, А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько. – М. : Юрист, 2001. – 304 с.

426. Малько, А. В. Теория государства и права : учеб. пособие / А. В. Малько, В. В. Нырков, К. В. Шундигов. – М. : НОРМА, 2012. – 432 с.
427. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
428. Малько, А. В. Юридические парадоксы применения смертной казни в современной России / А. В. Малько, В. А. Терехин // Гос-во и право. – 2011. – № 3. – С. 24–29.
429. Мальцев, В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность / В. В. Мальцев // Правоведение. – 2000. – № 6 (223). – С. 152–169.
430. Мальцев, Г. В. Советское государство и личность / Г. В. Мальцев. – М. : Знание, 1969. – 40 с.
431. Мальцев, Г. В. Социалистическое право и свобода личности: теоретические вопросы / Г. В. Мальцев. – М. : Юрид. лит., 1968. – 143 с.
432. Мальцев, Г. А. Социальная справедливость и право / Г. А. Мальцев. – М. : Мысль, 1977. – 255 с.
433. Манкевич, В. В. Пределы осуществления гражданских прав / В. В. Манкевич // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – Вып. 7. – С. 317–322.
434. Манкевич, И. П. Право граждан на возмещение экологического вреда / И. П. Манкевич // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 385–391.
435. Маргиев, В. И. О некоторых особенностях внутреннего права Европейских сообществ / В. И. Маргиев // Правоведение. – 1999. – № (224). – С. 208–214.
436. Марииков, О. П. Ответственность государства за противоправные действия его должностных лиц, представительных органов народовластия / О. П. Марииков // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Серия «Правоведение». – Минск : Право и экономика, ВИЛАТ. – 1996. – С. 99–121.
437. Марииков, О. П. Уполномоченный по правам человека (Омбудсмен) как институт защиты прав и свобод граждан / О. П. Марииков // Теоретические и практические проблемы правоприменения : науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского. – Минск, 2010. – С. 137–148.
438. Мартинович, И. И. Судебно-правовая реформа в республике Беларусь. Суд присяжных и другие нововведения в законодательстве

- о судоустройстве / И. И. Мартинович, М. И. Пастухов. – Минск : Шк. предпринимателя «Амалфея», 1995. – С. 17–18.
439. Мартышин, О. В. Политическая обязанность / О. В. Мартышкин / Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 5–14.
440. Марусин, И. С. О мерах по обеспечению государствами – членами ЕС своих обязательств в рамках Европейского Союза / И. С. Марусин // Правоведение. – 2000. – № 4 (231). – С. 149–158.
441. Мархгейм, М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; 12.00.02 / М. В. Мархгейм ; Сев.-Кавказск. акад. гос. службы. – М., 2005. – 53 с.
442. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2011. – 768 с.
443. Масленников, М. Я. Административная юстиция и административное судопроизводство / М. Я. Масленников // Гос-во и право. – 2002. – № 9. – С. 10–18.
444. Матейкович, М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации : монография / М. С. Матейкович. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 300 с.
445. Матейкович, М. С. Субъективные избирательные права граждан в системе прав и свобод личности / М. С. Матейкович // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 31–39.
446. Матузов, Н. И. Возможности и действительность в правовой сфере / Н. И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 3 (230). – С. 16–30.
447. Матузов, Н. И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1999. – № 3 (226). – С. 14–31.
448. Матузов, Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения / Н. И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 225–244.
449. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Саратовск. ун-т, 1987. – 293 с.
450. Матузов, Н. И. Субъективные права граждан СССР / Н. И. Матузов. – Саратов : Приволжск. книжн. изд-во, 1966. – 190 с.
451. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 3-е изд. – М. : Дело, 2009. – 528 с.
452. Матузов, Н. И. Теория и практика прав человека в России / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 22–35.
453. Матусевич, А. В. Представительство интересов личности в государственных органах / А. В. Матусевич // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Сер. «Правоведение». – Минск : Право и экономика, 1996. – С. 36–39.

454. Мачульская, Е. Е. Конституционное право на социальное обеспечение: его реализация / Е. Е. Мачульская // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. / ИЗиСП. – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 80–90.
455. Международное право : учебник / Б. М. Ашавский [и др.] ; отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 607 с.
456. Международное право и советское законодательство / В. Н. Лихачев [и др.] ; сост. и науч. ред. Г. И. Курдюков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 157 с.
457. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 82–94.
458. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 99–105.
459. Мелеховец, Ю. А. Уголовная ответственность как элемент уголовно-правовых отношений / Ю. А. Мелеховец // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 48–51.
460. Мелешников, А. В. Права человека и международно-правовая ответственность за их нарушение / А. В. Мелешников // Гос-во и право. – 1992. – № 3. – С. 95–104.
461. Мельников, А. А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / А. А. Мельников. – М. : Наука, 1969. – 247 с.
462. Мельников, Н. В. Прокурорский надзор – самостоятельная форма осуществления прокурорской власти в России / Н. В. Мельников // Гос-во и право. – 2003. – № 5. – С. 34–41.
463. Мехович, А. М. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел / А. М. Мехович, А. С. Мордовец, А. В. Силантьева // Правоведение. – 1999. – № 3 (226). – С. 154–162.
464. Мигачев, М. И. Европейский суд как институт защиты прав человека / М. И. Мигачев // Права человека в России: декларации нормы и жизнь : материалы Междунар. конф., посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека // Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 33–34.
465. Мигачев, Ю. И. Понятие и виды юридических гарантий. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по ма-

- териалам круглого стола) / Ю. И. Мигачев [и др.] // Гос-во и право. – 2000. – № 11. – С. 95–107.
466. Мижуев, П. Г. Права человека и гражданина / П. Г. Мижуев. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1906. – 115 с.
467. Миклашевич, П. П. Проблема доступа граждан к конституционному правосудию / П. П. Миклашевич // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 3. – С. 61–73.
468. Миролюбова, С. Ю. Право граждан на выбор места жительства: содержание и перспективы развития / С. Ю. Миролюбова // Гос-во и право. – 2012. – № 12. – С. 13–21.
469. Миронов, Н. В. Советское законодательство и международное право / Н. В. Миронов. – М. : Междунар. отношения, 1968. – 197 с.
470. Миронов, О. О. Право на защиту / О. О. Миронов, В. П. Парфенов. – Саратов : изд. Саратовск. ун-та, 1988. – 78 с.
471. Миронов, С. И. Необходимая оборона по уголовному праву Англии и США: особенности регулирования / С. И. Миронов // Гос-во и право. – 2002. – № 6. – С. 61–68.
472. Миронова, Т. К. Проблемы законотворчества в сфере социальной защиты / Т. К. Миронова // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. / ИЗИСП. – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 91–97.
473. Мирчук, М. А. Конституция Республики Беларусь и современные проблемы государственно-конфессиональных отношений и свободы совести / М. А. Мирчук // Законотворчество. – 2004. – № 2. – С. 29–32.
474. Михлин, А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее / А. С. Михлин. – М. : Дело, 2000. – 174 с.
475. Мицкевич, А. В. Субъекты советского права / А. В. Мицкевич. – М. : Юрид. лит., 1962. – 213 с.
476. Мишин, А. А. Конституция США. Политико-правовой комментарий / А. А. Мишин, В. А. Власихин. – М. : Междунар. отношения, 1985. – 334 с.
477. Моисеев, Н. Н. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / Н. Н. Моисеев // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 37–38.
478. Мороз, В. В. Основание уголовной ответственности и состав преступления: взаимоотношение понятий / В. В. Мороз // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 59–65.
479. Морозова, Л. А. Проблемы правовой ответственности государства / Л. А. Морозова // Гос-во и право – 2000. – № 2. – С. 22–30.

480. Морозова, Л. А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих / Л. А. Морозова // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 23–24.
481. Морозова, Л. А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих / Л. А. Морозова // Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 15–30.
482. Мурашко, А. О. Проблема реализации отдельных социально-экономических прав граждан в современный период / А. О. Мурашко // Права человека в системе социально-гуманитарных знаний : сб. науч. статей ; редкол.: А. Д. Гусев [и др.]. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – С. 60–66.
483. Мытник, П. В. О праве потерпевшего на участие в поддержании обвинения в суде / П. В. Мытник // Права человека и правосудие по головным делам в Республике Беларусь : сб. науч. ст. / сост. Л. Л. Зайцева, И. В. Кучвальская ; науч. ред. Л. Л. Зайцева. – Минск : Тесей, 2003. – С. 89–91.
484. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – М. : Юрид. лит., 1991. – 159 с.
485. Мялковский, С. С. Юридическая ответственность и местное самоуправление в Российской Федерации: теоретические и правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. С. Мялковский ; Уральск. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
486. Навасардян, В. Р. Обеспечение подозреваемому права на защиту в предварительном расследовании / В. Р. Навасардян // Правоведение. – 1999. – № 2 (225). – С. 179–186.
487. Надбайло, П. Е. Международная защита прав человека / П. Е. Надбайло // Советский ежегодник междунар. права. – М., 1969. – С. 35–39.
488. Напсо, М. Б. Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях / М. Б. Напсо // Гос-во и право. – 2011. – № 8. – С. 20–25.
489. Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под. ред. А. Ф. Горкина. – М. : Юрид. лит., 1972. – 741 с.
490. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Л. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 202 с.
491. Нерсисянц, В. С. Личность и государство в политико-правовой мысли (из истории идей) / В. С. Нерсисянц. – М. : Знание, 1980. – 63 с.
492. Нерсисянц, В. С. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре теории

- и истории права и государства ИГП РАН) / В.С. Нерсесянц // Гос-во и право. – 2003. – № 5. – С. 5–10.
493. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 256 с.
494. Нечаева, А. М. О правоспособности и дееспособности физических лиц / А. М. Нечаева // Гос-во и право. – 2001. – № 2. – С. 29–34.
495. Никеров, Г. И. Административное право США / Г. И. Никеров. – М. : Наука, 1977. – 200 с.
496. Никеров, Г. И. Судебная власть в правовом государстве (опыт сравнительного исследования) / Г. И. Никеров // Гос-во и право. – 2001. – № 3. – С. 1–20.
497. Никитин, А. С. К вопросу о понятиях «охрана» и «защита» в российском праве / А. С. Никитин // Гос-во и право. – 2008. – № 4. – С. 21–26.
498. Никифоров, А. С. О смертной казни / А. С. Никифоров // Гос-во и право. – 2001. – № 4. – С. 64–65.
499. Николайчик, В. М. США: полицейский контроль над обществом / В. М. Николайчик. – М. : Наука, 1987. – 187 с.
500. Николайчик, В. М. Уголовный процесс США / В. М. Николайчик. – М. : Наука, 1981. – 224 с.
501. Никонович, Т. В. Экологическая безопасность государства как фактор устойчивого развития Республики Беларусь : лекция / В. Т. Никонович, И. И. Птуха, И. А. Никонович. – Горки : Бел. гос. с.-х. акад., 2008. – 64 с.
502. Нырков, В. В. Правозащитная политика: понятие и концепция / В. В. Нырков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 4 (49). – С. 70–73.
503. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных Республик: Закон СССР, 12 июня 1990 г. // Вед. Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 26. – Ст. 495.
504. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.
505. О крестьянском (фермерском) хозяйстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 февр. 1991 г., № 611-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
506. О массовых мероприятиях в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 декабря 1997 г., № 114-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.08.2003 г. // КонсультантПлюс.

- Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
507. О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.07.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
508. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 января 2010 г., № 108-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 17. – 2/1660.
509. О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 20 июля 1998 г., № 369 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.02.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
510. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
511. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
512. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 октября 1994 г. № 3266-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.11.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
513. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
514. О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан : Закон СССР, 2 нояб. 1989 г. № 719-1 // Вед. Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – № 27. – Ст. 524.
515. О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан : Закон СССР, 30 июня 1987 г., № 7287-ХІ // Вед. Верховного Совета СССР. – 1987. – № 26. – Ст. 388.

516. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.
517. Об утверждении перечня государственных программ фундаментальных и ориентированных фундаментальных исследований в области естественных, технических, гуманитарных и социальных наук на 2003–2005 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2003 г., № 594 : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
518. Об утверждении перечня государственных программ фундаментальных и прикладных научных исследований в области естественных, технических, гуманитарных и социальных наук на 2006–2010 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 1339 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 06.06.2007 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
519. Об утверждении Положения о порядке применения мер по обеспечению безопасности некоторых участников уголовного процесса и других лиц [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2009 г., № 130 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.12.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
520. О пенсионном обеспечении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1596-ХП : в ред. от 15.10.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
521. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. от 10.07.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
522. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
523. О банке данных проектов законов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 24 февраля 2012 г., № 105 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
524. О создании Национального центра правовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 июня 1997 г.,

- № 338 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
525. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1998 г., № 196-З : в ред. от 15.07.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
526. О Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 января 2009 г., № 40 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.09.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
527. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 263 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
528. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
529. Об оперативно-розыскной деятельности Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
530. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. от 04.05.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
531. Об утверждении единого правового классификатора Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 янв. 1999 г., № 1 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.01.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
532. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

533. Огибалин, Ю. А. Средства и способы обеспечения индивидуальной свободы личности в гражданском материальном и процессуальном праве / Ю. А. Огибалин. – Тверь : ТГУ, 1991. – 96 с.
534. Орешкина, И. Б. Правовая информация как элемент правовой реформы / И. Б. Орешкина // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 67.
535. Орзих, М. Ф. Право и личность: вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества / М. Ф. Орзих. – Одесса ; Киев : Вища школа, 1978. – 143 с.
536. Орлова, О. В. Автономия личности и автономия гражданского общества / О. В. Орлова // Гос-во и право. – 2006. – № 1. – С. 12–18.
537. Орлова, О. В. О роли права в самореализации личности в гражданском обществе / О. В. Орлова // Гос-во и право. – 2008. – № 6. – С. 106–109.
538. Орлова, О. В. Права и свободы личности как субъекта политической жизни / О. В. Орлова // Гос-во и право. – 2007. – № 7. – С. 50–56.
539. Орлова, О. В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе / О. В. Орлова // Гос-во и право. – 2008. – № 7. – С. 71–75.
540. Осипян, Б. А. Дух правометрии или основание межгерологии права / Б. А. Осипян. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 656 с.
541. Основной закон Федеративной Республики Германия // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Вольтерс Клувер, 2010. – С. 168–246.
542. Осокина, Г. Л. Проблемы иска и права на иск : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.02.04 / Г. Л. Осокина ; Томский гос. ун-т. – Томск, 1990. – 29 с.
543. Отмена смертной казни в Республике Беларусь / А. Е. Вашкевич [и др.] ; под науч. ред. А. Е. Вашкевича ; отв. ред. В. В. Филиппова. – 2е изд. – Минск : ТЕСЕЙ, 2010. – 280 с.
544. Отчет МВД перед гражданами за 1998 г. // Рос. газета. – 1999. – 16 янв.
545. Павленко, Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. М. Павленко ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2006. – 28 с.
546. Павлов, В. И. Антропологический тип правопонимания как открытие человекомерности права / В. И. Павлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и

- правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – Вып. 7. – С. 71–78.
547. Павлов, В. И. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания (к постановке проблемы) / В. И. Павлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 54–65.
548. Павлов, В. И. Традиционное общество и концепция прав человека (опыт метафизического осмысления в контексте доктрины традиционализма) / В. И. Павлов // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 90–133.
549. Павлов, В. И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности / В. И. Павлов // Правоведение. – 2012. – № 2 (301). – С. 14–39.
550. Панова, И. В. Административное судопроизводство в Российской Федерации / И. В. Панова // Гос-во и право. – 2001. – № 10. – С. 13–20.
551. Панова, И. В. Административно-юрисдикционный процесс : монография / И. В. Панова. – Саратов : Изд-во «Светопись» ; Приволжское книжн. изд-во, 1998. – 205 с.
552. Панова, И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды / И. В. Панова // Правоведение. – 2000. – № 2 (229). – С. 114–127.
553. Панченко, В. Ю. О понятии юридической помощи / В. Ю. Панченко // Гос-во и право. – 2012. – № 12. – С. 5–12.
554. Пастухов, М. И. Основные направления совершенствования законодательства Беларуси о судебном конституционном контроле / М. И. Пастухов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 189–190.
555. Пасынков, В. В. Права человека в России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. В. Пасынков; С.-Петербург. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 22 с.
556. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР: правовые аспекты взаимодействий / В. А. Патюлин. – М. : Наука, 1974. – 245 с.
557. Переверзев, А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. А. Переверзев ; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 23 с.

558. Перепелица, Е. В. Государственно-правовое обеспечение прав и свобод личности в Республике Беларусь (теоретико-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. В. Перепелица ; Ин-т государства и права Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2004. – 20 с.
559. Петровский, Н. А. Значение конституционной юрисдикции в Европейском правовом пространстве (опыт Швейцарской Конфедерации) / Н. А. Петровский // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 184.
560. Петрухин, И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России / И. Л. Петрухин // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 17–39.
561. Петрухин, И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М. : Ин-т государства и права РАН, 1998. – 247 с.
562. Петрухин, И. Л. Проблема судебной власти в современной России / И. Л. Петрухин // Гос-во и право. – 2000. – № 7. – С. 15–21.
563. Петрухин, И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы / И. Л. Петрухин // Гос-во и право. – 2001. – № 3. – С. 5–15.
564. Пиголкин, А. С. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головастикова, Ю. А. Дмитриев ; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 743 с.
565. Победкин, А. В. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления / А. В. Победкин // Гос-во и право. – 2001. – № 3. – С. 46–50.
566. Подгруша, В. В. Социальная справедливость в вопросах защиты прав и законных интересов граждан / В. В. Подгруша // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2010. – № 4. – С. 148–158.
567. Подпригора, Р. А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы) : монография / Р. А. Подпригора. – Алматы : Аркаим, 2002. – 165 с.
568. Подупейко, А. А. Государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод человека в Республике Беларусь / А. А. Подупейко, М. Г. Головач // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД ; под ред. А. Ф. Вишневого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 200–212.
569. Подупейко, А. А. Некоторые проблемы повышения общей и правовой культуры сотрудников органов внутренних дел / А. А. Подупейко // Общество, экономика, право : сб. науч. тр. / редкол.: Н. И. Ильинский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ФУСТ БГУ, 2002. – С. 316–321.

570. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград : «ПРАВО», 1917. – 328 с.
571. Политические партии: Беларусь и современный мир / М. Ф. Чудаков [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2005. – 416 с.
572. Положение о Департаменте государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 29 июля 2006 г., № 959 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 127. – 5/22682.
573. Поляков, А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека / А. В. Поляков // Право и общество: от конфликта к консенсусу : моногр. / А. В. Поляков [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2004. – С. 316–320.
574. Поляков, А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения / А. В. Поляков // Правоведение. – 2000. – № 2 (229). – С. 4–23.
575. Попова, Ю. А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции / Ю. А. Попова // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 30–34.
576. Постников, А. Е. Конституционные гарантии социальных прав граждан / А. Е. Постников // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. / ИЗИСП. – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 36–39.
577. Потеружа, И. И. Конституционные принципы организации и деятельности судебной власти / И. И. Потеружа // Личность. Общество. Государство / В. Н. Артемова [и др.]. – Сер. «Правоведение». – Минск : Право и экономика, 1996. – С. 75–98.
578. Права и возможности инвалидов в Российской Федерации: специальный доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / О. О. Миронов. – М. : Юрид. лит., 2001. – 101 с.
579. Права человека и деятельность органов внутренних дел : монография / А. С. Мордовец [и др.]. – Саратов : СВШ МВД РФ, 1994. – 131 с.
580. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / В. С. Нерсесянц [и др.] // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 89–100.
581. Права человека: проблемы и перспективы / Е. А. Лукашова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашова. – М. : ИГПАН, 1990. – 153 с.
582. Права человека : сб. универсальн. и региональн. документов / сост. Л. Н. Шестаков. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 202 с.
583. Права человека : учебник / Е. А. Лукашова [и др.] ; под общ. ред. Е. А. Лукашовой. – 2-е изд. – М. : Норма, 2009. – 560 с.

584. Право социального обеспечения Республики Беларусь / под общ. ред. И. В. Гущина. – Новополоцк : ПГУ, 2000. – 344 с.
585. Правовая система социализма, функционирование и развитие : в 2 кн. / В. П. Казимирчук [и др.] ; отв. ред. А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1987. – Кн. 2. – 327 с.
586. Проблемы свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / В. М. Чхиквадзе [и др.] ; под ред. Д. А. Керимова, В. М. Чхиквадзе. – М. : Политиздат, 1986. – 319 с.
587. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / М. Н. Марченко [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – М. : Изд. группа Юристъ, 2001. – 655 с.
588. Прокопович, Г. А. Юридическая ответственность в российском праве (теоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. А. Прокопович ; Рос. правов. акад. Мин. юстиции Рос. Федерации. – М., 2006. – 21 с.
589. Пронина, М. Г. Защита чести и достоинства гражданина / М. Г. Пронина, А. Н. Романович. – Минск : Наука и техника, 1976. – 165 с.
590. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Париж, 20 марта 1952 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 772–773.
591. Протокол № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Рим, 1 апр. 2000 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 126–127.
592. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Вильнюс, 3 мая 2002 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 128–129.
593. Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Страсбург, 13 мая 2004 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 129–133.
594. Протокол № 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Париж, 20 марта 1952 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 773.
595. Протокол № 3 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Париж, 20 марта 1952 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 773–774.

596. Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол. Страсбург, 16 сентября 1963 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 774–775.
597. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни. Страсбург, 28 апреля 1983 г. : с изм. от 1 нояб. 1998 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 775–777.
598. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Страсбург, 22 ноября 1984 г. : с изм. от 1 нояб. 1998 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 777–779.
599. Протопопов, А. Л. Функции прокуратуры / А. Л. Протопопов // Правоведение. – 2000. – № 6 (233). – С. 169–178.
600. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
601. Пхаладзе, Б. В. Юридические формы положения личности в советском обществе / Б. В. Пхаладзе. – Тбилиси : МЕЦНИЕРЕБА, 1969. – 86 с.
602. Рабец, А. М. Проблемы правовой ответственности государства / А. М. Рабец // Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 15–22.
603. Разгильдиева, М. Б. К вопросу о позитивной финансово-правовой ответственности / М. Б. Разгильдиева // Гос-во и право. – 2009. – № 12. – С. 5–14.
604. Рапейко, Т. П. Понятие пенсии по инвалидности, назначаемой гражданам Республики Беларусь / Т. П. Рапейко // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Н. В. Сильченко [и др.]. – Гродно, 2002. – С. 271–273.
605. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : учеб. пособие / Л. П. Рассказов. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2013. – 299 с.
606. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : учебник / Л. П. Рассказов. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2010. – 464 с.
607. Ревина, Е. В. Правозащитные отношения: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Ревина ; Мордовск. гос. ун-т. – Саратов, 2008. – 25 с.

608. Ремнев, В. И. Право жалобы и административная юстиция в СССР / В. И. Ремнев // Советское гос-во и право. – 1986. – № 6. – С. 32–39.
609. Решетников, Ф. М. Смертная казнь в капиталистических странах (история и современность) / Ф. М. Решетников // Смертная казнь: «за» и «против» / под ред. С. Г. Келиной. – М. : Прогресс, 1989. – С. 490–491.
610. Родионова, Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Родионова ; Акад. упр. МВД России. – М., 2007. – 19 с.
611. Романенко, О. К. Проблемы доказывания морального вреда на предварительном следствии / О. К. Романенко // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 392–394.
612. Романец, Ю. В. Этические основы права и правоприменения / Ю. В. Романец. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2012. – 400 с.
613. Романов, В. В. Интеграционные тенденции в сфере противодействия криминальной виктимизации населения и защиты прав потерпевших от тяжких насильственных преступлений / В. В. Романов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 309.
614. Романова, В. В. Юридическая ответственность государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Романова ; Казанск. гос. ун-т. – Псков, 2007. – 25 с.
615. Романовский, А. А. Роль Белорусского Общества Красного Креста в оказании помощи вынужденным мигрантам / А. А. Романовский // Опыт и проблемы управления процессами вынужденной миграции в Республике Беларусь. – Минск : НИИ труда, 2002. – С. 94–101.
616. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. – М. : МЗ-пресс, 2001. – 309 с.
617. Ромашов, Р. А. Проблема соотношения понятий «право» и «закон» в контексте исторического и юридико-лингвистического анализа / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 2007. – № 3 (272). – С. 34–47.
618. Ростовщиков, И. В. О нарушениях и необеспеченности прав и свобод человека в современном мире / И. В. Ростовщиков // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 70–71.

619. Ростовщиков, И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР, Вопросы теории / И.В. Ростовщиков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – 117 с.
620. Ростовщиков, И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел / И. В. Ростовщиков. – Волгоград, 1997. – 124 с.
621. Ростовщиков, И. В. Права человека и его индивидуальные свободы: общее и отличительное / И.В. Ростовщиков, О.В. Ростовщикова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 4 (49). – С. 8–12.
622. Рохлин, В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: проблемы и перспективы / В. И. Рохлин, А. П. Стуканов // Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 154–163.
623. Рудинский, Ф.М. Личность и социалистическая законность / Ф. М. Рудинский. – Волгоград : ВСШ, 1976. – 159 с.
624. Рудковский, Э. И. Свобода и ответственность личности / Э. И. Рудковский. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 152 с.
625. Рудович, Н. И. К вопросу об усилении гарантий избирательных прав граждан / Н. И. Рудович // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 176–177.
626. Рыбаков, О. Ю. Проблемы взаимоотношений человека и государства в теории правовой политики / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Правоведение. – 2011. – № 2 (295). – С. 34–42.
627. Рябцев, Л. М. Личные права граждан. Способы их административно-правовой защиты милицией в сфере общественного порядка и общественной безопасности : учеб. пособие / Л. М. Рябцев. – Минск : Акад. милиции, 1993. – 50 с.
628. Рябцев, Л. М. Права человека и механизм их административно-правового обеспечения милицией в сфере общественного порядка и общественной безопасности / Л. М. Рябцев // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 3. – С. 127–136.
629. С чего начинается личность / Р. И. Косолапов [и др.] ; под общ. ред. Р. И. Косолапова. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 360 с.
630. Сабери, А. Историческое развитие представлений о правах человека в шиитском исламе : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Сабери ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2010. – 26 с.
631. Савич, О. Д. О необходимости дополнительных гарантий прав свидетеля / О. Д. Савич // Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь : сб. науч. статей / сост. Л. Л. Зайцева, И. В. Кучвальская ; науч. ред. Л. Л. Зайцева. – Минск : Тесей, 2003. – С. 106–111.

632. Саенко, Л. В. Конституционно-правовые основы охраны и защиты семьи в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. В. Саенко ; Саратовск. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2006. – 18 с.
633. Сажина, В. В. Административная юстиция: к теории и истории вопроса / В. В. Сажина // Советское гос-во и право. – 1989. – № 9. – С. 52–59.
634. Саидов, А. Х. Международное право прав человека : учеб. пособие / А. Х. Саидов ; отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : ИГП РАН, 2002. – 197 с.
635. Салищева, Н. Г. Исполнительная и судебная ветви власти: соотношение и взаимодействие / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева // Гос-во и право. – 2000. – № 1. – С. 8–15.
636. Салищева, Н. Г. Административная юстиция, административное судопроизводство / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева // Гос-во и право. – 2002. – № 1. – С. 5–11.
637. Салищева, Н. Г. О некоторых способах защиты и охраны прав, свобод и законных интересов граждан в сфере деятельности исполнительной власти в Российской Федерации / Н. Г. Салищева // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. – М., 1994. – С. 74–75.
638. Салтанович, А. В. Право подозреваемого на защиту в уголовном процессе Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / А. В. Салтанович ; БГУ. – Минск, 1992. – 22 с.
639. Сальников, В. П. Современная система защиты прав человека / В. П. Сальников, В. В. Цмай // Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 82–98.
640. Самощенко, И. С. К вопросу о причинности в области юридической ответственности / И. С. Самощенко // Вопросы общей теории советского права / Л. С. Галесник [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. – М. : Юрид. лит., 1960. – С. 335–383.
641. Сапунова, М. О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. О. Сапунова ; Акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2007. – 26 с.
642. Саркисов, О. Р. Экологическая безопасность и эколого-правовые проблемы в области загрязнения окружающей среды : учеб. пособие / О. Р. Саркисов, Е. Л. Любарский, С. Я. Казанцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 231 с.
643. Саркисова, Э. А. Ответственность за пытки по Уголовному кодексу Республики Беларусь: развитие и проблема совершенствования / Э. А. Саркисова // Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: Европейские стандарты и Республика Беларусь / Э. А. Саркисова ; отв. ред.

- В. В. Филиппов ; науч. ред. А. Е. Вашкевич. – Минск : Тесей, 2004. – С. 99–112.
644. Саркисова, Э. А. Уголовная ответственность в трактовке законодательства / Э. А. Саркисова // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 40–48.
645. Сарычев, А. Права и гарантии пожилых людей / А. Сарычев // Б-чка журн. «Социальная защита», Сер. «Права человека». – 1998. – Вып. 1. – С. 10–14.
646. Сарычев, А. Семь раз отмерь переселяясь. Права вынужденных переселенцев / А. Сычев // Б-ка журн. «Социальная защита», Сер. «Права человека». – 1997. – Вып. 18. – С. 7–11.
647. Сафронов, В. М. Правовое положение граждан СССР / В. М. Сафронов. – М. : Знание, 1969. – 63 с.
648. Сафронов, В. М. Правовое положение личности в СССР / В. М. Сафронов. – М. : Знание, 1971. – 59 с.
649. Сафронов, В. М. Советское государство и основы правового положения его граждан : обзорная лекция / В. М. Сафронов. – М. : Знание, 1973. – 32 с.
650. Сборник сообщений БХЖ о выборах 2000–2001. – Минск, 2001. – 35 с.
651. Свердлык, Г. А. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав / Г. А. Свердлык, Э. Л. Страунинг // Гос-во и право. – 1998. – № 5. – С. 17–24.
652. Свобода мирных собраний: европейские стандарты и законодательство Республики Беларусь / А. Е. Вашкевич [и др.] ; науч. ред. А. Е. Вашкевич ; отв. ред. В. В. Филиппов. – Минск : Тесей, 2009. – 384 с.
653. Сергеев, А. А. Административный контроль за законностью правовых актов органов местного самоуправления / А. А. Сергеев, В. Г. Розенфельд // Гос-во и право. – 2002. – № 12. – С. 25–30.
654. Сергеева, О. Г. Омбудсман и защита прав человека / О. Г. Сергеева // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2011. – № 3. – С. 51–61.
655. Серебрякова, И. М. К вопросу о реализации административной ответственности / И. М. Серебрякова // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД ; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 89–93.
656. Серков, П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография / П. П. Серков. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 480 с.
657. Серков, П. П. Характеристика правоотношений в сфере административной ответственности / П. П. Серков // Гос-во и право. – 2010. – № 9. – С. 26–35.

658. Сивец, С. М. Гарантии реализации субъективных прав и свобод лицами с ограниченными возможностями (конституционно-правовой аспект) / С. М. Сивец // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД; под ред. А.Ф. Вишневецкого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 164–170.
659. Сивец, С. М. Социальная политика государства как доминирующий фактор политической стабильности и общественного согласия (теоретико-правовой аспект) / С. М. Сивец // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : В. И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 55–61.
660. Сильченко, Н. В. Границы деятельности законодателя / Н. В. - Сильченко // Советское гос-во и право. – 1991. – № 8. – С. 14–23.
661. Сильченко, Н. В. Теоретические проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство / Н. В. Сильченко // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 10–17.
662. Симановский, С. И. Права человека : учеб.-метод. пособие / С. И. Симановский. – Минск : БГПУ, 2009. – 123 с.
663. Синюкова, Т. В. Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. В. Синюкова ; Свердловск. юр. ин-т. – Свердловск, 1986. – 19 с.
664. Ситкова, О.Ю. Меры ответственности и меры защиты нарушенных субъективных прав в семейном праве / О.Ю. Ситкова // Правоведение. – 2011. – № 2 (295). – С. 222–228.
665. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 238 с.
666. Скобелев, В.П. Защита прав работника и нанимателя: некоторые процессуальные аспекты / В.П. Скобелев // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : В.И. Семенов [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 489–498.
667. Скрипко, В. Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище / В. Р. Скрипко // Гос-во и право. – 2002. – № 12. – С. 31–39.
668. Слободчиков, Н. А. О позитивном содержании юридической ответственности / Н. А. Слободчиков // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 28–34.

669. Слободчиков, Н. А. Проблема юридической ответственности / Н. А. Слободчиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2 (24). – С. 181–186.
670. Слука, А. Г. Дзесяцігоддзе Канвенцыі ААН аб правах дзіцяці ў Беларусі: вынікі, праблемы, перспектывы / А. Г. Слука // Канвенцыя ААН па правах дзіцяці і абарона правоў дзяцей у Беларусі: праблемы, перспектывы : матэрыялы рэспуб. нав.-практ. канф., Мінск, 19 ліст. 1999 г. – Мінск, 1999. – С. 13–16.
671. Смирнов, В. В. Концепции проектов Федерального закона о политических партиях (Круглый стол Ин-та государства и права РАН) / В. В. Смирнов // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 99–107.
672. Смирнов, В. В. Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / В. В. Смирнов // Гос-во и право. – 2001. – № 5. – С. 91–98.
673. Смирнов, В. В. Политические партии и право в современном государстве / В. В. Смирнов, Ю. А. Юдин // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 119–121.
674. Смирнов, В. О. Сравнительный анализ порядка формирования конституционных судов стран центральной и восточной Европы / В. О. Смирнов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 191–194.
675. Смирнов, О. В. Международное сотрудничество по вопросам роста численности осужденных к лишению свободы / О. В. Смирнов // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 296–300.
676. Смоленский, М. Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности / М. Б. Смоленский // Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 197–204.
677. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учебник / М. Б. Смоленский. – М. : Дашков и К; Академцентр, 2012. – 320 с.
678. Снежко, О. А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. А. Снежко; Саратов. гос. акад. прав. – Саратов, 1999. – 26 с.
679. Советское административное право / под ред. П. Т. Василенкова. – М. : Юрид. лит., 1990. – 574 с.
680. Соколов, Н. Я. Юристы о смертной казни / Н. Я. Соколов // Гос-во и право. – 2012. – № 8. – С. 5–15.
681. Соколова, А. А. Право и социальные изменения / А. А. Соколова // Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (про-

- блемы и перспективы) : тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. ф-та, Минск, 28 фев. 1997 г. – Минск, 1997. – С. 6–7.
682. Сорокин, В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс / В. Д. Сорокин // Правоведение. – 2000. – № 4(231). – С. 34–45.
683. Социалистическая концепция прав человека : монография / В. М. Чхиквадзе [и др.]; отв. ред. В. М. Чхиквадзе, Е. А. Лукашова. – М. : Наука, 1986. – 221 с.
684. Средства массовой информации и преступность (криминология СМИ) / В. Н. Бурлаков [и др.] // Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 259–267.
685. Старилов, Ю. Н. Административная юстиция. Проблемы теории / Ю. Н. Старилов. – Воронеж :Изд-во Воронеж.ун-та, 1998. – 345 с.
686. Старилов, Ю. Н. О новом понимании административной юстиции / Ю. Н. Старилов // Правоведение. – 2000. – № 2 (229). – С. 101–114.
687. Степалин, В. Почему отменяются оправдательные приговоры / В. Степалин // Рос. юстиция. – 1998. – № 8. – С. 7–9.
688. Степкин, Е. Ю. Соотношение норм конституционного права России и международного права при обеспечении личных прав человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. Ю. Степкин; Акад. упр. МВД России. – М., 2004. – 25 с.
689. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса /М. С. Строгович. – М. : Наука, 1967. – Т. 1. – 423 с.
690. Строгович, М. С. Правовые основы деятельности и положения личности при социализме. Социализм и личность / М. С. Строгович. – М., 1979. – 245 с.
691. Стуканов, А. П. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации / А. П. Стуканов // Правоведение. – 1999. – № 4 (227). – С. 222–226.
692. Субочев, В. В. Законные интересы / В. В. Субочев ; под ред. А. В. Малько. – М. : Норма, 2008. – 496 с.
693. Судоустройство : учебник / А. А. Данилевич [и др.] ; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. – Минск : Амалфея, 2002. – 337 с.
694. Сунгуров, А.Ю. Институт Омбудсмена: эволюция, традиции и современная практика : автореф. ... дис. д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Ю. Сунгуров ; С.-Петерб. гуман.-политол. центр «Стратегия». – М., 2007.– 45 с.
695. Сыродоев, Н. А. Земля как объект гражданского оборота / Н. А. Сыродоев // Гос-во и право. – 2003. – № 8. – С. 27–34.
696. Талалаев, А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ / А. Н. Талалаев // Гос-во и право. – 1998. – № 3. – С. 64–70.

697. Тарасов, Н. Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия / Н. Н. Тарасов // Правоведение. – 2010. – № 1 (288). – С. 20–35.
698. Тарасова, А. Г. Юридические процедуры и реализация прав человека (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Г. Тарасова ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2012. – 29 с.
699. Тарнавский, И. Т. Четыре свободы / И. Т. Тарнавский. – СПб., 1906. – 76 с.
700. Теория государства и права / под ред. В. М. Курицына, З. Д. Иванова. – М. : Юрид. лит., 1986. – 351 с.
701. Теория государства и права / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. – М. : Юрид. лит., 1985. – 479 с.
702. Теория государства и права : курс лекций / М. Н. Марченко [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. – 475 с.
703. Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов [и др.] ; под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 435 с.
704. Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2002. – 592 с.
705. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов и факультетов / С. С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : НОРМА, 1997. – 570 с.
706. Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. В. Д. Перевалова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
707. Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. – 616 с.
708. Теория права и государства : учебник для вузов / под ред. проф. Г. Н. Манова. – М. : БЕК, 1996. – 323 с.
709. Теперик, А. В. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации : монография / А. В. Теперик, М. С. Матейкович // Гос-во и право. – 2003. – № 9. – С. 125–126.
710. Тер-Акопов, А. А. Безопасность человека с точки зрения международного права. Международно-правовое обеспечение безопасности человека (по материалам круглого стола) / А. А. Тер-Акопов // Гос-во и право. – 2001. – № 6. – С. 98–99.
711. Тер-Акопов, А. А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / А.А. Тер-Акопов [и др.] // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 37–50.
712. Тер-Акопов, А. А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (Основы концепции) / А.А. Тер-Акопов // Гос-во и право. – 2001. – № 9. – С. 11–18.

713. Тер-Акопов, А. А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам круглого стола) / А. А. Тер-Акопов [и др.] // Гос-во и право. – 2000. – № 11. – С. 95–107.
714. Терехин, В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан / В. А. Терехин // Гос-во и право. – 2001. – № 8. – С. 42–50.
715. Терновая, Л. Человек между правом и моралью / Л. Терновая // Права человека в современном мире : тез. междунар. теоретич. семинара, посвящ. 50летию принятия Всеобщ. декларации прав человека. – М. : РАГС, 1999. – С. 12–17.
716. Тиковенко, А. Г. Авторитет власти: прошлое и настоящее / А. Г. Тиковенко ; под ред. А. М. Абрамовича. – Минск : Наука і тэхніка, 1992. – 77 с.
717. Тиковенко, А. Г. Конституционная экономика и фискальный суверенитет / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 66–71.
718. Тиковенко, А. Г. Конституционные права и свободы – главный критерий качества законодательства / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Семенков [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 81–89.
719. Титенков, Д.И. Права человека как правовое явление в развитии цивилизации (вопросы теории, истории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. И. Титенков; Коломенский гос. пед. ин-т. – М., 2004. – 28 с.
720. Тиунов, О. И. Международное гуманитарное право : учебник / О. И. Тиунов. – М. : Норма – Инфра-М, 1999. – 315 с.
721. Тихомиров, Ю. А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития / Ю. А. Тихомиров // Рос. юстиция. – 1998. – № 8. – С. 37–44.
722. Тихомиров, Ю. А. Государство: развитие теории и общественная практика / Ю.А. Тихомиров // Правоведение. – 1999. – № 3 (226). – С. 3–14.
723. Тихомиров, Ю. А. О концепции развития административного права и процесса / Ю.А. Тихомиров // Гос-во и право. – 1998. – № 1. – С. 7–14.
724. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, Ю. М. Тихомиров ; под ред. Ю. М. Тихомирова. – М. : 2001. – 972 с.
725. Тишкевич, С. И. К вопросу об основаниях и условиях уголовной ответственности / С. И. Тишкевич // Юридическая ответствен-

- ность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Акад. МВД; под ред. В. А. Кучинского [и др.]. – Минск, 1996. – С. 65–71.
726. Толстова, И. А. Юридическая ответственность государства и его представителей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. А. Толстова; Нижегород. Акад. МВД России. – Н. Новгород, 2010. – 32 с.
727. Топорнин, Б. Н. Развитие судебной власти в России: общие подходы / Б. Н. Топорнин // Судебная реформа: проблемы и перспективы. – М. : Юристь, 2001. – 170 с.
728. Тотьев, К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К. Ю. Тотьев // Гос-во и право. – 2002. – № 9. – С. 19–25.
729. Трофименко, А. В. К вопросу о соотношении общетеоретической модели субъективного права и цивилистической модели права собственности / А. В. Трофименко // Гос-во и право. – 2003. – № 2. – С. 114–118.
730. Трофимов, М. С. Понятие и виды социальных факторов, обуславливающих реализацию прав человека в России: к постановке проблемы научного исследования / М. С. Трофимов // Гос-во и право. – 2008. – № 8. – С. 99–103.
731. Трубник, П. Судебная защита чести и достоинства / П. Трубник // Соц. законность. – 1989. – № 6. – С. 8–10.
732. Трумпель, К. Б. Уполномоченный Бундестага ФРГ по обороне как пример деятельности военного омбудсмена / К. Б. Трумпель // Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 36–42.
733. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
734. Турлаев, А. В. права человека как основа правового статуса личности (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Турлаев ; Караганд. гос. ун-т. – Караганда, 2002. – 26 с.
735. Уваров, А.А. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина / А.А. Уваров // Гос-во и право. – 2005. – № 7. – С. 82–84.
736. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

737. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
738. Умиев, А.И. Гарантии прав личности в конституционном праве Российской Федерации и международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. И. Умиев; Северо-запад. акад. гос. службы. – СПб., 2006. – 22 с.
739. Усенко, Е.Т. Очерки теории международного права / Е. Т. Усенко. – М. : Норма, 2008. – 240 с.
740. Усенко, Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция / Е. Т. Усенко // Моск. журн. междунар. права. – 1995. – № 2. – С. 13–28.
741. Устав Организации Объединенных Наций // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амафeya, 2009. – Т. 1. – С. 9–25.
742. Фарбер, И. Е. Правосознание как форма общественного сознания / И. Е. Фарбер. – М. : Юрид. лит., 1963. – 205 с.
743. Фарбер, И. Е. Свобода и права человека в советском государстве / И. Е. Фарбер. – Саратов : Саратов. ун-т, 1974. – 190 с.
744. Фарбер, И. Е. Советское государственное право : монография / И. Е. Фарбер, О. О. Миронов, В. Т. Кабышев. – Саратов : Саратов. ун-т, 1979. – 324 с.
745. Фастов, А. Г. Проблемы соблюдения субъективных прав личности и деятельности органов внутренних дел / А. Г. Фастов, В. А. Рудковский // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 151.
746. Феактистов, И. В. К вопросу обеспечения конституционных прав граждан в сфере безопасности дорожного движения / И. В. Феактистов // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III Науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 155–157.
747. Федотов, М. А. Право массовой информации в Российской Федерации : монография. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 235 с.
748. Филимонов, В. Д. Гуманизм как принцип права / В.Д. Филимонов // Гос-во и право. – 2013. – № 1. – С. 102–108.
749. Филимонов, В. Д. Справедливость как принцип права / В. Д. Филимонов // Гос-во и право. – 2009. – № 9. – С. 5–13.
750. Фисенко, И. В. Постоянный Международный уголовный суд / И. В. Фисенко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 2. – С. 26–33.

751. Флейшиц, Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав / Е. А. Флейшиц // *Вопр. общей теории советского права* / Л. С. Галесник [и др.]; под ред. С. Н. Братуся. – М. : Юрид. лит., 1960. – С. 255–283.
752. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб. : АЛЬФА, 1996. – 276 с.
753. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. – Т. 2. – 575 с.
754. Фоков, А. П. Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод граждан в современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции / А. П. Фоков // *Гос-во и право*. – 2001. – № 2. – С. 71–74.
755. Фоков, А. П. Судебная власть в системе разделения властей. Научно-правовые, философские и исторические аспекты / А. П. Фоков // *Гос-во и право*. – 2000. – № 10. – С. 51–56.
756. Фомин, А.А. Эффективность чрезвычайного законодательства и права человека / А.А. Фомин // *Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г.* – Волгоград, 2001. – С. 158–161.
757. Фролов, В. В. Особенности обеспечения законности в советский и постсоветский период : моногр. / В. В. Фролов; С.-Петерб. фил. Рос. нового ун-та. – СПб. : Береста, 2007. – 228 с.
758. Фролова, Е. А. Правосознание (теоретико-философский аспект) / Е. А. Фролова // *Гос-во и право*. – 2011. – № 7. – С. 14–22.
759. Хабибулин, А. Г. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности / А. Г. Хабибулин, Р. А. Рахимов // *Гос-во и право*. – 2000. – № 5. – С. 5–11.
760. Хабриева, Е. Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции / Е. Я. Хабриева // *Правоведение*. – 1998. – № 1 (220). – С. 22–27.
761. Хайде, В. Система правосудия Федеративной Республики Германия / В. Хайде. – Изд. общество с огр. отв. «Федеральный вестник», Кельн, Германия, 1990. – 185 с. (на рус. яз. Германский фонд междунар. правового сотрудничества, Бонн, 1995 г.).
762. Хаманева, Н. Ю. Обжалование в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан России / Н. Ю. Хаманева // *Гос-во и право*. – 1993. – № 11. – С. 24–30.
763. Хаманева, Н. Кому подать жалобу / Н. Хаманева // *Соц. законность*. – 1990. – № 12. – С. 7–9.
764. Хаманева, Н. Ю. Институт уполномоченного по правам ребенка: проблемы развития и совершенствования / Н. Ю. Хаманева. – Тр. ин-та гос-ва и права Рос. акад. наук. – М., 2012. – № 5. – С. 96–109.

765. Хаманева, Н. Ю. Теоретические проблемы административно-правового спора / Н. Ю. Хаманева // Гос-во и право. – 1998. – № 12. – С. 29–36.
766. Харабет, К. В. Проблема социальной защиты населения в России / К. В. Харабет // Права человека в России: декларации нормы и жизнь : материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / К. В. Харабет [и др.] // Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 31–41.
767. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Авонасина и Е. В. Моисеева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 302 с.
768. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – СПб. : Юрид. центр прессы, 2007. – 950 с.
769. Хлус, А. Права и свободы граждан в сфере оперативно-розыскной деятельности и судебные гарантии их соблюдения / А. Хлус // Судовы весн. – 2012. – № 3 (82). – С. 77–80.
770. Хомич, В. М. Пытка как злоупотребление государства принципами, лежащими в основе ограничения прав и свобод человека / В. М. Хомич // Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: европейские стандарты и Республика Беларусь / В. М. Хомич ; отв. ред. В. В. Филиппов ; науч. ред. А. Е. Вашкевич. – Минск : Тесей, 2004. – С. 86–98.
771. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности / В. М. Хомич. – Минск : БГУ, 1998. – 132 с.
772. Чепурнов, А. А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. А. Чепурнов ; Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2006. – 34 с.
773. Чередниченко, О. В. Конституционно-правовые основы регулирования медицинской помощи в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. В. Чередниченко. – Минск, 2008. – 120 с.
774. Черниченко, С. В. Международное право: современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 296 с.
775. Черниченко, С. В. ООН и права человека / С. В. Черниченко // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека, Москва, 17–18 февр. 1999 г. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1999. – С. 78–79.
776. Чернявская, Г. А. Права человека : учеб.-метод. комплекс / Г. А. Чернявская. – Минск : МИУ, 2011. – 127 с.

777. Честнов, И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека) / И. Л. Честнов // Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 73–82.
778. Четвернин, В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В. А. Четвернин. – М. : ИГПАН, 1993. – 142 с.
779. Четвернин, В. А. Современные концепции естественного права / В. А. Четвернин. – М. : Наука, 1988. – 140 с.
780. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Л. : Ленингр. гос. ун-т. – 1968. – 72 с.
781. Чечот, Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы) / Д. М. Чечот. – Л. : изд. Ленингр. ун-та, 1973. – 134 с.
782. Чиков, В. П. Универсальные и региональные системы защиты прав человека и интересов государства / В. П. Чиков [и др.] ; под ред. Г. И. Курдюкова. – Казань : ООО Легранд, 2002. – 420 с.
783. Чиркин, В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство / В. Е. Чиркин // Гос-во и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13.
784. Чрезвычайные полномочия. Европейская комиссия за демократию через право. – Изд. Совета Европы, 1995. – 143 с.
785. Чувилев, А. А. Актуальные вопросы уголовно-процессуального законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка / А. А. Чувилев. – М., 1979. – 195 с.
786. Чудаков, М. Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.) : монография / М. Ф. Чудаков. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.
787. Чудаков, М. Ф. Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 года. Государственно-правовая характеристика : учеб.-метод. пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 37 с.
788. Чудаков, М. Ф. Правовой статус гражданина в избирательной системе : науч.-правовое и практ. пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск : Тесей, 2001. – 36 с.
789. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс. – Минск : Право и экономика, 2009. – 310 с.
790. Чурилов, А. В. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве / А. В. Чурилов, В. З. Гущин // Гос-во и право. – 1998. – № 5. – С. 59–67.
791. Чхиквадзе, В. М. Советское государство и личность / В. М. Чхиквадзе. – М. : Юрид. лит., 1978. – 103 с.
792. Чхиквадзе, В. М. Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность / В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1978. – 303 с.

793. Шабайлов, В. И. Мониторинг как функция правотворчества и правоприменения / В. И. Шабайлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 71–80.
794. Шавцова, А. В. Влияние международного права на законодательство Республики Беларусь в области прав и свобод человека / А. В. Шавцова // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. конф., Гродно, 27 октября 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 116–117.
795. Шаклейн, Н. И. Ограничение прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н. И. Шаклейн ; Рос. гос. соц. ун-т. – Москва, 2006. – 26 с.
796. Шапп, Я. О свободе, морали и праве / Я. Шапп // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 85–92.
797. Шарков, А. В. Защита прав осужденных в новом уголовно-исполнительном законодательстве / А. В. Шарков, А. И. Гладкевич // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 окт. 2001 г. – Гродно, 2002. – С. 291–296.
798. Шарков, В. Е. Проблема социальной защиты населения в России. Права человека в России: декларации нормы и жизнь: материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию Всеобщ. декларации прав человека / В. Е. Шарков // Гос-во и право. – 2000. – № 4. – С. 32–36.
799. Шахов, В. Д. Юридические гарантии в трудовом праве и их эффективность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В. Д. Шахов ; Свердловск. юр. ин-т. – Свердловск, 1975. – 22 с.
800. Шиенок, В. П. Возможности реализации целей Всеобщей декларации прав человека в современном мире / В. П. Шиенок // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Акад. МВД; под ред. А. Ф. Вишневого [и др.]. – Минск, 2009. – С. 212–222.
801. Шиенок, В. П. Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1 (21). – С. 159–164.
802. Шиенок, В. П. Проблемы реализации принципов гражданского законодательства / В. П. Шиенок // Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 окт. 2007 г. /

- Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол. Г. А. Короленок [и др.]. – Минск, 2007. – С. 38–41.
803. Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1 (23). – С. 163–168.
804. Шишанова, В. А. Охрана прав граждан средствами прокурорского надзора. Государственно-правовые проблемы обеспечения и защиты прав граждан / В. А. Шишанова. – Тверь, 1992. – 190 с.
805. Шишко, А. И. Правовое регулирование деятельности профсоюзов Республики Беларусь по социальной защите граждан / А. И. Шишко // Весн. Гродз. дзярж. ун-та, Сер. 4: Правазнаўства. – 2012. – № 5 (138). – С. 70–79.
806. Шундилов, К. В. Правовые механизмы: основы теории / К. В. Шундилов // Гос-во и право. – 2006. – № 12. – С. 12–21.
807. Щерба, С. П. Обеспечение безопасности участников процесса / С. П. Щерба, О. А. Зайцев // Вестн. МВД Рос. Федерации. – 1993. – № 6. – С. 25–27.
808. Эбзеев, Б. Прямое действие Конституции РФ и конкретизация ее норм / Б. Эбзеев, В. Радченко // Рос. юстиция. – 1994. – № 7. – С. 7–9.
809. Эбзеев, Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР / Б. С. Эбзеев. – Саратов : Изд. Саратов. ун-та, 1982. – 137 с.
810. Эбзеев, Б. С. Советское государство и права человека / Б. С. Эбзеев. – Саратов : Изд. Саратов. ун-та, 1986. – 142 с.
811. Экологическая безопасность: социально-экономические аспекты / Г. М. Лыч [и др.]; под науч. ред. Г.М. Лыч. – Минск : БИП-С, 2003. – 174 с.
812. Энтин, М. Л. Международные гарантии прав человека. Практика Совета Европы / М. Л. Энтин. – М. : Междунар. отношения, 1992. – 237 с.
813. Юдельсон, К.С. Советский гражданский процесс / К. С. Юдельсон. – М. : Госюриздат, 1956. – 439 с.
814. Юдин, Ю. А. Политические партии и право в современном государстве / Ю. А. Юдин. – М. : Форум-Инфра-М, 1998. – 284 с.
815. Юлдашев, А. Р. Финансовые суды в Германии / А. Р. Юлдашев. – М. : Анкил, 2000. – 175 с.
816. Юнусов, А. А. Общетеоретические проблемы обеспечения прав человека в современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Юнусов ; Акад. упр. МВД России. – М., 2005. – 58 с.
817. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / под общ. ред. П. Д. Воеводина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 342 с.

818. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии XVI в. / И. А. Юхо. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.
819. Явич, Л. С. О философии права на XXI век / Л. С. Явич // Правоведение. – 2000. – № 4 (231). – С. 4–33.
820. Явчуновская, Р. А. Этнокультурные права человека / Р. А. Явчуновская // Права человека в современном мире : тез. междунар. теоретич. семинара, посвящ. 50-летию принятия Всеобщ. декларации прав человека, 10 дек. 1998 г. / подг. Л. О. Терновой, Р. А. Явчуновской. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – С. 22–26.
821. Ягофарова, И. Д. Понятие и пределы правового ограничения свободы человека (теоретико-правовой аспект) / И. Д. Ягофарова // Право и образование. – 2004. – № 3. – С. 119–138.
822. Ягудина, В. М. Юридическая ответственность: система и классификация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. М. Ягудина ; Моск. новый юрид. ин-т. – М., 2012. – 32 с.
823. Якимов, Г. А. Конституционный статус человека в Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Г. А. Якимов ; Уральская гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
824. Ярова, О. И. Становление института парламентского уполномоченного по правам человека в России / О. И. Ярова // Защита субъективных прав: история и современные проблемы : материалы III науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 марта 2001 г. – Волгоград, 2001. – С. 116.
825. Aboi, Selim. Menschenrechte und Kulturen. Aus dem Franz. Von Almut Franke und Wolfgang Schmale / Selim Aboi. – Bochum : Winkler, 1995.
826. Alessandro, Pinzani. Sind Menschenrechte «ein blanker Unsinn» / Pinzani Alessandro // Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten Jubiläum der UN-Erklärung / Benita von Behr. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien : Lang, 1999.
827. Barthel, Armin. Die Menschenrechte der dritten Generation / Armin Barthel. – Aachen : Alano, Ed, Herodot, 1991.
828. Birk, Rolf. Soziale Sicherheit und Europäische Sozialcharta / Rolf Birk // Sozialrecht und Sozialpolitik in Deutschland und Europa: Festschrift für Professor von Maydell / Hrsg.: Winfrid Boecken. – Neuwied ; Kriftel : Luchterhand, 2002. – S. 27–38.
829. Bodiraga-Vukobrat, Nada. Ist das Europäische Sozialmodell auf die Transformationsstaaten enwendbar? / Nada Bodiraga-Vukob // Sozialrecht und Sozialpolitik in Deutschland und Europa: Festschrift für Professor von Maydell / Hrsg.: Winfrid Boecken. – Neuwied ; Kriftel : Luchterhand, 2002. – S. 51–60.

830. Ehrlich, P. R. Thypopulation Explosion / P. R. Ehrlich, A. E. Ehrlich / New York, 1990.
831. Ermagora, F. Human Rightsund Domestic Iurisdichion / F. Ermagora // RdC. –T. 124. – 1969. –P. 396–405.
832. Greiffenhagen, Martin. Politische Legitimit in Deutschland / Martin Greiffenhagen. – Gütersloh, 1997. – S. 170–178.
833. Heusch, Andreas. Heusch Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit im Staats organisations recht / Andreas Heusch. – Dunckerq ; Humblot GmbH, Berlin, 2003.
834. Hochgeschwender, Michael. Zur Geschichte der Menschenrechte // Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten jubileum der UN-Erklerung / Benita von Behr. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien : Lang, 1999. – S. 27–50.
835. Hohenstein, Anne. Die Einführung der aktiven Sterbehilfe in der Bundesrepublik Deutschland. Ligt sich das Recht auf den eigenen Tod verfassungsrechtlich begründen? Logos Verlag / Anne Hohenstein. – Berlin, 2003.
836. Jaber, Dunja. Über den mehrfachen Sinn von Menschenwürde / Dunja Jaber. – Garantien. Ontos-Verlag. – Frankfurt, London, 2003.
837. Joerden, Jan C. Menschenleben. Ethische Grund – und Grenzfragen des Medizinrecht / Jan C. Joerden. – Druckerei Proff, Eurasburg. Printed in Germany, 2003.
838. Kehrer, Günter. Menschenrechte und die Religionen // Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten jubiläum der UN-Erklärung / GünterKehrer // Benita von Behr. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien. –Lang, 1999. – S. 69–76.
839. Klein, Eckart. Die Rolle internationalen Organisation bei der Normirung und Durchsetzung der Menschenrechte / Eckart Klein / Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten jubiläum der UN-Erklärung / Benita von Behr. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien : Lang, 1999. – S. 168–169.
840. Kreikebohm, Ralf. Zukunft des Arbeitslebens und Soziale Sicherheit / Ralf Kreikebohm //Sozialrecht und Sozialpolitik in Deutschland und Europa: Festschrift fürProfessor von Maydell / Hrg.: Winfrid Boecken. – Neuwied ; Kriftel : Luchterchand, 2002. – S. 377–394.
841. Krings, Günter. Grund und Grenzen grundrechtlicher Schutzansprüche / Günter Krings. – Duncker – Humblot – Berlin, 2003. – S. 161–169.
842. Lucius, Gaflisch. Der neue Internationale Strafgerichtshof – Einnotigero der wunschenswerter Eingriffin diestaatliche Hoheit? / Gaflisch Lucius. – Heidelberg : Druck : Heumann Druck, 2002. – S. 39–62.

843. Marx, Reinhard. Amnesty international – Die Hervorbringung einer spezifischen Strategie aus dem aktuellen Kontext des menschenrechtlichen Diskurses / 40 Jahre für die Menschenrechte / Hrsg.: Amnesty International. – Neuwied ; Kriftel : Luchterhand, 2001. – S. 23–24.
844. Menschenrechte vor der Jahrtausendwende. Herausgegeben von / Heiner Bielefeldt; Volkmar Deile; Bernd Thomsen; Fischer Taschenbuch // Verlag GmbH. – Frankfurt am Main, 1993.
845. Merrils, J. G. Anatomy of International Law: Modern legal studies / J. G. Merrils. – London, 1976.
846. Mieth, Dietmar. Menschenwürde und Menschenrechte in theologisch – ethischer Sicht // Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten Jubiläum der UN-Erklärung / Dietmar Mieth // Benita von Behr. – Frankfurt am Main; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien. – Lang, 1999. – S. 77–97.
847. Mihr, Anja. Die role von Menschenrechtsorganisationen und NGOs / Anja Mihr // Menschenrechte. Ein interdisziplinäres Handbuch. Verlag J. B Metzler, Stuttgart-Weimar, 2012. – S. 418–423.
848. Munch, J. Das Bundesverfassungsgericht als Teil des Rechtsstaates / J. Munch. – Jura, 1992. – S. 505–508.
849. Nolte, Georg. Gleichheit und Nichtdiskriminierung / Georg Nolte / Rüdiger Wolfrum Gleichheit und Nichtdiskriminierung im nationalen und internationalen Menschenrechtsschutz. Max-Planck – Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. – Heidelberg. – 2003. – S. 235–252.
850. Oppermann, Thomas. Menschenrechte in Europa und in der Welt – die juristische Gewährleistung heute / Thomas Oppermann // Perspektiven der Menschenrechte: Beiträge zum fünfzigsten Jubiläum der UN-Erklärung / Benita von Behr. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Wien : Lang, 1999. – S. 66–67.
851. Pflüger, Friedbert. Menschenrechte und Realpolitik / Friedbert Pflüger/ Eckart Klein / Christoph Menke (Hrsg.) Menschheit und Menschenrechte Probleme der Universalisierung und Institutionalisierung, Tagung Potsdam, 7./8. Dezember, 2001. – S. 23–30.
852. Scherzberg, Arno. Wozu und wie überhaupt noch öffentliches Recht? / Arno Scherzberg. – De Gruyter Recht. – Berlin, 2003. – S. 36–45.
853. Schmahl, Stefanie. Internationales Menschenrechtsregime / Stefanie Schmahl // Menschenrechte. Ein interdisziplinäres Handbuch. Verlag J. B-Metzler, Stuttgart-Weimar, 2012 – S. 410–418.
854. Sozialgesetzbuch I vom 1975. 11. 12. – BGBl I 3015.

855. Stein, Torsten. Welche Lehren sind aus dem Eingriff der Nato im Kosovo zu ziehen? / Torsten Stein – Druck : Heumann Druck, Heidelberg, 2002.
856. Tomuschat, Christian. Menschenrechtsschutz und innere Angelegenheiten / Christian Tomuschat. – Druck : Heumann Druck, Heidelberg, 2002.
857. Toynbee, A. Changeandhabit / A. Toynbee. – London, 1966.
858. Ulrich, Fülbier. Die Religionsfreiheit in der Bundesrepublik Deutschland und den Vereinigten Staaten von Amerika unter spezieller Berücksichtigung der jeweiligen Methodik der Verfassungsinterpretation / FülbierUlrich. – Duncker & Humbolt GmbH. – Berlin, 2003.
859. Walter, Christian. Gleichheit und Rationalitet: Umfang und Grenzen der verfassungsgerichtlichen Kontrolle des Gesetzgebers anhand des Gleichheitssatzes / Christian Walter // Rüdiger Wolfrum Gleichheit und Nichtdiskriminierung im nationalen und internationalen Menschenrechtsschutz. Max-Planck – Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. – Heidelberg. – 2003. – S. 253–271.
860. Wienhues, Gündisch. Rechtsschutz in der Europäischen Union / Gündisch Wienhues. – Boorberg Stuttgart – München – Hannover – Berlin – Weimar – Dresden, 2003.
861. Wolfram, Höfling. Die Verfassungsbeschwerde zum Staatsgerichtshof / HöflingWolfram. Hilty Buch – und Offsetdruckerei Anstalt, Schaan. – 2003.
862. Zuleeg, M. Zum Verhältnissnationaler und europäischer Grundrechte / M. Zuleeg // EuGRZ. – 2000. – S. 513–522.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Аналитический обзор литературы по теме, методология и методы исследования	7
Глава 2. Теоретико-методологические основы конституционно-правового статуса личности	29
2.1. Понятие правового статуса личности	29
2.2. Принципы правового статуса личности	40
Глава 3. Концептуально-сущностная характеристика элементов конституционно-правового статуса личности	47
3.1. Понятие и характеристика прав человека	47
3.2. Понятие и характеристика защиты прав человека и гражданина	76
3.3. Понятие и характеристика обязанности	90
3.4. Понятие и характеристика ответственности	95
3.5. Понятие и характеристика гарантий	106
Глава 4. Конституционно-правовые аспекты закрепления элементов правового статуса личности в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь	117
4.1. Международно-правовые основы закрепления элементов правового статуса личности	117
4.2. Закрепление элементов правового статуса личности в национальном законодательстве Республики Беларусь	135
4.3. Проблемы соотношения международно-правовых норм и системы законодательства республики беларусь, регулирующих общественные отношения в области правового статуса личности	166
Глава 5. Конституционно-правовые формы национальной защиты прав человека и гражданина	177
5.1. Государственная защита	177
5.1.1. Судебная форма защиты	177

5.1.2. Административная форма защиты	200
5.1.3. Прокурорская форма защиты	212
5.1.4. Социально-правовая защита конституционных прав личности	217
5.2. Общественная защита	224
Заключение. Основные научные результаты монографии ..	234
Список использованных источников	247

Научное издание

Кивель Владимир Николаевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ**

Монография

Редактор *Е. В. Аземша*
Компьютерная верстка *В. И. Дробудько*
Дизайн обложки *Е. А. Полторжицкая*

Подписано в печать 24.01.2017.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 100 экз. Заказ

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/423 от 02.09.2014.

Отпечатано в Унитарном предприятии «Типография ФПБ».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 2/18 от 26.11.2013.

ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.

Пл. Свободы, 23/90, г. Минск.